

ОЧЕРКЪ III.

ОХОТСКОЕ МОРЕ.

Очеркъ береговъ.—Отношеніе Становаго хребта къ Охотскому морю.—Геогностическое строеніе.—Теченіе Охотскаго моря, характеризующее его значеніе на материкѣ Азіи.—Низменія земной поверхности.—Растительность по берегамъ.—Богатство фауны.—Ловля тюленей, китовъ.—Изобиліе рыбъ.—Главныя населенныя мѣста и острова.—Историческія ланныя.—Курильскіе острова.—Коряки.—Галки.—Перевалъ узкимъ путемъ къ Охотскому морю.—Вѣда на собакахъ.—Сибирскія пушканы.—Переходъ отъ Охотскаго моря къ Амуру.

*Въ пустыни оль царствъ сѣверныхъ морей,
При заревѣ арктическихъ сіней,
На байдарѣ полярныхъ дикарей,
Средь шума волнъ и вѣтра завываній,
Въ снѣгахъ и льдахъ, межъ рвущихъ зѣрей,
Гдѣ-бъ ни былъ я, въ далекомъ ли изгнаньи,
Вездѣ тебя, возлюбленная мать,
О, родина! я буду вспоминать!*

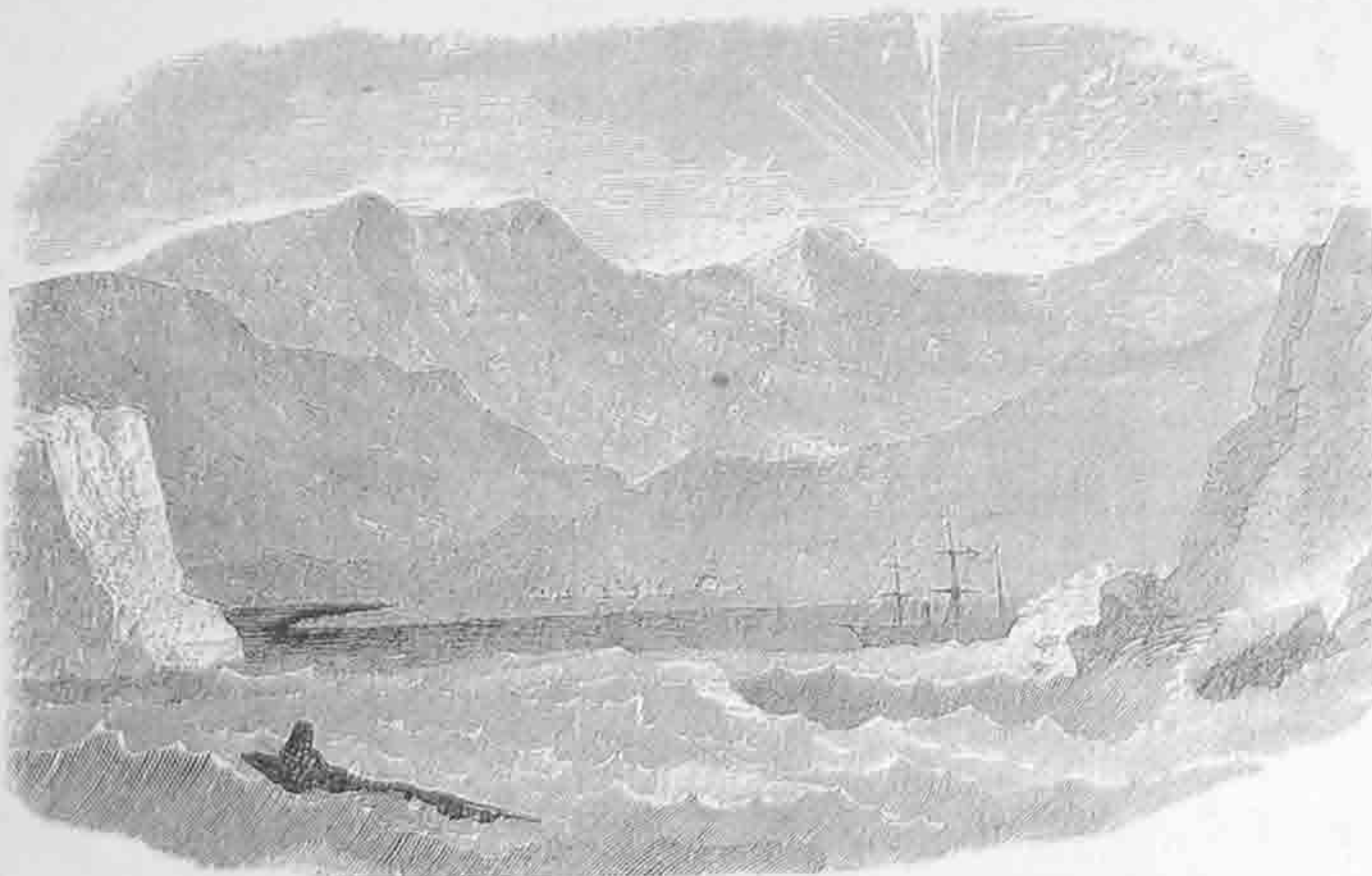
И. ПОКЕРНИКОВЪ.

а крайнемъ сѣверовостокѣ азіатскаго материка Россіи, глубоко вдается въ него Охотское море, составляя, съ одной стороны, часть Великаго или Восточнаго океана, въ видѣ обширнаго морскаго его бассейна, длиною въ 2,300 верстъ, шириною въ 1,200 верстъ, съ другой стороны врѣзываясь далеко въ холодный материкъ Сибири. Охотское море со своимъ побережьемъ представляетъ благодарную почву для наблюденій климатическихъ, метеорологическихъ, гидрографическихъ, геогностическихъ, зоологическихъ и проч. Рѣзкія противоположности характеризуютъ этотъ отдаленный край Россіи, лежащій въ десяти тысячахъ верстахъ отъ Петербурга, и представляютъ единственный въ своемъ родѣ результатъ борьбы теплаго континентальнаго воздуха и холоднаго моря. Богатая фауна самого Охотскаго моря привлекаетъ въ этотъ родной бассейнъ милліоны разнаго рода рыбъ и массу морскихъ млекопитающихъ, между тѣмъ какъ самое побережье представляетъ крайне бѣдныя поселенія, ограничивающіяся десятками, много сотнями душъ. Эти поселенія, возникшія первоначально въ слѣдствіе необходимости удержатъ за собой край, открытый и завоеванный русскими піонерами казаками и звѣропромышленниками, а затѣмъ въ слѣдствіе единственнаго въ то время возможнаго сообщенія съ Камчаткою и съ русскими владѣніями въ сѣверной Америкѣ, утратили это свое значеніе съ постепеннымъ вымираніемъ туземнаго населенія, съ уменьшеніемъ звѣринаго промысла, съ присоединеніемъ Амурскаго и Уссурийскаго края и съ уступкою Соединеннымъ Сѣвероамериканскимъ Штатамъ русскихъ колоній на западномъ берегу Великаго

Океана. Дѣвственные лѣса, крутизны Становаго хребта, съ его отрогами, лѣсныя топи и болота отдѣляютъ населенныя мѣста Охотскаго побережья на сотни верстъ отъ начала правильныхъ, благоустроенныхъ поселеній, живущихъ своимъ хлѣбопашествомъ въ Якутской губерніи.

Входъ въ Охотское море изъ Великаго Океана огражденъ островами, раздѣленными многими проливами. На юговостокѣ и югѣ лежитъ группа Курильскихъ острововъ, на югозападѣ островъ Иesso, а на западѣ островъ Сахалинъ. Съ сѣверозапада и сѣвера Охотское море ограничивается азіатскимъ материкомъ, а съ востока берегомъ полуострова Камчатки. Берега Охотскаго моря, сибирскій и камчатскій, представляютъ различныя очертанія, причемъ первый представляетъ глубоководшія въ материкъ заливы, которыхъ не оказывается на восточномъ берегу этого бассейна. Камчатскій берегъ только мѣстами гористъ, на примѣръ, отъ устья рѣки Камбадиной до рѣки Озерной, гдѣ онъ до того крутъ и утесистъ, что на немъ вдоль моря нѣтъ проѣзда; отъ устья Озерной до рѣки Опалы горы уже отложе, равно какъ отъ общаго устья Тылусы и Шекгача до устья рѣки Бѣлоголовой, на протяженіи 150 верстъ. Отъ Бѣлоголовой до рѣки Тигиля, берегъ, длиною въ 160 верстъ, утесистъ и скалистъ. Мѣстами тутъ попадаются и скалистые острова.

Самые значительные изъ тамошнихъ скалистыхъ выступовъ (кекуровъ) это Уткалоцкій носъ, вдающійся въ море на тридцать верстъ, при ширинѣ въ 20 верстъ, и мысъ Олеговъ съ Бабушкинымъ камнемъ. Отъ устья Тигиля до начала Пенжинской губы побережье на протяженіи 350 вер. остается скалистымъ. Остальная часть камчатскаго берега Охотскаго моря низменная, песчаная, особенно на протяженіе 85 верстъ, между рѣками Опалою и Большою.

Каменноугольныя копи на берегу Охотскаго моря (16° 16' сѣв. широты, 160° 31' восточной долготы).

Сибирскій берегъ Охотскаго моря, начиная съ Пенжинской губы, гористъ и утесистъ. Раздѣленія или вѣтви Становаго хребта оканчиваются у моря или выдающимися скалистыми мысами, или обрывистыми горами, у которыхъ подножіе только во время отливовъ представляетъ на нѣсколько часовъ сушу, между тѣмъ какъ при приливѣ волны разбиваются о самыя горы. Между этими горами находятся долины, по которымъ проложили себѣ путь къ морю многочисленныя рѣки, въ него впадающія. Вдающіеся въ море мысы образовали на сибирскомъ берегу Охотскаго моря многіе заливы и губы, которыми онъ изрѣзанъ. Такъ Пенжинская губа образуетъ сѣверовосточную оконечность Охотскаго моря и вдается въ материкъ между Камчаткою и Тайгоносскимъ полуостровомъ, въ сѣверовосточномъ направленіи, на 250 верстъ, при ширинѣ этого залива отъ 20 до 80 верстъ. Восточный берегъ губы, или камчатскій, очень изрѣзанъ, причемъ главными вырѣзками береговой линіи оказываются губы Рекинская и Мамчинская. Прибрежье къ югу отъ Рекинской губы сопровождается рифами и скалистыми островами, а восточное побережье губы представляетъ обрывы, состоящіе изъ мергельныхъ и глинистыхъ сланцевъ съ пластами бурога угля хорошаго качества. Въ южной части Пенжинской губы видны гранитныя и гнейсовыя обнаженія. Между слоями бурога угля попадаются обугленные стволы деревьевъ и отпечатки листьевъ двусѣменодольныхъ растений. Тайгоносскій полуостровъ, отдѣ-

ляющей Пенжинскую губу отъ соседней Гижигинской, состоитъ изъ осадочныхъ образований, но горный кряжъ, образующий остовъ полуострова, оказывается изъ гнейса и гранита, равно какъ и кряжъ, простирающийся вдоль западнаго побережья Гижигинской губы. На западномъ берегу полуострова Тайганоеъ есть жилы мѣдной лазури и встрѣчается киноварь. Вдоль восточнаго побережья Пенжинской губы находится нѣсколько острововъ. Въ губу впадаетъ рѣка Пенжина, берущая начало на водораздѣлѣ трехъ морей: Сѣвернаго океана, Берингова и Охотскаго морей. Длинною рѣка 300 верстъ, имѣетъ очень быстрое теченіе и замерзаетъ не ранѣе половины ноября. На рѣкѣ находится только одно селеніе Пенжинское, въ 200 верстахъ отъ окружнаго города Гижигинска, состоящее изъ пяти дворовъ, съ населеніемъ въ 40 душъ обоюго пола. На правомъ притоцѣ рѣки Пенжины находился нынѣ уже не существующій Акланскій острожекъ.

Гижигинская губа вдается въ материкъ по направленію къ сѣверу. Вдоль восточнаго и западнаго побережья губы простираются не высокіе гранитные кряжи. Ледъ въ Гижигинской губѣ стоитъ иногда до середины іюня. Гижигинская губа такъ мелководна, что суда подходятъ съ большимъ затрудненіемъ и только во время прилива воды къ маяку на устьѣ рѣки Гижиги. Западный берегъ Гижигинской губы простирается отъ устья Гижиги до мыса Арамчинскаго. Въ сѣверной части этого побережья находится самая значительная его вырѣзка, называемая Верхоламскою губою. Между мысомъ Арамчинскимъ и Пьячинымъ полуостровомъ, далеко вдающимся въ море, находится значительная Ямская губа, при устьѣ значительной рѣки Ямы. Передъ Пьячинымъ полуостровомъ лежитъ на Охотскомъ морѣ группа Ямскихъ острововъ. Между мысами Пьячинымъ и Алевинымъ лежитъ обширная Бабушкина губа, а затѣмъ между послѣднимъ мысомъ и Дугинскимъ Тауйская губа, имѣющая 60 верстъ длины и 200 верстъ ширины. Въ эту губу впадаютъ большія рѣки: Ола, Арманъ, Яна, Тауй. Близъ устья Тауя, на лѣвомъ берегу его, лежитъ село Тауйскъ, съ 200 жителей и церковью. Это одинъ изъ болѣе населенныхъ пунктовъ на Охотскомъ морѣ. Въ Тауйской губѣ расположены нѣсколько большихъ, возвышенныхъ острововъ, именно Талакъ, Ольскій, Коровій. На Ольскомъ островѣ есть гора, вышиною болѣе 3,000 футовъ. Берега губы мѣстами скалисты и возвышенны. Рѣка Тауй течетъ на протяженіи 200 верстъ, а рѣка Ола, вытекающая изъ Становаго хребта, имѣетъ длины 100 верстъ. Въ шести верстахъ отъ устья Олы, на мысѣ Колдерентинъ есть мѣсторожденіе нефти. Село Тауйское образовалось изъ бывшаго острога, основаннаго въ 1717 году. Около восьмидесяти верстъ отъ Тауйска лежитъ селеніе Арманъ, а въ 150 верстахъ деревня Ола. Въ двухъ стахъ верстахъ далѣе Ямскъ (бывшій острогъ) съ церковью, селенія Тахтаямъ и Туманъ. Ближе къ Охотску, въ 100 верстахъ отъ него, расположена русская деревня Иня, гдѣ былъ прежде солеваренный охотскій заводъ.

Отъ Дугинскаго мыса до Охотска нѣтъ значительныхъ береговыхъ вырѣзовъ, за исключеніемъ Еринейской губы, длиною въ 20 или 25 верстъ, при 10 верстахъ ширины. На этомъ побережьѣ Мареканскія горы образуютъ выступъ, который вдается въ море въ видѣ Мареканскаго мыса. Отъ Охотска береговая линія поворачиваетъ къ юговостоку. Тутъ горы близко подходятъ къ морю, оканчиваясь крутыми утесами или утесистыми выступами или мысами, которые образуютъ собою бухты и порты. Такой выступъ или мысъ Негданъ находится въ 130 верстахъ къ югу отъ Охотска. Между нимъ и Негданомъ впадаютъ въ море двѣ большія рѣки Уракъ и Уля. Утесы мыса Негдана имѣютъ около 700 футовъ вышины. Въ 230 верстахъ отъ Охотска находятся мысы Ханягда и Эмканъ, также въ видѣ выступовъ горнаго кряжа въ море. Мысъ Ханягда своими утесами возвышается на 700 футовъ. Противъ такого же высокаго мыса Эмканъ, почти въ семи сажняхъ отъ его оконечности, возвышается изъ моря каменный столбъ, въ видѣ башни, почти до одной высоты съ мысомъ. На этомъ прибрежьѣ впадаетъ большая рѣка Гюячи. За Эмканомъ верстахъ въ пятидесяти лежитъ мысъ Оджанъ, въ пяти верстахъ отъ котораго въ Охотскомъ морѣ находится скалистый островъ

Нансиканъ, имѣющій менѣе одной версты въ поперечникѣ. На немъ гнѣздятся во множествѣ морскія птицы. Отъ мыса Оджана до устья рѣки Улькана, на протяженіи ста верстъ, берегъ опять является высокимъ и утесистымъ. Между высокими и утесистыми мысами Кыннырканъ и Камкеръ находится на этомъ протяженіи бухта Св. Феодота, имѣющая въ отверстіи семь верстъ, а мысъ Эйханъ, вышиною въ 700 фут., защищаетъ другую небольшую бухту Св. Феодора, которая, какъ первая, защищена отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, но очень мелководна, а то могла бы служить хорошою гаванью. Южнѣе устья рѣки Улькана, въ море вдается гористый полуостровъ Нурки, ограничивающій Алдамскій заливъ, въ который впадаетъ рѣчка Алдома; въ 50 верстахъ къ югу отъ этого залива въ море вновь вдается гористый полуостровъ, оканчивающійся мысами Лонгдаръ и Вѣшнимъ, и защищающій съ сѣверовостока заливъ Аянъ. Въ семидесяти верстахъ къ югозападу отъ Аяна лежитъ мысъ Борисовъ, который вмѣстѣ съ прибрежнымъ островомъ Рейнеке, противолежащимъ мысу Борисову на южномъ берегу Охотскаго моря, можно принимать за оконечность обширнаго Удскаго залива, который разделяется на губы Удскую, Тугурскую и заливъ Акедити; заливъ Удскій имѣетъ въ своемъ отверстіи около 200 верстъ ширины. На берегахъ Удской губы находится два мыса: Укой и Магджалинде, изъ которыхъ послѣдній имѣетъ 700 футовъ вышины. Въ Удскую губу впадаетъ значительная рѣка Удь, на которой въ 90 верстахъ отъ устья находится Удскій Погостъ (острогъ). Удская губа отдѣляется отъ Тугурской обширнымъ и прямоугольнымъ выступомъ съ довольно высокимъ и крутымъ побережьемъ. Наиболѣе замѣчательные тутъ мысы: Чумиканъ, Тыльскій, Ала, Медвѣжье Одѣяло, особенно мысъ Нинта, на западномъ берегу Тугурской губы. Между этими мысами расположены многія небольшія бухты. Восточное побережье выступа, обращенное къ Тугурской губѣ, также круто и утесисто. На этомъ побережьи самыми значительными губами оказываются Мамга и Кумгай. Въ Тугурскую губу при ея оконечности впадаетъ значительная рѣка Тугуръ; эта оконечность называется губою Асмакъ. Тугурская губа отдѣляется отъ залива Академіи значительнымъ полуостровомъ. Высокая его оконечность называется полуостровомъ Сегнека, соединяется съ остальною частью полуострова узкою и низменною косою; на берегу полуострова, обращенномъ къ заливу Академіи, находится прекрасная обширная круглая бухта Великій Князь Константинъ, или Константиновская (названная такъ въ 1847 году капитанъ-лейтенантомъ Попловскимъ, но открытая впервые академикомъ Миддендорфомъ въ 1844 году). Заливъ Академія оканчивается губами Ульбанскою и Усальгинскою, которыя отдѣляются одна отъ другой узкимъ и длиннымъ полуостровомъ Токореу. Полуостровъ и мысъ Муктень образуютъ восточную крайнюю часть залива Академіи. Противъ этого полуострова, далеко выдающагося въ море, находятся два острова: Рейнеке и Меншиковъ. Къ востоку отъ мыса Елисавета, составляющаго сѣверную оконечность острова Сахалина, южная часть Охотскаго моря постепенно суживается клиномъ между группою Курильскихъ острововъ съ одной стороны и восточною оконечностью острова Сахалина съ другой стороны и оканчивается въ этомъ у острова Иессо, гдѣ имѣетъ сообщеніе съ Японскимъ моремъ посредствомъ пролива Лаперуза.

Край материка, ограждающій Охотское море съ юга, гдѣ оно было подробно изслѣдовано академикомъ Миддендорфомъ, состоитъ изъ крутыхъ горъ, которыя иногда возвышаются надъ моремъ на двѣ тысячи футовъ. Нѣкоторыя изъ первостепенныхъ высотъ, особенно на Тугурской губѣ и въ заливѣ Академіи, стоятъ очень близко къ морю, и чѣмъ ближе, тѣмъ круче бываетъ ихъ спускъ. Но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ море выдаются не такія огромныя отдѣльныя или сплошныя высоты, онѣ почти всегда представляютъ отвѣсныя или навѣсныя скалы, въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, выступающія изъ береговой линіи въ видѣ многочисленныхъ мысовъ. Характеристическою чертою южнаго берега Охотскаго моря является и то обстоятельство, весьма невыгодное для мореплаванія, что эти мысы обыкновенно продолжаются по дну морскому безчисленными подводными камнями, иногда рифами, версты двѣ въ

длину, которые то бываютъ совершенно скрыты подъ уровнемъ воды, то выходятъ наружу только при отливѣ, то выглядываютъ изъ воды при всякомъ ея уровнѣ. Нерѣдко дикій живописный видъ горныхъ скалистыхъ береговъ украшается каменными столбами, которые на концахъ рифовъ, идущихъ отъ берега, высоко поднимаются надъ моремъ, какъ естественные маяки, иногда прикрытые кое гдѣ чахлыми деревьями и почти всегда увѣнчанные орлиными гнѣздами. Съ этимъ характеромъ подводныхъ камней и рифовъ, прилегающихъ съ моря къ крутымъ берегамъ, очевидно находится въ связи та особенность, что хотя волны морскія во время прилива издавна прямо несутся на береговой обрывъ и всякая лодка, брошенная вѣтромъ и приливомъ на такое мѣсто, должна окончательно погибнуть, однако во время отлива, даже подъ самыми крутыми обрывами берега, обнажается уступъ изъ булыжника, которымъ берегъ окаймленъ на всемъ протяженіи почти безъ исключенія. Мѣста, на которыхъ самый большой отливъ не обнажалъ-бы такой каймы, также рѣдки, какъ и такія мѣста, гдѣ у мысовъ были-бы уступы, которые хотя въ самый большой приливъ доставляли бы безопасность. Академикъ Миддендорфъ со своимъ спутникомъ, топографомъ Вагановымъ едва не погибли въ подобной мѣстности. При обходѣ изъ Мамгинской губы мыса они должны были искать защиты отъ свѣжаго вѣтра, дувшаго къ берегу, у одного изъ такихъ уступовъ, лежавшаго выше другихъ. Но приливъ поднялъ воду выше обыкновеннаго и путники вскорѣ принуждены были вскарабкаться на выступъ только въ нѣсколько футовъ ширины у подошвы нависшаго надъ ними утеса и втащить на этотъ выступъ свою кожаную лодку, такъ что у нихъ не осталось ни одного фута впереди. Надъ путешественниками висѣла къ морю защищавшая ихъ скала, а къ ногамъ ихъ подступала вода все выше и выше. Съ яростью подкатывались къ нимъ волны, гонимыя съ открытаго моря, обливали ихъ буруномъ и вырывали изъ ихъ рукъ байдару, которую они съ трудомъ едва, едва удерживали. Если бы приливъ продолжалъ прибывать только еще пять минутъ, то волны неудержимо унесли бы обоихъ путниковъ.

Джоржъ Кенанъ, проведеній болѣе двухъ лѣтъ въ странствованіи по берегамъ Охотскаго моря и въ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу Азіи на службѣ американской компаніи, предположившей въ 1865—1867 году провести электрической телеграфъ изъ Америки въ Европу чрезъ Азію, рассказываетъ слѣдующимъ образомъ свое странствованіе по восточному берегу (камчатскому) Охотскаго моря, во время отлива: „Слѣдующее утро (въ первыхъ числахъ октября) было холодное и бурное; снѣгъ валилъ въ горахъ, а дождь лилъ въ долинахъ. На разсвѣтѣ мы сняли палатку, раздѣлили между собою багажъ и приняли всѣ мѣры, необходимыя для борьбы съ снѣгомъ и непроходимыми дорогами въ горахъ. Нашъ проводникъ, посовѣтовавшись съ товарищами, предложилъ намъ отказаться отъ перехода чрезъ горы, а вмѣсто того попытаться проѣхать сорокъ пять верстъ во время отлива по узкому берегу, откуда всякое отступленіе было отрѣзано скалистою стѣною въ сто или двѣсти футовъ вышины. Если мы во время достигнемъ ущелья,—все пойдетъ хорошо, если же нѣтъ—вода залетѣтъ берегъ на десять футовъ глубины и лошади наши, если не мы сами, будутъ унесены въ море. Дерзкая смѣлость этого предложенія дѣлала его гораздо привлекательнѣе труднаго странствованія по снѣжнымъ сугробамъ въ замерзшихъ платьяхъ, безъ всякой пищи, и я съ удовольствіемъ согласился на него и приписалъ нашему проводнику болѣе смысла и находчивости, чѣмъ до сихъ поръ встрѣчалъ между камчадалами. Отливъ только что начинался, и намъ нужно было еще подождать три или четыре часа пока вода сбудетъ на столько, что можно будетъ проѣхать по берегу. Около десяти часовъ, на сколько я могъ судить, не имѣя часовъ, нашъ проводникъ осмотрѣлъ берегъ и объявилъ, что пора идти въ путь; намъ оставалось четыре или пять часовъ, чтобы доѣхать до ущелья. Мы поспѣшно вскочили на лошадей и быстрымъ галопомъ пустились вдоль берега, подъ сѣнью грозныхъ, черныхъ утесовъ съ одной стороны и орошаемые солеными брызгами съ другой. Огромныя массы зеленой тины, водорослей и раковинъ, тысячи медузъ и обломки деревьевъ, выброшенные буруномъ, лежали грудами вдоль берега; но мы неслись чрезъ все это въ бѣшеномъ галопѣ, останавливая нашихъ лошадей

только тогда, когда нужно было пробираться между огромными каменными глыбами, скатившимися съ вершины скалъ, которыя мѣстами загромождали берегъ сѣрыми обломками, въ семь и болѣе футовъ вышины. Первые двадцать семь верстъ мы проѣхали великолѣпнѣйшимъ образомъ, когда ѣхавшій впереди остановился такъ внезапно, что едва не упалъ съ лошади и мы услышали знакомый крикъ: „медвѣдь! медвѣдь! два!“ Дѣйствительно, два медвѣдя, казалось, пробиралось по берегу на четверть мили впереди насъ; но какъ попали медвѣди въ это отчаянное положеніе, гдѣ они должны были неизбежно потонуть чрезъ два или три часа, этого мы не могли понять. Впрочемъ для насъ это не дѣлало никакой разницы; ясно было, что медвѣди здѣсь и мы должны проѣхать мимо ихъ. Очевидно, одна изъ двухъ партій должна была попасть на завтракъ другой. Разойтись было невозможно, такъ какъ между скалами и моремъ была только узенькая полоса земли. Мы стали осторожно пробираться вдоль скалъ, желая выстрѣлить въ медвѣдей прежде, чѣмъ они насъ увидятъ. Мы подѣхали уже довольно близко, какъ вдругъ передовой изъ нашей группы разразился громкимъ смѣхомъ и закричалъ: «это люди!» Когда они вышли изъ за утеса, я также убѣдился, что это были люди, два камчадала, одѣтые въ звѣриныя шкуры, которыя были посланы съ извѣстіемъ къ намъ вслѣдъ за нами. Нечего было тратить время на дальнѣйшія объясненія. Вода быстро прибывала и мы должны были сдѣлать восемнадцать верстъ менѣе, чѣмъ въ часъ времени, или лишиться нашихъ лошадей. Мы посадили усталыхъ, промокшихъ камчадаловъ на двухъ свободныхъ коней и снова отиравились въ путь крупною рысью. По мѣрѣ приближенія къ ущелью, положеніе наше дѣлалось все болѣе и болѣе критическимъ. У каждой выдающейся скалы вода была все выше и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она уже покрывала брызгами и пѣною подножія утесовъ, наши лошади шли быстро впередъ и одна только выдающаяся скала отдѣляла насъ отъ ущелья. Море бурлило возлѣ нея такъ, что мы проскакали нѣсколько футовъ по водѣ и чрезъ пять минутъ бросили поводья у входа въ ущелье. Путешествіе было трудное, но мы пріѣхали десять минутъ ранѣе, чѣмъ ожидали. Ущелье, по которому пролегалъ нашъ путь, было завалено каменными глыбами и покрыто непроходимой чащею сосенъ и ольхъ, такъ что въ продолженіе двухъ часовъ мы должны были прорубать себѣ топорами дорогу съ страшнымъ трудомъ⁶⁶.

Возвращаемся къ южному берегу Охотскаго моря. Гдѣ берегъ между двумя мысами вогнутъ въ материкъ, тамъ море захватываетъ края долинъ, лежащихъ между вѣтвями горъ, оканчивающихся мысами, и въ такихъ мѣстахъ, особенно въ глубинѣ бухтъ, никогда нѣтъ недостатка въ мѣстахъ для пристанища лодокъ на каменныхъ или песчаныхъ уступахъ, которыя имѣютъ большую или меньшую покатость, соединясь съ подошвою или съ отлогостями хребтовъ, спускающихся въ долины. Переходныя мѣста отъ этихъ мелей къ долинамъ, лишь изрѣдка и на короткое время заливаемыя водою во время самыхъ большихъ приливовъ, наполненыя и обложенныя морскимъ иломъ, прикрыты плотною опушкою соляннхъ травъ. Ближе къ водѣ на пространствѣ, захватываемомъ приливами обыкновенной высоты, лежитъ размытый булыжникъ; еще далѣе, подъ уровнемъ средней высоты моря, песокъ или глинистый морской илъ, смотря по обстоятельствамъ, прикрываютъ скалистое дно и во время отливовъ обнажаются, а вмѣстѣ съ ними выходятъ наружу, и всего болѣе у самаго крайняго предѣла убывающей воды во время отливовъ, большіе валуны, которые приносятъ съ собою ледъ и, растаявши, оставляютъ чѣмъ больше и глубже бухта, чѣмъ больше примыкающая къ ея дну долина и чѣмъ больше также заливаемый ею горный потокъ, тѣмъ толще слой галекъ, песку или глины, которыя могли нанести на морское дно материковыя воды въ теченіе вѣковъ, тѣмъ мельче берегъ и потому морское дно обнажается во время отливовъ на цѣлыя версты. Визкій морской илъ мѣшается въ такихъ мѣстахъ приставать къ берегу. Въ Удской губѣ, особенно въ сѣверной половинѣ, дно моря обнажается при отливѣ на шесть, на семь верстъ, точно также въ оконечности Нальчинской губы. Къ юго-востоку

это обнаженіе дна въ Удской губѣ совершенно прекращается у мыса Тыльскаго, гдѣ береговыя скалы окаймлены наносомъ гольшею только въ двѣнадцать сажень ширины. Въ глубины, а въ губахъ Торомской и Уяконской всего на двѣ версты. Губа Лебязья на южномъ берегу Феклистова острова названа Сухою отъ того, что при отливѣ вода почти совсѣмъ уходитъ изъ нея. Но гдѣ быстрота стремительнаго впаденія рѣки находится въ постоянной борьбѣ силою морскихъ волнъ, тамъ устья рѣкъ до того загромождены гальками, что даже значительнѣйшія изъ устьевъ во время отливовъ хотя очень широки, но текутъ чрезъ розсыпи совершенно мелкими струями и вода исчезаетъ, просачиваясь сквозь розсыпь въ море. По устью Уди даже въ челнокѣ нельзя спуститься въ море. Но чрезъ нѣсколько часовъ послѣ того, на тѣхъ же мѣстахъ, отъ прилива дѣлается 15 футовъ глубины. Горныхъ рѣчекъ по берегамъ Охотскаго моря, особенно богатымъ дождями, безчисленное множество и во многихъ мѣстахъ мелкіе ручьи очень живописно падаютъ въ море съ высокихъ береговыхъ скалъ, представляя своеобразныя водопады.

Гористое очертаніе западнаго берега Охотскаго моря, простирающее свое вліяніе на те-

ченіе и впаденіе въ него рѣкъ, а равно и на климатъ его побережья, вызвано развѣтвленіями Становаго хребта, направленными къ этому обширному бассейну Великаго океана. Та часть Становаго хребта, которая идетъ вдоль западнаго берега Охотскаго моря называется Алданскимъ хребтомъ, и, имѣя одинаковое направленіе съ Бурейскимъ хребтомъ, составляетъ какъ бы его продолженіе.

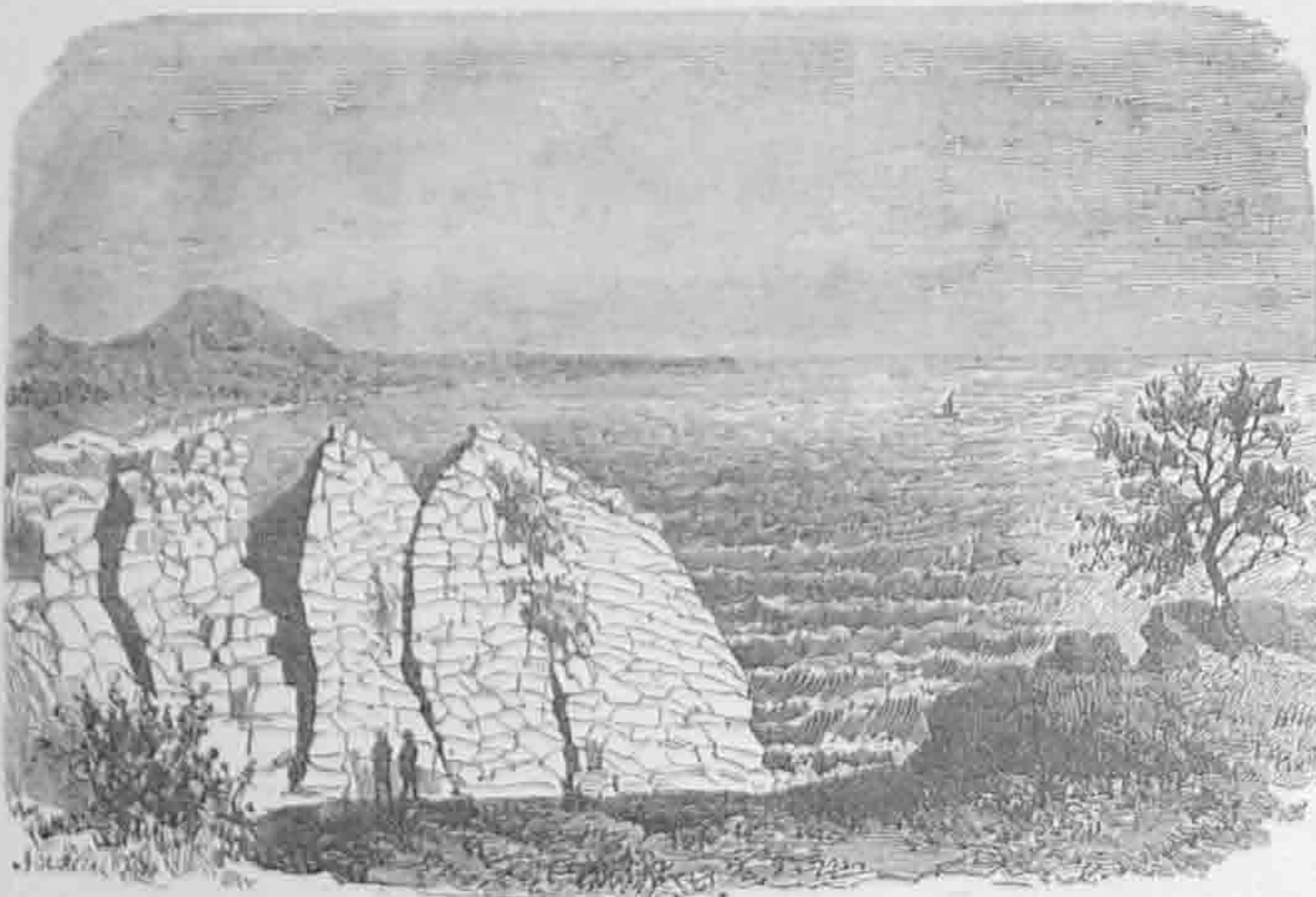

Южный берегъ Охотскаго моря къ западу отъ Дугандя.

Становой водораздѣлъ и Алданскій хребетъ называется туземцами однимъ общимъ именемъ Джукджуръ. Хребты юго-восточной Сибири (Бурейскій, Алданскій хребты, Сихотэ (вдоль Татарскаго пролива) и Японско-курильско-камчатская гряда острововъ) отличаются прямоугольностью и параллелизмомъ. Многія изъ этихъ цѣпей состоятъ также изъ параллельныхъ хребтовъ, какъ доказалъ Эрманъ относительно Алданскаго хребта и затѣмъ Миддендорфъ касательно Бурейскаго хребта, а Шварцъ по отношенію къ сѣверному склону вдоль Витима. Эти меридіанныя хребты выпускаютъ свои вѣтви прямоугольно: подъ прямыми углами сходятся они съ другими, вѣроятно, древнѣйшими поднятіями, которыя въ своемъ протяженіи и такимъ образомъ описываютъ четвероугольныя, высокоогражденныя рѣчныя области, часто такой же длины, какъ и ширины. Рѣчная область Уди, впадающей въ Охотское море, служитъ подобнымъ образцемъ. Даже обращенная къ морю ея сторона по большей части замкнута высокимъ горнымъ отрогомъ—Удскимъ хребтомъ, который, выдѣляясь къ юго-юго востоку отъ Становаго, преграждаетъ путь Половинной рѣки (Мая) и заставляетъ ее излиться въ Удь. Тоже самое весьма часто повторяется въ каждой системѣ хребтовъ, напримѣръ въ долині истоковъ Тугура, въ долині Ульбани, Усальгинѣ и т. д. Всѣ эти рѣки впадаютъ въ Охотское море. Въ горахъ, окружающихъ это море, встрѣ-

чается явное подтверждение ромбоидальной основной формы, найденной Риттеромъ въ плоской возвышенности центральной Азии. Какъ на крайнемъ западѣ азіатскаго материка, отъ нагорья Тибета до Эгейскаго моря, подѣ вълініемъ правильныхъ основныхъ направлений, господствуетъ образование плоскихъ возвышенностей въ формѣ ромба и трапеціи, такъ точно и на берегахъ Охотскаго моря, на крайнемъ востокѣ Азии, она господствуетъ въ грядкахъ хребтовъ, но притомъ доходитъ до правильности фигуръ параллелограмма и квадрата. Видъ прибрежныхъ скалъ въ окрестностяхъ Охотска служитъ нагляднымъ тому примѣромъ.

Горные хребты на южномъ берегу Охотскаго моря представляютъ нѣкоторыя характерныя особенности. Меридіаннѣй Буренскій хребетъ, въ продолженіи своемъ на сѣверъ, на одинаковой широтѣ съ кодыномъ Тугура, поворачиваетъ почти подѣ прямымъ угломъ на западъ, но прежнее направленіе хребта прерывается только въ сорока верстахъ отъ южнаго берега моря, не доходя до устья рѣки Уди и тутъ параллельно морскому берегу начинается отрогъ его къ западному берегу Тугурской губы. Это хребетъ Шантарскаго берега, высокіе безлѣсные гольцы котораго обрываются спускаются въ море. Онъ оканчивается мысомъ Огогангдра. Береговой Шантарскій хребетъ состоитъ изъ гребня и видныхъ другъ за другомъ

Видъ въ окрестностяхъ Охотска.

вершинъ, которыя по большей части безлѣсны, такъ какъ состоятъ изъ глыбъ и развалинъ скалъ. Только основаніе этихъ вершинъ покрыто мелкимъ кедровымъ кустарникомъ (сланцемъ). Высота вершинъ этого хребта въ 3000 футовъ и даже больше. Кромѣ этого главнаго хребта къ Охотскому морю въ его южной части идутъ еще и другія высоты, изъ которыхъ значительнѣе остальныхъ та, которая оканчивается мысомъ Ларгангда. Самая высокая вершина состоитъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря; другая, немного пониже, около 1,500 футовъ, торчитъ почти у самаго моря, въ развалинахъ, безлѣсная. И на востокъ отъ Тугурской губы идетъ береговой хребетъ, Мевачанъ, параллельно берегу, но его гребень ниже Шантарскаго, а вершины не столь высоки и болѣе округлены. Шантарскій хребетъ и Мевачанъ пускаютъ къ морскому берегу отвѣсно множество вѣтвей; отроги Мевачана крутизною своею превосходятъ главный кряжъ хребта; ихъ гребни иногда поднимаются остриями. Эти вѣтви и дальнѣйшіе ихъ отпрыски продолжаются иногда на цѣлыя версты въ море въ видѣ рифовъ, утесистыхъ острововъ въ видѣ башенъ и столбовъ. Они называются «отпрыдышами» или «кекурами» и находятся по всѣмъ берегамъ Охотскаго моря. Эти отпрыдыши, въ видѣ башенъ и столбовъ, и придаютъ особенно живописную характеристику берегамъ этого моря, когда къ нимъ подъѣзжаютъ съ морской стороны. Разсѣлины въ отвѣсныхъ скалахъ, вывѣтрившіяся щели, распространяющіяся иногда до небольшихъ пещеръ, съ развалинами скалъ, живописно убранныхъ деревьями и кустарникомъ, представляютъ поразительныя картины и разнообразныя виды.

Геогностическій составъ побережья Охотскаго моря отличается большимъ разнообразіемъ, хотя въ этомъ отношеніи замѣчается недостатокъ подробныхъ его наблюдений и изслѣдованій. На берегахъ моря изъ кристаллическихъ породъ встрѣчаются діориты, порфиры, граниты и

даже лабрадоры, но еще распространѣе ихъ оказываются вулканической породы базальты и трехиты, изъ которыхъ состоитъ весь значительный рядъ вулкановъ Курильскихъ острововъ и которые встрѣчаются на всемъ камчатскомъ берегу Охотскаго моря, а также въ Мареканскихъ горахъ у города Охотска, на полуостровѣ Сегнека и на берегахъ Уяконской губы, въ Удскомъ заливѣ. Кристаллическіе сланцы также находятся на берегахъ Охотскаго моря. На Караульномъ мысѣ въ Удскомъ краѣ доказано присутствіе палеозоическихъ формаций юрской формации на островѣ Сахалинѣ, эоценовой въ Камчаткѣ. Нѣсколько подробнѣе сообщаетъ о геогностическомъ строеніи Охотскаго края Миддендорфъ, совершившій переѣздъ отъ Якутска къ Удскому острогу. Такъ между рѣками Алданомъ и Учуромъ (последняя впадаетъ въ первую) онъ переѣхалъ пять параллельныхъ низменныхъ кряжей. Плутоническія породы, поднявшія эти параллельные кряжи, остались скрытыми подъ осадочными пластами, за исключеніемъ ближайшихъ окрестностей Учюра, гдѣ на сѣверо-западномъ берегу пробился наружу мелкозернистый гранитъ и поднялись конусы трахитовиднаго діорита. Этотъ хребетъ ограничиваетъ собою западный край уступа, среди котораго течетъ рѣка Учуръ вдоль этого уступа, состоящаго опять изъ толщъ известняка, большею частію превращеннаго въ доломитъ. На рѣкѣ Уянѣ, еще ближе къ Удскому острогу, кристаллическія породы снова выступаютъ и на огромномъ пространствѣ образуютъ главный кряжъ Алданскаго хребта. Крупнозернистый гранитъ составляетъ сѣверо-западный склонъ гребня; на высотѣ хребта онъ дѣлается порфировиднымъ и выдѣляетъ изъ себя лабрадоръ, а потомъ на юго-восточномъ склонѣ принимаетъ въ себя роговую обманку. Къ морю отъ Алданскаго хребта, параллельная съ нимъ цѣпь Конуной состоитъ опять изъ гранита, который, въ слѣдствіе новыхъ взло-

Видъ Станового или Яблонового хребта по Охотскому тракту.

мовъ, прорвавшихся сквозь него, является снова измѣненнымъ, гораздо менѣе содержитъ въ себѣ кварца и состоитъ изъ красноватаго полеваго шпата. Другая параллельная цѣпь, еще ближе предшествовавшей къ Охотскому морю, хребетъ Тыллахъ, хотя и обнаруживаетъ въ себѣ гранитную внутренность, но, пропустивъ сквозь себя діоритовый порфиръ и трахитовую породу, приводитъ уже къ низменнымъ предгорьямъ, на которыхъ стоитъ Удскій острогъ и которыя состоятъ изъ базальта съ оливиномъ и изъ базальтовой лавы (лавовидный базальтъ). Въ десяти верстахъ къ востоку отъ Охотска встрѣчается гранитъ, а на устьѣ Мареканки базальтовая порода, перлитъ, мареконитъ, смолистый камень, которые образовались отъ переплавки и остекленѣнія базальтомъ окружавшихъ ихъ породъ въ лавовидныя. Близъ моря эти базальтовые породы преимущественно наполнили расщелины и не поднялись до значительной цѣпи высотъ. По наблюденіямъ Дитмара о срединѣ Алданскаго хребта у Аяна, высота перевала чрезъ его гребень состоитъ изъ гранита и гнейса, западный склонъ изъ породъ діорита, а дальше внизъ изъ остроконечныхъ горъ краснаго порфира (въ 150 верстахъ отъ Аяна).

Съ горизонтальнымъ напластованіемъ известковыхъ толщъ на южномъ концѣ Алданскаго хребта связано особенное мѣстное явленіе, именно частое исчезаніе текущихъ водъ подъ землей, которое свойственно этому известняку на всемъ его протяженіи между рѣками Алданомъ

и Учуромъ. Такимъ путемъ скрываются не только весенніе потоки, но и горные ручьи. Это явление производитъ особенно поразительное впечатлѣніе, когда путешественникъ поневодѣ слѣдуетъ за теченіемъ бурливаго горнаго прохода, не находя чрезъ него брода. Противъ правила проводникъ ведетъ поѣздъ внизъ по теченію ручья вмѣсто того, чтобы вверху искать мелководья. Пускаются напрямикъ, чрезъ густой лиственничный и кедровый лѣсъ, стараясь взять на перерѣзъ кручину; выбираютъ наконецъ изъ чащи и вдругъ горный ручей, котораго не могли перейти въ продолженіе всего дня, исчезаетъ какъ будто какимъ то волшебствомъ. Хотя не видно, чтобы известнякъ былъ напластованъ въ перемежку съ какими нибудь легко размываемыми слоями, однако частыя воронки убѣждаютъ, что въ немъ есть большія вымываемыя слои, сопровождаемыя провалами верхнихъ толщъ. Эти воронки часто бываютъ значительно велики; такъ, по сообщенію Миддендорфа, напримѣръ ручей Сенъ-Бага, шириною около трехъ сажень, а глубиною въ нѣсколько футовъ, съ шумомъ и пѣною, по набросаннымъ другъ на друга известковымъ четверугольникамъ, низвергается въ падъ глубиною въ шесть сажень, и поглощается ею. Толстые древесные стволы, то запружая воду, то образуя живописные мосты лежали на краю воронки, имѣющей въ поперечникѣ 50 шаговъ; другіе, разбитые, расколотые, крѣпко завязли между четверугольниками и страннымъ образомъ торчали вверхъ. Видъ въ высшей степени живописный, даже въ невысокую воду. Лишь изрѣдка встрѣчаются на этомъ пространствѣ воды, исчезающія безъ принимающихъ ихъ воронокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исчезнувшіе горные ручьи тутъ же вырываются изъ подъ земли фонтанами, бьющими вверхъ на нѣсколько футовъ толстыми струями. Особенно поразительно и картинно является внезапное появленіе изъ земли рѣчки Селенды. Миддендорфъ особенно часто встрѣчалъ исчезаніе водъ въ долинѣ Сена, равно и въ области Кебеликани. Для опредѣленія геологическаго періода этихъ известняковъ, нѣтъ пока точныхъ палеонтологическихъ основаній. Эрманъ полагалъ ихъ юрскою формаціею, Миддендорфъ сначала считалъ ихъ принадлежащими къ каменноугольной формаціи, а потомъ сталъ причислять къ силлурійской, но и послѣднее свое мнѣніе предоставилъ подтвердить послѣдующимъ болѣе точнымъ наблюденіямъ.

На южномъ берегу Охотскаго моря сѣровакковни выступаютъ на большомъ пространствѣ въ утесахъ, которыми вѣтви хребтовъ Шантарскаго и Мевачана опускаются въ море. Глинистый сланецъ, кремнистый сланецъ и сѣровакковые песчаники всѣхъ различій являются попеременно въ означенной мѣстности. По палеонтологическимъ остаткамъ, этотъ глинистый сланецъ надобно считать древнѣе горнаго известняка. Между этими сѣровакковыми формаціями поднявшія ихъ плутоническія массы водворились съ опустошительнымъ насиліемъ. Повсюду видны метаморфическія дѣйствія пробившихся породъ, повсюду возмущенія, погибы, извилины, проломы въ напластованіяхъ сѣровакковыхъ формацій, разорванныхъ такимъ образомъ во всѣ стороны. На утесистыхъ стѣнахъ береговъ всюду видны также отломанные и съ острыми краями куски этихъ напластованныхъ массъ, какъ бы запѣченные въ прорвавшемся наружу гранитѣ. Куски эти имѣютъ разную величину, начиная съ дюйма и меньше, до сажени и больше. Напримѣръ, отвѣсный берегъ на мысѣ Джукджандранъ состоитъ въ своей главной массѣ изъ рѣшительно кремнистаго сланца, переходящаго чрезъ кремнистый глинистый сланецъ въ мягкій глинистый сланецъ. Наслоенія можно ясно различить и они толщиною то въ футъ, то лишь въ нѣсколько дюймовъ; въ соприкосновеніи съ гранитомъ, глинистый сланецъ, вмѣстившій въ себя слои слюды, получилъ сходство съ слюдыстымъ сланцемъ, а въ этомъ гранитѣ содержатся запеченными куски кремнистаго и глинистаго сланцевъ. Шантарскіе острова состоятъ также изъ сѣровакковыхъ породъ, а именно Медвѣжіи островъ и южная оконечность острова Эге, но сѣверная оконечность его, обращенная къ острову Большому Шантару, оказывается уже чистымъ гранитомъ, который, погружаясь въ море, вѣроятно, состоитъ въ связи съ цѣпью высотъ на Большомъ Шантарѣ. Но вершины юго-восточной оконечности Большаго Шантара состоятъ почти изъ чистаго кварца. Кромѣ гранита, поднимаются наружу отчасти

въ массѣ, но преимущественно жилами, сѣровакковыя породы оказываются равнымъ образомъ смѣшанными съ діоритомъ, который мѣстами является въ видѣ миндальника, но особенно острые конусы трахитовой породы, высоко поднимающіеся надъ вѣтвями хребтовъ, напоминаютъ собою на южномъ берегу Охотскаго моря Алданскій хребетъ. Этотъ трахитовый порфиръ сверхъ того возсѣдаетъ какъ на разсѣлинахъ, идущихъ параллельно градусамъ широты (береговой Шантарскій хребетъ), такъ и на тѣхъ, которыя слѣдуютъ направленію меридіановъ (полуостровъ Сегнека, хребетъ Укурунуру) и выдаются полуостровами въ море.

Рѣки, впадающія во множествѣ въ Охотское море, представляютъ для геолога богатое и обширное поле для наблюденія тѣхъ переворотовъ, которые совершились на землѣ, преимущественно новѣйшихъ преобразованій земной поверхности. Въ Сибири метеорологическія обстоятельства, по наблюденіямъ Миддендорфа, существенно содѣйствуютъ возвышенію до необычайной степени вліянія водъ на измѣненіе вида земной поверхности и на образование новыхъ земныхъ пластовъ. Какъ чрезвычайный холодъ, такъ и внезапный переходъ отъ зимы къ лѣту придаютъ тамошнимъ водамъ особенную силу. Въ теченіе необыкновенно долгой зимы накопившіяся массы снѣга внезапно обращаются въ воду, отъ чего, сибирскія рѣки возвы-

шаются въ нѣкотрые годы на пять, на шесть и даже больше чѣмъ на восемь сажень надъ обыкновеннымъ уровнемъ, разливаются многообразно на нѣсколько верстъ въ ширину по окрестной странѣ и въ половодье отыскиваютъ себѣ путь черезъ лѣса и пустыни. Отъ того съ одной стороны подвергаются размывкѣ такія мѣста, гдѣ въ теченіе большей части года, въ значительномъ отдаленіи отъ главной рѣки ѣздятъ по высокому сухому матеріку; съ

Переходъ черезъ рѣку въ Сибири.

другой стороны, стѣсненныя массы воды возрастаютъ до непреодолимой тяжести, которая въ состояніи все передъ собою опрокинуть. Сильная стужа зимы тѣмъ болѣе притомъ участвуетъ, что ледъ достигаетъ необыкновенной толщины и потому взгромождается такими плотинами, какихъ никогда не увидишь въ Европѣ. Если бы тотъ же морозъ, которому ледъ обязанъ своею толщиной, не связывалъ почву въ твердую, крѣпкую массу, то опустошенія и преобразованія земнаго покрова были бы несравненно значительнѣе. Въ Сибири эти наводненія не случайны; напротивъ они принадлежатъ собственно къ характеристикѣ страны, отъ того, что въ зиму накопившійся запасъ снѣга, періодически, въ кратчайшій срокъ таетъ и истекаетъ. Въ слѣдствіе того является правильный ежегодный возрастъ столь значительныхъ наводненій, какихъ въ Европѣ вовсе не знаютъ. Отъ того возвышеніе до трехъ и четырехъ сажень, даже въ низинахъ теченія рѣкъ, не есть событіе необыкновенное, а напротивъ того регулярное. Рѣки Охотскаго моря представляютъ наглядное объясненіе допотопнаго лѣса и ископаемаго угля и того плавника, который служитъ топливомъ на безлѣсныхъ пространствахъ сѣвернаго Ледовитаго океана въ Сибири. На берегахъ Охотскаго моря какъ на высотахъ близъ вершинъ горъ, такъ и ниже къ морскому берегу встрѣчаются огромныя кучи самаго крупнаго лѣса, снесеннаго періодическою яростью горныхъ водъ. Въ началѣ іюня даже по сухому руслу ле-

жать, упираясь въ какой нибудь крѣпкой выступъ, дюжины бревенъ, самымъ страннымъ образомъ взгромозжденныхъ одно на другое, многія горизонтально, а иные бываютъ вдавлены между другими отвѣсно. На удобнѣйшихъ къ тому мѣстахъ груды большаго размѣра, болѣе чѣмъ изъ ста деревъ, иногда имѣли нѣсколько сажень въ вышину: обыкновенно это замѣчалось на болѣе плоскихъ и сухихъ мѣстахъ рѣчныхъ ложбинъ, или на такихъ, въ которыя ударяетъ полная сила большихъ горныхъ водъ, въ слѣдствіе чего, напримѣръ, у Миддендорфа при переправѣ чрезъ рѣку Половинную (Маю) передъ глазами исчезла въ такой сѣти стволъ лошади, безъ всякой возможности подать ей помощь: лошадь, въ страхѣ напрягавшая всѣ свои силы къ сопротивленію, какъ бы волшебною силою, была увлечена подъ воду. Такого же рода большія кучи лѣса, но пониже, лежали у самаго Удскаго острога въ рукавѣ Уди, одинъ стволъ тополя въ этомъ плавникѣ имѣлъ въ поперечникѣ почти четыре фута. Со времени основанія Удскаго острога, слѣдовательно болѣе двухъ сотъ лѣтъ, жители продовольствуются топливомъ изъ этой кучи, не истощивъ ея запаса. Такъ, повидимому, ничтожна истребительная сила человѣка, въ сравненіи съ исполинскими дѣйствіями природы. Во время жительства Миддендорфа въ Удскомъ острогѣ, около половины іюня и потомъ вновь недѣлю спустя отъ дождя, выпавшаго въ горахъ, рѣка наполнилась водою. Въ одинъ день вода поднялась сажени на двѣ; сверху ползся по рѣкѣ новый плавникъ, проваливалъ или останавливался по берегамъ; часть прежде выкинутого на берега поднялась на воду и была унесена къ морю. Но вышеупомянутыя груды, крѣпко сплоченныя перепутанными толстыми вѣтвями и корнями, устояли даже противъ напора такого половодья. Изъ нихъ то въ теченіе тысячеклѣтій образовались огромныя гнѣзда ископаемаго угля высоко на горахъ и лежатъ засыпанныя огромными кучами камней, которые мало по малу спаялись между собою посредствомъ накипи.

О крѣпости этихъ искусственныхъ плотинъ можно судить по тому, что при переправѣ чрезъ рѣку Половинную, равно и чрезъ рѣку Удь при обыкновенномъ уровнѣ воды, слышенъ въ лодкѣ внятный шелестъ, достигающій со дна рѣки. Этотъ шелестъ происходитъ отъ булыжника и щебня, которые неудержимо катятся водою. Такое передвиженіе булыжника и щебня происходитъ даже въ такихъ частяхъ этихъ рѣкъ, гдѣ теченіе тише, съ среднею скоростью верстъ по десяти въ часъ, стало бытъ по столько же футовъ въ секунду, между тѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ вода сплошь кипитъ и вѣется, а при высокомъ стояніи бурлитъ вдвое яростнѣе; когда же случаются необычайные разливы, то вышеупомянутыя плотины, «деревяныя горы», покрытыя сверху булыжникомъ, либо выдерживаютъ напоръ воды и она прокладываетъ себѣ новый путь, а деревянная плотина въ теченіе времени заносится щебнемъ, и такимъ образомъ эти горы лѣса, скопившагося вдалекѣ отъ моря на высокихъ хребтахъ, приготовляются къ превращенію въ ископаемый уголь, или теченіе осиливаетъ плотины и уноситъ ихъ въ море.

На рѣкахъ, впадающихъ въ Охотское море, яснѣе всего видно происхожденіе матеріала «деревянныхъ горъ», плавучаго лѣса, уносимаго большими сибирскими рѣками иногда по цѣлымъ кучамъ; на потопляемыхъ низменностяхъ поднимаются водою и уносятся въ море даже цѣлые острова, покрытые растительностью. Сарычевъ видѣлъ сплавъ такого острова въ семьдесятъ сажень въ окружности на Алданѣ. Птицы щебечутъ на деревьяхъ, воображая, что онѣ на твердой землѣ. Такъ называемыя «деревяныя горы» на новосибирскихъ островахъ, описанныя подробно Врангелемъ, по наблюденіямъ Анжу, принадлежатъ къ числу подобныхъ явленій. Это яръ, до двадцати сажень вышину, образующій морской берегъ на протяженіи пяти верстъ; кучи горизонтально лежащихъ бревенъ, мѣстами по пятидесяти, выходятъ своими концами наружу; самыя толстыя изъ нихъ имѣютъ въ поперечникѣ отъ 10 до 11 дюймовъ. Дерево это хрупко, полутвердо, чернаго, слабо лоснящагося цвѣта, горитъ на угляхъ трудно и издаетъ смолистый запахъ. Это болѣе или менѣе вывѣтрившійся и ошелоченный плавникъ, который въ древности, очевидно, шелъ по сибирскимъ рѣкамъ

и потомъ былъ заносимъ иломъ у береговъ. Мереплаватель Лаптевъ, еще 21 июня 1740 года, сдѣлалъ замѣтку въ своемъ путевомъ журналѣ, что на устьѣ Хатанги онъ нашелъ здѣсь «наверстахъ и болѣе отъ берега, Лаптевъ нашелъ этотъ плавникъ во множествѣ, тогда какъ въ самомъ Ледовитомъ морѣ его не было. Высушенное допотопное дерево получаетъ темно-сѣрый или сѣробурый цвѣтъ, иногда даже красноватый, но рѣдко съ отблескомъ, однимъ погтемъ. По сгораніи оно почти вовсе не давало угля, но тѣмъ болѣе оставляло чрезвычайно легкаго пепла, который сначала сохранялъ форму цѣлаго куска дерева, но при малѣйшемъ сотрясеніи разсыпался и въ кучѣ принималъ яркій желтый лимонный или красно-желтый цвѣтъ. Запахъ не смоляной, дымъ не очень ѣдокъ; пламя слабо, и даже тщательно высушенные куски часто могли только тлѣть. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ допотопный лѣсъ есть плавникъ, который въ древности неся по рѣкамъ Сибири и на этомъ пути понемногу раздатывался, раскалывался и наконецъ выбрасывался на берегъ и заносился иломъ. Этотъ допотопный лѣсъ (поевщина, адамовщина) самый древній свидѣтель процесса, повторяющагося до нынѣ, особенно ясно на рѣкахъ, впадающихъ въ Охотское море: и за тысячи лѣтъ онъ неся изъ внутри же материка въ море, а море отдавало его обратно землѣ совершенно такъ, какъ это повторяется и нынѣ ежегодно. Если-бы каждый годъ клалъ свое клеймо на отпускаемый такимъ образомъ по рѣкамъ лѣсъ, то въ ряду его наносовъ до самаго берега не оказалось бы пропущеннымъ ни одного года, не исключая того, въ который пишутся эти строки. Но въ цѣломъ вѣроятнѣе всего оказалось бы рѣшительное уменьшеніе количества плавника, соразмѣрно съ возрастающимъ народонаселеніемъ, которое начинаетъ въ Сибири разчистку земли съ мѣсторожденій плавучаго лѣса—съ береговъ рѣкъ. Въ связи съ допотопнымъ лѣсомъ находится янтарь, выкидываемый не только на берегахъ Ледовитаго моря, но и на берегахъ Охотскаго. Со времени первыхъ посѣщеній Камчатки стало извѣстно, что рѣка Тигиль, впадающая въ Охотское море, на своемъ устьѣ выбрасываетъ янтарь. Присланный въ академію наукъ янтарь изъ Гижигинска былъ подвергнутъ точному изслѣдованію г. Мерклинномъ, который нашелъ, что онъ происходитъ не отъ настоящаго янтарнаго дерева (*Piniles succifer*), но отъ одной породы кипарисовъ. Якуты называютъ янтарь морскимъ ладаномъ (мира лада), такъ какъ русскіе на крайнемъ сѣверѣ употребляли янтарь вмѣсто ладана въ кадилахъ. На всѣхъ берегахъ Ледовитаго океана въ Сибири выбрасывается настоящій янтарь, какой находятъ и въ Европѣ, слѣдовательно онъ также принадлежитъ къ древнѣйшимъ временамъ, но замѣчательно, что на берегахъ Ледовитаго моря онъ встрѣчается въ видѣ крохъ, мутнаго цвѣта и величиною рѣдко превышаетъ горошину. Причиною тому, можетъ быть, особенная хрупкость янтара, происходящая отъ вліянія холода. Къ югу отъ Берингова моря янтарь попадаетъ рѣдко, но куски его оказываются уже болѣе. Можетъ быть этотъ янтарь происходитъ изъ смолы особенныхъ первобытныхъ породъ дерева, потому что янтарное дерево древнѣйшаго міра превосходило нынѣшній хвойный лѣсъ особеннымъ избыткомъ смолы, слѣдовательно и куски ея должны были встрѣчаться болѣе величины.

Плавникъ, выносимый рѣками въ Охотское море, частію плавааетъ въ морѣ, отчасти, при отливѣ, параллельно берегамъ, иногда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ садится на глинистыя мели, о которыхъ упомянуто было выше и которыя при отливѣ обнажаются на многія версты. Эти глинистыя мели состоятъ изъ особенной крайне влажной массы, которая описана Гейне, въ его путешествіи съ эскадрою Ринчгольда и Роджесса, посланною правительствомъ Соединенныхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ въ 1853—1856 годахъ къ берегамъ Китая, Японіи, Камчатки и Сибири. Высадившись на берегъ въ Пенжинской губѣ, Гейне, по его словамъ, встрѣчалъ мѣстами почву, по внѣшности походившую на темно-сѣрый гранитъ

или на песчаникъ, но когда онъ ступалъ на такую почву, то проваливался ногами до икры. При освобожденіи ноги изъ такой вязкой почвы, онъ оставлялъ въ ней свои сапоги, и извытаскивалъ ихъ покрытыми жирнымъ иломъ, какъ будто бы онъ побывалъ въ чану съ распущеннымъ въ немъ мыломъ.

Эти залежи глины неоднократно для Гейне и его спутниковъ исполняли, по его словамъ, обязанности снимальщика сапогъ (Stiefelknecht), почему онъ и далъ этой глинѣ мѣтное названіе Stiefelknecht—Thon (глина, снимающая сапоги). Мѣстами эта глина была до того жидка, что въ ней можно было мѣшать палками, какъ въ какой-нибудь жидкой кашѣ. Въ другихъ мѣстахъ эта глина оказывалась въ болѣе твердомъ состояніи, особенно на толщахъ каменнаго угля и между его слоями. Такъ какъ американцы остановились въ Пенжинской губѣ для сдѣланія запаса топлива для своихъ паровыхъ судовъ, изъ которыхъ состояла эскадра, то эти слои глины задерживали выломку каменнаго угля, который они отыскивали въ одной изъ бухтъ губы. Глина такъ плотно приставала къ лопатѣ, что трудно было ее сбросить съ заступа. Одинъ изъ матросовъ попробовалъ сбросить съ высоты полную лопату подобной глины, но потерялъ притомъ свое равновѣсіе и вмѣстѣ съ лопатою полетѣлъ въ находившуюся подъ холмомъ массу этой глины, въ которой до того завязъ руками и ногами, что съ трудомъ былъ вытасченъ изъ нея остальными матросами. Два другіе американца матроса, поспоривъ между собою, подрались, упали на толщу подобной глины, причемъ оказавшійся подъ другимъ не могъ сдѣлать ни одного движенія и лежалъ въ глинѣ какъ бы связаннымъ, даже головою не могъ поворачивать, потому что волосы его крѣпко пристали къ глинѣ. Онъ ворочалъ глазами во все стороны и ругался, между тѣмъ какъ его противникъ смѣялся надъ нимъ. Эта вязкая глина наполняла все углубленія въ почвѣ. Материкъ состоялъ собственно изъ песчаника различнаго рода. Онъ выставлялся по берегу моря и изъ скалъ большими толщами и заостренными камнями, мѣстами онъ былъ темень и крѣпокъ подобно граниту, но въ глубинѣ ущелья и овраговъ былъ до того рыхлъ, что струившаяся по немъ вода уносила его размельченныя части и потому становилась негодною ни для купанья, ни для питья. После непродолжительнаго времени въ стаканѣ съ подобною водою оказывался жирный, въ родѣ клейстера, осадокъ, котораго набиралось съ чайную ложку. Однажды американцамъ вздумалось освѣжиться купаньемъ подъ однимъ небольшимъ водопадомъ, но означенный илъ, содержащійся въ его водѣ, до того наполнилъ имъ глаза, уши и волосы, что они съ трудомъ отмылись отъ него въ морѣ.

Почва, лежащая на этомъ песчаникѣ, оказывалась рыхлою и разсыпчатою и содержала въ себѣ значительное количество ямъ, наполненныхъ упомянутою вязкою глиною, вслѣдствіе которой было очень рискованно бѣгать и скакать по уступамъ. На покатостяхъ горъ подобныя залежи глины отличались совершенно особымъ налетомъ, по которому американцы выучились ихъ отличать и не попадали болѣе въ бѣду и обходили ихъ по твердой почвѣ. Но на плотномъ берегу подобнаго отличительнаго налета не существовало, тѣмъ болѣе, что тамъ эта глина, какъ сказано, походила видомъ на гранитъ и сверхъ того встрѣчалась на обширныхъ песчаныхъ пространствахъ, гдѣ ее никакъ нельзя было заранѣе отличить и избѣжать. Если понашему въ такую глину не удавалось немедленно изъ нея высвободиться, то ноги его тотчасъ погружались въ нее, выше голенищъ сапогъ. Гейне однажды погрузился въ такую глину до того глубоко, что, при усиліяхъ его высвободиться изъ нея, подъ нимъ подломилась твердая песчаная кора и онъ ушелъ въ грязь выше колѣнъ, такъ что безъ посторонней помощи не могъ уже выбраться изъ глины. По его словамъ, онъ въ состояніи былъ вытаскивать каждую изъ своихъ ногъ на половину, но выше онъ не могъ ее высвободить и когда онъ затѣмъ на моментъ оставлялъ все свое туловище въ покоѣ, чтобы высвободить другую ногу, то погружался все тѣломъ глубже въ глину. Когда наконецъ Гейне былъ вытасченъ изъ глины при посторонней помощи, то онъ палкою попытался измѣрить глубину этой вязкой

почвы. На глубинѣ двухъ футовъ онъ наткнулся на такую то твердую почву или массу и позже вообще оказывалось, что рѣдко гдѣ эти визкіи мѣста оказывались глубже.

Въ подобной глинѣ на берегахъ Охотскаго моря визнеть одинаково также и вѣтвистый плавникъ и отъ натиска волнъ погружается въ ней все глубже. Въ такой глинистой тинѣ, при смѣнѣ прилива и отлива, останавливается лѣсъ, сплавляемый изнутри материка, равно находятъ могилу прибитые къ берегамъ трупы морскихъ звѣрей и зашедшіе на меліи киты, часто даже лишь полускончавшіеся, и, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, необыкновенно скоро всасываются глиною. На южномъ берегу Охотскаго моря, среди лѣта, на глазахъ Миддендорфа, были занесены глиною выброшенные на берегъ киты. Нѣсколько пядей спустя, хотя звѣрь еще выглядывалъ изъ земли нѣкоторыми краями своего тѣла, Миддендорфъ и спутники его вырѣзали изъ кита жиръ еще вовсе неиспорченный и употребили его въ пищу. На этомъ же берегу моря Миддендорфъ замѣтилъ, что звѣри, выкинутые приливомъ, пожираются всякаго рода плотоядными, такъ что плоть заносится только остовы, а сѣвнѣе на мелъ при отливѣ остаются часто цѣлыми трупами. Следовательно чѣмъ скорѣе и полнѣе совершалось погребеніе звѣря, тѣмъ лучше могли сохраняться его мягкія части, чѣмъ и объясняется единственный способъ, какимъ образомъ неполноскіе звѣри (например мамонты) могли сохраняться безъ испортенія въ замерзшей затѣмъ почвѣ (близъ береговъ Ледовитаго моря).

На берегахъ Охотскаго моря можно также явственно наблюдать процессъ образованія бороздъ передъ устьями рѣкъ и заносныхъ камней. Такъ, при впаденіи горнаго ручья Алы въ Удскій заливъ, видно, что эта рѣчка, за нѣсколько верстъ до своего устья, течетъ параллельно берегу моря, отдѣляясь отъ него только каменною розсыпью, шириною около ста сажень. При точнѣйшемъ изслѣдованіи, являються несомнѣнные признаки, что ранѣе рѣчка текла прямо въ море, которое въ послѣдствіи наметало высокую каменную розсыпь и ею заперло прежнее устье. Ледяныя глыбы, при первомъ взломѣ прибрежнаго льда, подвигаютъ наносы на берегъ, въ видѣ щебня горныхъ водъ или бульжника, которые заносятъ плавникъ, выброшенный на берегъ приливомъ. Если признать ледъ главнымъ орудіемъ, посредствомъ котораго воды накатали такую большую каменную площадку при устьѣ Алы, то позднѣйшую силу сопротивленія этого вала, прежде состоявшаго изъ камышей, надобно приписать плавнику, которыми улеглись въ немъ, сплотивъ его въ устойчивую массу. Большіе стволы съ своими упорными вѣтвями выглядываютъ изъ каменной насыпи во множествѣ и въ разнообразнѣйшихъ положеніяхъ. Сама по себѣ розсыпь не могла бы выдержать сопротивленія напору водъ.

На устьѣ довольно значительной рѣки Уди нѣтъ возможности даже на легкомъ челнѣ спуститься чрезъ каменную розсыпь въ море. Вода разливается на версты и отчасти струится между гальшанами, отчасти сочится сквозь нихъ въ море. При работѣ шестами, чтобы возвратиться на фарватеръ рѣки поглубже, розсыпь поддается нажиму и не доставляетъ точки опоры. Если соскочить въ такомъ устьѣ въ воду, то подъ ногами дно шевелится, потому что вся розсыпь рѣчнаго дна осязательно катилась и скользила безпрерывно къ морю. На примѣрѣ рѣчки Алы ясно, какъ образуются и развиваются такого рода устья горныхъ рѣчекъ на Охотскомъ морѣ. На берегу этого моря такой общій процессъ образованія свойственъ всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ него, даже малѣйшимъ горнымъ ручьямъ. И на западномъ берегу Камчатки многія рѣки, впадающія въ Охотское море, подчинены такому же процессу. Горныя, безпрерывно уносимые горными рѣками въ море, составляютъ матеріалъ для означенныхъ мелей. Противодѣйствіе волнъ, подкрѣпляемое дѣйствіемъ льда, значительнымъ въ томъ краѣ даже въ августъ (на южномъ берегу Охотскаго моря), и при помощи плавучаго лѣса, получаетъ особенную силу отъ рѣзкой противоположности смѣняющихся другъ друга приливовъ и отливовъ. При отливѣ вода самыхъ значительныхъ горныхъ ручьевъ почти вовсе рвется въ каменной розсыпи бора, тогда какъ въ приливъ вода напираетъ противъ теченія рѣки и такъ наполняетъ устье, что въ немъ могутъ ходить большія суда: тогда море безъ

вешаго сопротивленія со стороны рѣки работаетъ надъ сооруженіемъ бора. Позади бора образуется озеро, узкое и длинное, расположенное параллельно берегу и въ теченіи времени, то тамъ, то тутъ, пролагающее рѣкѣ путь къ морю. Горныя воды постоянно наполняютъ эти озера наносами, пока не явятся наконецъ травянистыя низменности, какия находятся на устьяхъ всѣхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море. Озеро Амыдженджа въ глубинѣ Лебазьей губы, между двумя мысами Дугандя, устья Алы, Тугура, Инганани и Итнани въ Ульбанской губѣ, устья рѣки Средней и озера на Большомъ Шантарѣ, озеро близъ устья рѣки Маріаканки на западномъ берегу Охотскаго моря, представляютъ доказательства этого явленія. Очень можетъ быть, что устья рѣкъ на Охотскомъ морѣ передвигаются съ теченіемъ времени на основаніи какого-нибудь постояннаго закона, но онъ пока не опредѣленъ въ точности. Не происходитъ ли это передвиженіе по направленію морскихъ отливовъ? На западномъ берегу Охотскаго моря, какъ казалось Миддендорфу, устья подвигаются съ сѣвера на западъ, на южномъ же берегу устье Алы склонялось очень рѣшительно съ востока на западъ, устья Амыдженджа и Тугура съ запада на востокъ, устье Сырани съ востока на западъ и проч.

Съ этимъ образованіемъ боровъ въ устьяхъ рѣкъ находится, безъ сомнѣнія, въ тѣсной связи недостатокъ гаваней по берегамъ Охотскаго моря, тогда какъ въ древности, вѣроятно, тамъ было много хорошихъ портовъ. Наполненные лужами травяныя и моховыя болота у глухаго конца Ульбанской губы представляли въ 1844 году только что совершающееся образованіе почвы, которое давало право съ увѣренностію заключать, что Ульбанская губа ранѣе вдвое глубже вдавалась въ берегъ. Устьинныя озера и моховыя болота у Тугура и Кутина выдѣлялись изъ подъ моря и глухой конецъ Тугурской губы въ древности могъ простираться на цѣлый градусъ широты южнѣе.

Въ противоположность этимъ моховымъ болотамъ, въ глубинѣ Ульбанской губы на рѣкѣ Сыранѣ является другой родъ новыхъ образованій. Сыранѣ нельзя назвать горною рѣкою, ни даже вообще настоящею рѣкою; это собственно узкій каналъ, далеко вдавшійся въ землю, проложенный въ глиняномъ слоѣ приливами и отливами моря. Нынѣшняя Тугурская губа когда нибудь превратится въ такой же рѣчной каналъ по глиняному наносу. Сверхъ того, со стороны моря, противъ этихъ наносовъ воздвигается стѣна; при самомъ большомъ отливѣ на далекомъ разстояніи отъ береговой коймы выглядываютъ изъ воды ряды огромныхъ каменныхъ массъ, принесенныхъ изъ чужой мѣстности. Особенно отчетливые ряды такихъ подишней видны при входѣ въ Уяконскую губу, гдѣ они залегли почти параллельно очертаніямъ губы. При большомъ отливѣ поверхность моря удаляется до бора, образованнаго этими каменными массами. Онѣ принесены, очевидно, ледяными глыбами, которыя съли на мель на одинаковой глубинѣ. Тамъ средняя высота прилива простирается до двухъ сажень; стало быть льдины, набѣжавшія съ приливомъ и сложившія съ себя нону, должны были имѣть также двѣ сажени толщины или немного болѣе. Подобныя ледяныя массы, какъ будетъ сказано ниже, обыкновенны въ Охотскомъ морѣ. Запасъ для наносовъ ила, производимыхъ по берегамъ этого моря, доставляютъ отчасти глиняныя пласты прежнихъ геологическихъ періодовъ, перерабатываемые водою, отчасти же произведенія вывѣтриванія примыкающихъ горныхъ породъ. На Охотскомъ морѣ, гдѣ многія горныя породы идутъ къ разложенію, морской илъ состоитъ изъ чистой глины вязкаго качества, выше описанной. Но хотя сибирскія скалы въ высшей степени разрушены, однако горныя породы въ области суровыхъ сѣверныхъ морозовъ мало подвержены вывѣтриванію. Что же касается расщепленія и разрушенія, то ихъ надобно приписать въ высшей степени рѣзкимъ переходамъ температуры отъ тепла къ холоду и главнѣйше разрушающей силѣ воды, замороженной въ трещинахъ каменныхъ породъ. На Алданскомъ хребтѣ и на южныхъ берегахъ Охотскаго моря развалины голыхъ коническихъ вершинъ, особенно трахитовыхъ, состояли изъ мелкихъ, тонкихъ и острыхъ по краямъ плитъ, плотно скученныхъ другъ на другѣ. Вообще по берегамъ Охотскаго моря мало видно разрушеннаго гранита

На южномъ берегу Охотскаго моря органическіе предметы, особенно дохлая рыба по берегамъ скоро облѣпляются глинистымъ иломъ, но прибой и удаленіе волнъ у береговъ продолжаютъ ихъ катать взадъ и впередъ. Если глина достаточно вязка и если отливъ дастъ довольно покоя для того, чтобы могла образоваться отвердѣвающая кора, то оболочка дѣлается все крѣпче. При разломѣ такихъ глиняныхъ комьевъ Миддендорфъ находилъ въ нихъ превосходно сохранившіеся отпечатки рыбъ, которыя сами часто были не совсѣмъ испорчены гниеніемъ. Въ Пенжинской губѣ Гейне также находилъ много глиняныхъ кругляковъ, изъ которыхъ вывалились раковины, когда эти шары разбивали. Для объясненія геологическихъ переворотовъ на нашей землѣ, побережье Охотскаго моря представляетъ поучительную мѣстность.

Климатъ Охотскаго моря суровый. Средняя годовая температура Охотска составляетъ— $3^{\circ},96$, средняя температура зимы— $17^{\circ},57$, лѣта $+9^{\circ},48$. Даже въ Аянѣ, лежащемъ на три градуса южнѣе Охотска, средняя годовая температура равняется— $2^{\circ},87$, зимы— $14^{\circ},95$, лѣта $+8^{\circ},62$. Сверхъ общей причины суровости климата на Охотскомъ побережьи, именно что восточное побережье материка холоднѣе западнаго и что море, замерзающее зимою, въ это время года въ климатическомъ отношеніи имѣетъ значеніе материка, Охотское море обставлено со всѣхъ сторонъ прибрежными хребтами, которые накопляютъ въ сыромъ морскомъ климатѣ большія массы снѣга, которыя держатся очень продолжительное время на вершинахъ отроговъ Становаго хребта и Камчатскихъ горъ, а въ долинахъ образуютъ такъ называемыя «накипни» или массы льдовъ, нерѣдко выносимыхъ въ море съ сѣвернаго побережья Охотскаго моря. Массы льда, плавающего въ Охотскомъ морѣ въ теченіе почти всего лѣта, значительно охлаждають воду Охотскаго моря, а непроницаемые туманы препятствуютъ согрѣванію ея лѣтомъ лучами солнца. Леды препятствуютъ плаванію по Охотскому морю не только въ маѣ, но даже въ іюлѣ и въ августѣ. Крузенштернъ, въ своемъ путешествіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ послѣднихъ числахъ мая, въ самой южной части Охотскаго моря, около Сахалина, вынужденъ былъ прекратить свое дальнѣйшее плаваніе, встрѣтивъ непреодолимую массу льда. 22 іюля 1869 года лейтенантъ Старицкій, на военномъ ботѣ «Куэда», посланный для ученыхъ наблюдений изъ Николаевска въ Охотское море, былъ затертъ льдами въ южной его части (у сѣверо-западной оконечности Сахалина), такъ что вынужденъ былъ возвратиться назадъ и отказаться отъ попытки проникнуть въ этотъ водный бассейнъ. Массы льда были до 15 футовъ вышины. По словамъ г. Старицкаго можно было прямо съ борта судна выходить на ледяную площадь и ходить по ней. Въ Удской губѣ ледъ очищается только въ іюнѣ, а южнѣе, въ Тугурской губѣ, держится до августа. Въ этой мѣстности академикъ Миддендорфъ только въ августѣ могъ на своей байдарѣ добраться до Шантарскихъ острововъ, доступъ къ которымъ еще въ іюлѣ былъ прекращенъ льдами. По толщинѣ охотскаго льда многіе полагають, что онъ не есть произведеніе рѣкъ, впадающихъ въ море, а образовался или на морѣ или на побережьи въ видѣ упомянутыхъ накипей. По мнѣнію Миддендорфа, наилучшимъ мѣстомъ для образованія такого толстаго льда можетъ быть сѣверное Гижигинское поморье и что морскія теченія и вѣтры заносять его въ южную часть Охотскаго моря, въ которой короткая тамошняя зима не въ состояніи была бы образовать такія значительныя ледяныя толщи. Скопленіемъ и пребываніемъ въ лѣтніе даже мѣсяцы льда въ Охотскомъ морѣ объясняется то явленіе, что не только весна, но и все лѣто до осени очень холодны въ этомъ бассейнѣ, что апрѣль холоднѣе октябрю и что въ Аянѣ весна и лѣто холоднѣе, чѣмъ въ Охотскѣ, который лежитъ сѣвернѣе Аяна. Въ Аянѣ средняя температура выше точки замерзанія держится только въ продолженіе пяти мѣсяцевъ. Плавушіе льды сильно охлаждають также температуру Охотскаго моря. Такъ во время переѣзда Эрмана изъ Охотска въ Тигиль (на берегу Камчатки) температуры моря были слѣдующія: 28-го іюля $10^{\circ},1$, 29-го іюля $+8^{\circ},4$, 31-го іюля $9^{\circ},9$, 2 августа $7^{\circ},9$, 4-го августа $4^{\circ},2$, 5 августа $2^{\circ},5$, 6-го августа $4^{\circ},2$, 7-го августа $6^{\circ},7$. Измѣренія темпера-

туры Эрманомъ указываютъ на существованіе наиболѣе холодной полосы посреди моря. Миддендорфъ наблюдалъ слѣдующія температуры въ южной части моря: 13-го іюля 6°,7, 15-го и 16-го іюля 3°,4, 18-го іюля 2°,3, 5 августа отъ 1°,5 до 6°,4, съ 20-го августа до 1-го сентября до 7°,1. Самую холодную воду Миддендорфъ находилъ посреди морскихъ теченій. Температура моря слѣдовательно оказывается значительно ниже воздушной. Если сравнить сѣверо-восточный уголъ моря (Пенжинско-Гижигинскій) съ юго-западнымъ (Шавтарскимъ, въ Удскомъ заливѣ), то въ послѣднемъ лѣтомъ находятся столь же толстыя ледяныя поверхности и глыбы, какъ и въ первомъ и вода въ августѣ даже холоднѣе въ юго-западной части моря, чѣмъ въ сѣверо-восточной. Но съ тѣмъ вмѣстѣ на сѣверо-восточномъ побережьѣ Охотскаго моря преобладаетъ полярный характеръ, между тѣмъ какъ юго-западное, особенно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ морскаго берега, покрыто роскошною растительностію умѣреннаго пояса, величественными лѣсами; трава достигаетъ тамъ мѣстами до роста человека, имѣются тучныя пастбища, незабудки, на примѣръ, у Аяна покрываютъ землю, видъ лѣсовъ, сплошнымъ голубымъ ковромъ. Такъ въ то время когда на устьѣ рѣки Уды, въ слѣдствіе вліянія холоднаго ледянаго моря, господствуетъ еще глубокая зима, верстахъ въ девяносто выше устья, уже открываются глазамъ вполне лѣтніе ландшафты. Результатъ борьбы теплаго континентальнаго воздуха и холоднаго моря, въ своемъ родѣ единственный, состоитъ въ томъ, что на южномъ берегу Охотскаго моря, среди лѣта, пространства суточного колебанія температуры моря бывають почти вдвое болѣе, чѣмъ колебанія температуры воздуха. На восточномъ берегу Охотскаго моря (Камчатскомъ) замерзаніе ртути зимою обыкновенное явленіе.

Температура Охотскаго моря ниже температуры Ледовитаго моря у береговъ Лапландіи, на значительныхъ глубинахъ оказывается очень низкою. По наблюденіямъ Горнера, на глубинѣ 100 футовъ, вода Охотскаго моря стоитъ ниже точки замерзанія и до 700 футовъ удерживаетъ холода $1\frac{1}{2}^{\circ}$ по Реомюру. Нѣсколько другіе результаты выводятся изъ наблюденій лейтенанта Старицкаго въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Такъ, при температурѣ воды моря на его поверхности въ $+11^{\circ},4$, на 85 саженьяхъ получена была температура $+3^{\circ}$, а на двѣна глубинѣ 220 сажень (1540 футовъ) $+0^{\circ}$, причемъ въ грунтѣ со дна былъ поднятъ живой червякъ. Температура грунта опредѣлялась немедленнымъ втискиваніемъ шарика термометра въ массу, поднятую на палубу судна. При другомъ наблюденіи Старицкаго, при температурѣ воды на поверхности $+11^{\circ},4$, на 5 саженьяхъ она была $+11^{\circ}$, на 10 саженьяхъ около $+10\frac{1}{2}^{\circ}$, на 15 саженьяхъ $+5^{\circ}$, на 20 саженьяхъ около $+3\frac{1}{2}^{\circ}$, а 175 саженьяхъ температура дна была $+1^{\circ},2$ по Реомюру. На глубинѣ 175 саженьей грунтъ моря оказался камнемъ, потому что ничего не было поднято съ дна. Миддендорфъ полагаетъ, что низкую температуру дна Охотскаго моря можно объяснить только тѣмъ, что ледяная почва, найденная на сибирскомъ материкѣ, не только достигаетъ Охотскаго моря, но и простирается подъ нимъ.

Къ замѣчательнымъ климатическимъ особенностямъ Охотскаго моря принадлежитъ также низкое лѣтнее состояніе барометра. Охотское море характеризуется также муссонами, т. е. вѣтрами, дующими лѣтомъ съ моря, а зимою съ суши. Сила этихъ муссоновъ объясняется согрѣваніемъ материка и крайне низкою температурою моря лѣтомъ и значительнымъ охлажденіемъ материка зимою. Въ послѣднее время года воздушный токъ муссоновъ съ силою водопада стремится чрезъ гребень Становаго хребта и приморскихъ горныхъ цѣпей, такъ что люди и выючный скотъ по цѣлымъ днямъ не могутъ подвигаться впередъ и иногда погибають на пути. Сообщаемыя ниже бѣдствія, испытанныя путешниками, характеризуютъ силу этихъ муссоновъ. Сила вѣтра низвергаетъ выючный скотъ и выюки, а иногда животныя падаютъ въ пропасти. Въ позднюю осень западными вѣтрами всегда пользовались корабли на своемъ пути изъ Охотска въ Камчатку. Лѣтомъ же на сибирскомъ побережьѣ Охотскаго моря преобладають вѣтры съ моря (восточные и юго-восточные), приносящіе холодъ, густой туманъ и такъ называемый «гусь» (сильныя росы или мелкіе дожди съ непроницаемымъ туманомъ, прекращаю-

шимъ возможность плаванія, особенно въ южной части моря, около Курильскихъ острововъ), между тѣмъ какъ случайные западные вѣтры немедленно возвышаютъ температуру воздуха до 25 град. по Р. Туманы вообще очень часты и продолжительны въ Охотскомъ морѣ. Но особенно поразительны внезапные переходы отъ совершенно прозрачной атмосферы къ полному сумраку тумана, которые даютъ поводъ къ поразительнымъ оптическимъ обманамъ. Такъ въ полдень 17-го іюля, академикъ Миддендорфъ, при ясномъ солнечномъ свѣтѣ и синемъ безоблачномъ небѣ, увидѣлъ въ проливѣ между островомъ Медвѣжьимъ и южнымъ берегомъ Охотскаго моря великолѣпный водопадъ на юго-восточной оконечности этого острова, но который, при приближеніи, оказался стѣною густаго, произительно холоднаго тумана. Гребень острова, по словамъ путешественника, подобно стѣнѣ, отдѣлялъ италіанское небо пролива отъ густѣйшаго воздуха полярнаго моря. Зимой снѣга выпадаютъ въ огромномъ количествѣ на Охотскомъ прибрежьи, въ слѣдствіе чего тамъ почти вовсе нѣтъ водковъ, какъ извѣстно, избѣгающихъ глубокихъ снѣговъ, по которымъ имъ трудно передвигаться съ одного мѣста на другое.

Приливы и отливы въ Охотскомъ морѣ весьма чувствительны. Выше мы привели нѣсколько примѣровъ ихъ дѣйствія и вліянія на Охотское прибрежье. Въ Охотскѣ высота прилива надъ отливомъ составляетъ 11,65 фут., при устьѣ Уди до 10,3 фут., а бываетъ и до 20 фут., какъ оказывается изъ наблюдений Миддендорфа. Въ Охотскѣ, какъ и на берегахъ Европы, полудневный періодъ измѣненій высоты преобладаетъ надъ однодневными. По наблюденіямъ Словцова, во время сизигій, въ Охотскомъ морѣ бываетъ одна полая вода въ сутки, а во время квадратуръ по двѣ. Фосфорическій блескъ есть явленіе весьма обыкновенное въ Охотскомъ морѣ; соленость его весьма различна. У Медвѣжьяго острова, по наблюденіямъ Миддендорфа, въ 1000 частяхъ воды оказалось 17,4 части соли.

Различіе температуры моря и приливы обуславливаютъ и теченіе Охотскаго моря. У южныхъ береговъ его, по словамъ Миддендорфа, значительныя перемѣны уровня водъ производятъ необыкновенныя стремительныя теченія, которыя между Шантарскими островами бѣгутъ, какъ на порогахъ, со скоростью четырнадцати верстъ въ часъ. Около мыса Дуганди онъ встрѣтилъ совершенно неожиданно, послѣ спокойнаго моря въ проливѣ, страшное теченіе, которое не позволило ему обогнуть мыса и, не смотря на всѣ усилія, унесло въ открытое море. Плавучій лѣсъ, состоящій изъ растущаго въ Японіи камфорнаго лавра (*Laurus camphora*), достигаетъ не только до Охотска, но и далѣе вдоль сѣвернаго берега моря, указывая такимъ образомъ на существованіе теченія съ юга. Охотское море, глубоко врѣзывающееся въ холодный материкъ Сибири, представляетъ собою и бассейнъ холодной воды. Изъ него, по изслѣдованіямъ г. Шренка, исходятъ главнѣйшія три теченія на югъ. Изъ сѣверовосточной части Охотскаго моря, наиболее холодной и наиболее вдающейся въ материкъ, именно изъ заливовъ Пенжинскаго и Гижигинскаго, одно теченіе спускается вдоль западнаго берега Камчатки къ крайнимъ сѣвернымъ Курильскимъ островамъ и первыми курильскими проливами выходитъ въ Великій океанъ. Это теченіе продолжается на югъ и юго-западъ вдоль всѣхъ Курильскихъ острововъ, которыхъ вся группа въ слѣдствіе того омывается холоднымъ теченіемъ, что и имѣетъ сильное вліяніе на ихъ климатъ. Это такъ называемое курильское теченіе. Въ Сангарскомъ проливѣ оно встрѣчается съ теплымъ теченіемъ, идущимъ изъ Японскаго моря. Отъ этой встрѣчи двухъ теченій, какъ въ Сангарскомъ проливѣ, такъ и въ большей части проливовъ между Курильскими островами замѣчается неправильное волненіе, буруны, волновороты и неравномѣрная, какъ бы полосами, температура воды. Второе теченіе, направляющееся изъ Охотскаго моря на югъ, не столь значительно, какъ курильское. Надобно полагать, что второе теченіе, какъ и первое, зарождается также въ сѣверо-восточной части Охотскаго моря, но вскорѣ поворачиваетъ на юго-западъ. Одна часть, можетъ быть, проникаетъ къ Шантарскимъ островамъ, принося туда массы льда, которыя плаваютъ тамъ до поздняго лѣта, до августа; другая же часть, минуя островъ св. Іоны (единственный не прибрежный

островъ Охотскаго моря), съ восточной его стороны направляется къ сѣверной оконечности острова Сахалина, куда также приносятъ массы льда.

Это теченіе спускается вдоль сѣверо-восточнаго берега Сахалина до мыса Терпѣнія, гдѣ оно встрѣчается съ противоположнымъ теченіемъ, выходящимъ изъ Японскаго моря проливомъ Лаперуза и поднимающимся вдоль восточнаго берега южной части Сахалина на сѣверъ. Вліянію этого теченія изъ холоднаго Охотскаго моря слѣдуетъ приписать суровый сѣверный характеръ восточнаго берега Сахалина выше мыса Терпѣнія. Шренкъ назвалъ это второе теченіе изъ Охотскаго моря сахалинскимъ. Третье теченіе этого моря зарождается въ сѣверо-западномъ, также холодномъ, углу Охотскаго воднаго бассейна. Отъ Шантарскихъ острововъ оно направляется вдоль берега Охотскаго моря на юго-востокъ и на сѣверномъ концѣ Амурскаго лимана заливается водою изъ Амура и вступаетъ въ этотъ прѣсноводный бассейнъ уже въ видѣ подводнаго теченія. Теченіе изъ Охотскаго моря продолжаетъ свой путь на югъ вдоль западнаго берега Сахалина, такъ называемымъ сахалинскимъ фарватеромъ и, какъ надобно полагать, изливается въ сѣверное Японское море. Вдоль мелководнаго лиманскаго побережья Сахалина это холодное теченіе выступаетъ на поверхность воды и вліянію этого теченія западный берегъ острова обязанъ своею суровою, печальною растительностію, сравнительно съ флорою противоположнаго ему материка. Сильные сѣверо-западные вѣтры пригоняютъ изъ Охотскаго моря въ Амурскій лиманъ массу воды и наполняютъ его льдами, которые отсюда проникаютъ даже въ Японское море. Это третье теченіе названо лиманскимъ и оно усиливаетъ теченіе на югъ, существующее безъ того изъ Амурскаго лимана. Съ достовѣрностію можно сказать, что это холодное теченіе, имѣющее неблагоприятное вліяніе на климатъ азіатскаго материка въ означенной мѣстности, продолжается до Владивостока и Поссѣта, а можетъ быть и до береговъ Кореи, около Броутонова пролива. Теченіе же съ юга, направляющееся изъ Японскаго моря Корейскимъ и въ особенности Крузенштерновымъ проливами, въ противоположность тремъ теченіямъ изъ Охотскаго моря, приносятъ въ послѣднее теплую воду изъ Восточнаго Океана и имѣетъ, вслѣдствіе того, самое благотворное вліяніе на всю южную часть острова Сахалина и на нѣкоторую часть его восточнаго берега до залива Терпѣнія. По временамъ теплое южное теченіе проникаетъ даже за мысъ Терпѣнія. У Шантарскихъ острововъ въ продолженіе всего лѣта держатся значительныя массы льда по той причинѣ, что онѣ не выпускаются оттуда стремительнымъ кружащимся теченіемъ. У Шантарскихъ острововъ существуютъ, повидимому, крайне сложныя теченія. Холодное теченіе Охотскаго моря имѣетъ неблагоприятное вліяніе и на климатъ Курильскихъ острововъ, которые отличаются своимъ безлѣсьемъ, несмотря на то, что лежатъ подъ 48 градусомъ сѣверной широты, и обиліемъ тумановъ, затрудняющихъ и дѣлающихъ опаснымъ плаваніе около нихъ судовъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Охотскомъ морѣ наступаетъ господство сѣверныхъ вѣтровъ, отъ чего усиливается вліяніе теченія изъ этого моря на Амурскій лиманъ. Отъ того въ половинѣ октября ледъ несетъ изъ Охотскаго моря въ этотъ лиманъ, а затѣмъ и въ Японское море. Въ июнѣ же въ Охотскомъ морѣ устанавливаются южные вѣтры.

По отношенію къ своимъ теченіямъ, Охотское море на восточномъ берегу азіатскаго материка имѣетъ тоже значеніе касательно Великаго океана, какое Баффиновъ заливъ, бассейнъ Атлантическаго океана, имѣетъ по отношенію къ послѣднему. Изъ Баффинова залива выходитъ холодное теченіе и направляется на югъ вдоль западнаго берега Атлантическаго океана (лабрадорскаго), между тѣмъ какъ вдоль его восточнаго берега направляется на сѣверъ теплое теченіе (гольфстримъ). Точно также изъ Охотскаго моря, бассейна Великаго океана, выходитъ холодное теченіе на югъ вдоль западнаго берега послѣдняго, между тѣмъ какъ восточнѣе, на сѣверъ, поднимается теплое японское теченіе (куро-сива), зарождающееся на одной широтѣ съ гольфстримомъ.

Что касается до глубины Охотскаго моря, то отъ обоихъ своихъ береговъ, сибирскаго

и камчатскаго, дно моря понижается постепенно и медленно (безъ соотношенія съ крутизою и высотой морскихъ береговъ) къ его срединѣ, но при этомъ въ срединѣ оно постепенно склоное море принадлежитъ къ числу весьма глубокихъ бассейновъ, такъ какъ тамъ найдена была глубина въ 1600 сажень. Часть Тихаго океана около Курильскихъ острововъ также очень глубока; на разстояніи 180 миль (315 верстъ) отъ берега по измѣренію оказалась глубина въ 2100 сажень. Лейтенантъ Старицкій произвелъ въ шестидесятыхъ годахъ, во время плаванія на военномъ корветѣ, шестнадцать измѣреній Охотскаго моря въ различныхъ мѣстахъ. Наибольшую глубину онъ нашелъ на сѣверной сторонѣ Курильскихъ острововъ, на параллели мыса Лопатка, въ 50 миляхъ (88 верстахъ) отъ ближайшаго берега и въ 300 миляхъ (525 верстахъ) отъ того мѣста Тихаго океана, гдѣ глубина превышаетъ 2100 сажень. На пути изъ четвертаго курильскаго пролива въ Гижигу найдены были глубины въ Охотскомъ морѣ въ 290 и 280 сажень. Въ сѣверо-восточномъ углу Охотскаго моря глубина его оказалась менѣе 100 сажень, именно 80, 70, 57 сажень. Вдоль сѣвернаго побережья, въ разстояніи 100 миль (175 верстъ) отъ берега, глубина держится около 200 сажень. Старицкій полагаетъ, что въ Охотскомъ морѣ существуютъ банки или отличительныя глубины. Такъ, по его словамъ, у берега глубина 60—70 сажень, въ разстояніи 75 миль отъ берега глубина 85—60 сажень, въ 115 миляхъ разстоянія 350 сажень, а въ 160 миляхъ разстоянія вновь только 80 сажень глубины. Банки эти, по мнѣнію Старицкаго, составляютъ продолженіе тѣхъ параллельныхъ горныхъ кряжей, которые образуютъ побережье манжурскаго материка, потомъ островъ Сахалинъ и затѣмъ направляются далѣе на востокъ. Такіе подводные острова, по словамъ Старицкаго, и составляютъ отличительныя глубины Охотскаго моря. Изъ его измѣреній оказывается, что вообще Охотское море, сравнительно съ сосѣдними водами Тихаго океана, не особенно глубоко.

Вмѣстѣ съ измѣреніями, Старицкій изслѣдовалъ и дно Охотскаго моря. Съ глубины 57 сажень, подъ 59° , $10'$ сѣв. широты онъ досталъ красный коралль, съ глубины 80 сажень подъ 58° , $45'$ —бѣлый коралль, съ 70 сажень—дресву съ ракушками, съ глубины 70—80 сажень—морскаго ежа и камни съ приставшими къ нимъ ракушками, съ 80 сажень—одну дресву; съ 290 и 280 сажень сѣрый песокъ съ иломъ и мѣстами съ зеленымъ иломъ, на глубинѣ 350 сажень, подъ 55° , $7'$ широты и 145° , $52'$ восточной долготы, оказался на днѣ камень, потому что ничего не было поднято, а на той же глубинѣ, подъ 51° , $1'$ широты и 154° , $18'$ восточной долготы, оказался сѣрый песокъ съ иломъ.

Море между Шантарскими островами, повидимому, повсюду мелко. Верстахъ въ четырехъ отъ мыса Тыльскаго, Миддендорфъ нашелъ въ морѣ глубину въ 55 футовъ; верстахъ въ трехъ отъ берега, около середины пролива Медвѣжьяго острова, только 30 футовъ, у западнаго мыса Дугандя у самаго берега отъ 50 до 60 футовъ; почти на половинѣ пути между послѣднимъ мысомъ и островомъ Эге 90 футовъ и столько же между островами Нихзиканомъ и Большимъ Шантаромъ. Скалистое дно моря въ этомъ мѣстѣ до того неровно, что якорь Миддендорфъ вынималъ нѣсколько часовъ. Промѣры, сдѣланные съ корабля американской экспедиціи, на которомъ находился Гейне, указали на удивительную правильность морскаго дна Охотскаго моря вдоль западнаго берега Камчатки, вовсе независящую, какъ сказано выше, отъ степени подъема прилегающей береговой полосы. Американскіе наблюдатели повсюду находили глубину отъ 10 до 12 сажень (почти одинаковую съ глубиною около Шантарскихъ острововъ) независимо отъ того высокія горы или низменность прилегаютъ къ морю съ суши.

На прибрежную флору Охотскаго моря наибольшее вліяніе оказывается отрогами Становаго хребта, которые подходятъ къ самому берегу моря, и тѣми ледяными массами, которыя несутся на немъ до августа и понижаютъ температуру воздуха. Растенія, требующія извѣстнаго количества тепла, не посѣваютъ по сосѣдству съ Охотскимъ моремъ. Въ Европѣ имень ро-

дится въ сѣверо-западной части Норвегіи подъ 70 град. сѣверной широты. Въ рѣчныхъ областяхъ Мезени и Печоры полярный предѣлъ воздѣлыванія ячменя въ сложности держится между 65½ и 66 град., но на Уралѣ отходить до 60 град., у Якутска повышается до 62 град., на Алданскомъ хребтѣ опять понижается до 61 град., а при Удскомъ острогѣ, въ 90 верстахъ отъ Охотскаго моря, уходитъ даже до 54½ град. Приэтомъ необходимо замѣтить, что какъ тамъ, такъ и по всему южному побережью Охотскаго моря, хлѣбопашество возможно только на известномъ разстояніи отъ берега. На прибрежьяхъ Охотскаго моря неоднократно дѣлались попытки къ разведенію хлѣбовъ, такъ какъ одно время въ правительственныхъ сферахъ господствовало убѣжденіе, что только лѣнь и нерадѣніе мѣстныхъ жителей служатъ препятствіемъ обезпечить продовольствіе Охотскаго края и Камчатки какъ жителей, такъ и многочисленнаго войска хлѣбомъ мѣстнаго произрастанія. Со стороны правительства сдѣланы были величайшія усилія, но они только многими годами опыта убѣдили въ той истинѣ, что насильственнымъ природою нельзя добиться искусственнаго произрастанія хлѣбовъ тамъ, гдѣ климатическія условія ставятъ тому непреодолимые затрудненія. Въ южной части Охотскаго моря хлѣбопашество невысказимо на самомъ берегу даже къ югу отъ 50 град. сѣв. широты. Въ этомъ отношеніи холодный бассейнъ Охотскаго моря, съ его льдами, туманами, дождями лѣтомъ, понижаетъ предѣлъ разведенія ячменя, сравнительно съ сѣверо-западнымъ берегомъ Европы, на двадцать градусовъ широты. Разница огромная!

Изъ архива Удскаго острога видно, что одновременно съ попытками, произведенными около Охотска и въ Камчаткѣ, именно въ 1735 году, ревностно принялись за введеніе хлѣбопашества и въ Удскомъ острогѣ, для чего тамъ поселено было десять семей хлѣбопашцевъ. О первыхъ годахъ этихъ попытокъ не сохранилось извѣстій въ архивѣ, но изъ одного документа оказывается, что въ 1742 г. посѣяно было ржи 320 фунтовъ, и собрано, въ 1743 г., 1080 фунтовъ. Въ 1743 году полученъ былъ указъ посѣять весь собранный хлѣбъ, причемъ повелѣно было «не милосердно бить батогами» всякаго виновнаго, не посѣявшаго всего количества хлѣба въ прошломъ году, равно какъ «всѣхъ тѣхъ, которые безпечно занимаются земледѣліемъ». На мѣстное начальство возложено было строжайшее наблюденіе по этому дѣлу, съ угрозами наказанія на случай упущенія. Въ 1743 году поэтому было посѣяно фунтовъ: ячменя 1040, яровой ржи 215, овса 160, собрано же: ячменя 1880, яровой ржи 120, овса 240 фунтовъ. Урожай былъ очевидно крайне ничтожный. Число хлѣбопашцевъ въ 1748 году, какъ видно изъ одной бумаги, уменьшилось до восьми семей; они жаловались на то, что, вопреки царской грамотѣ, ихъ заставляли заниматься рыболовствомъ во время посѣва и покоса. Въ 1775 году изъ Удскаго острога отправлено было донесеніе, въ которомъ упадокъ земледѣлія, не смотря на нѣсколько превосходныхъ урожаевъ, приписывался неразумности жителей, лѣности ихъ и склонности къ рыболовству. Въ донесеніи было сказано, что уже нѣсколько лѣтъ въ Удскомъ острогѣ вовсе не сѣютъ хлѣба, а между тѣмъ и выше и ниже его есть до десяти десятинъ превосходной пахатной земли. Оба просителя, казаки острога, выражали притомъ желаніе быть назначенными смотрителями надъ тамошнимъ земледѣліемъ, сулили большія выгоды и предлагали, чтобы въ добавокъ къ числу наличныхъ хлѣбопашцевъ прислано было еще до десяти человекъ. Въ 1779 году въ Удскій острогъ присланъ былъ ученикъ-геодезистъ для описанія тамошняго земледѣлія. Изъ дѣла объ урожаѣ 1780 года видно, что ячмень былъ посѣянъ въ трехъ различныхъ мѣстахъ: въ одномъ получено было девятое зерно, въ другомъ ⅓ посѣва, а на третьемъ ничего не было собрано. Посѣвы продолжались ежегодно съ 1783 по 1789 годъ включительно, причемъ въ 1786 году пашни розданы были крестьянамъ съ публичнаго торга на три года, но посѣвы ячменя ограничивались 70 фунтами, а ржи 70 и 47 фунтами. Положеніе хлѣбопашества было бѣдственное. При ревизіи дѣлъ въ 1790 году хлѣбопашцевъ мужескаго пола оказалось всего 11 мужчинъ, въ возрастѣ отъ 11 до 62 лѣтъ. Въ 1791 году, вслѣдствіе непрерывныхъ проливныхъ дождей,

влажности воздуха и холода розданныя для посѣва изъ казеннаго магазина сѣмена ржи и ячменя даже не взошли. Въ 1813 году получено было въ Удскомъ острогѣ предписаніе наблюдать за разведеніемъ картофеля и по возможности размножать его. Въ 1825 году начальнику Якутской области предписано было предложить десяти якутскимъ семьямъ со скотомъ своимъ переселиться въ Удскій острогъ, куда въ 1827 году былъ дѣйствительно присланъ изъ Якутска одинъ хлѣбopашецъ со своимъ семействомъ, которому даны были сѣмена, но и эта попытка, какъ и многія другія послѣдующія, не имѣла успѣха. Частныя попытки продолжались. Въ 1841 году одинъ казакъ посѣялъ 18 фунтовъ ячменя и, несмотря на крайне суровое лѣто, собралъ 80 фунтовъ. Въ 1844 году хлѣбopашество въ Удскомъ острогѣ ограничивалось двумя небольшими участками, въ 20 квадратныхъ сажень каждый; на одномъ ячменя родилось третье зерно, а на другомъ пятое. Въ 1852 и 1853 годахъ прекратились даже эти жалкіе слѣды прежняго хлѣбopашества. Тамонній священникъ продолжалъ еще разводить картофель; онъ сажалъ его въ концѣ мая, а собиралъ въ концѣ августа. Правительство, дѣлая въ прошломъ столѣтіи большія усилія для распространенія хлѣбopашества въ Охотскомъ краѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ совершило большой промахъ, обложивъ оброкомъ жалкіе зачатки земледѣлія. Въ видахъ увеличенія оброка правительство даже распорядилось въ 1779 году переѣркою земель. Изъ архивныхъ бумагъ Удскаго острога 1786, 1788 и 1796 годовъ видно, что несвоевременное наложеніе податей положительнымъ образомъ препятствовало успѣшной колонизации Сибири. Хлѣбopашество укоренилось бы въ Охотскомъ краѣ, если бы возможны были тамъ урожаи, которые давали бы въ сложности четвертое зерно.

На берегахъ Охотскаго моря лѣтомъ вырастаетъ тучная трава, которая могла бы способствовать разведенію тамъ рогатаго скота, но другія климатическія условія служатъ сильнымъ къ тому препятствіемъ. Такъ не хватаетъ рукъ, по малочисленности населенія, для заготовки сѣна на зиму, которая для скота бываетъ продолжительна, потому что свѣжую траву онъ въ состояніи добывать себѣ на поляхъ только съ конца мая. Въ Удскомъ острогѣ растетъ, на примѣръ, великолѣпная трава лѣтомъ, такъ что въ сложности получается до 200 пудовъ сѣна съ десятины, но нѣтъ средствъ заготовить его въ большомъ количествѣ. Жителямъ Удскаго острога, въ видахъ распространенія въ краѣ скотоводства, роздана была партія рогатаго скота. Въ 1786 году, по архивнымъ свѣдѣніямъ, тамъ всего было 23 головы рогатаго скота; въ 1790 г. народилось 20 коровъ и одинъ быкъ; въ 1799 году донесено было экспедиціи государственнаго хозяйства, что въ острогѣ находятся 22 головы. Въ 1830 году было еще 41 голова, изъ которыхъ отъ голоду и болѣзней погибло 20 головъ. Лѣтомъ 1844 года отъ означеннаго стада оставалось всего 7 головъ, причѣмъ пятилѣтняя корова имѣла только 280 фунтовъ вѣса, что можетъ служить лучшимъ доказательствомъ жалкаго состоянія, до котораго дошли эти животныя въ краѣ, отличающемся чрезвычайно пышною и сочною травою. Глубокіе снѣга въ Удскомъ острогѣ также служатъ большимъ препятствіемъ къ разведенію тамъ рогатаго скота.

Всѣ эти попытки и усилія правительства дѣлались вопреки указаніямъ свѣдущихъ лицъ, посѣщавшихъ Охотское побережье. Такъ Чириковъ, еще въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, указывалъ, что новопріобрѣтенныя земли у Охотскаго моря не имѣютъ внутренняго достоянства, потому что на нихъ не принимается хлѣбopашество. Онъ уже въ то время обратилъ вниманіе на снабженіе Охотскаго края и Камчатки хлѣбомъ, посредствомъ сплава его внизъ по Амуру. Палласъ въ 1783 году указывалъ на невозможность заниматься въ Охотскѣ земледѣліемъ. Сарычевъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, заявилъ, что въ Охотскѣ хлѣбopашество рѣшительно не мыслимо и приэтомъ ссылается на многократныя опыты, произведенныя по распоряженію правительства, подкрѣпивъ свои соображенія правильнымъ разъясненіемъ климатическихъ препятствій. Даже на болѣе значительномъ разстояніи отъ морскаго берега, именно въ Мундукапѣ, лежащемъ въ 70 верстахъ къ западу отъ Охотска, хлѣбopашество не имѣ-

ло успѣха. Также были безуспѣшны опыты, произведенные нѣсколько сѣвернѣе отъ Охотска къ деревнѣ Инѣ, которая была основана въ 1735 году именно въ видахъ распространенія земледѣлія, одновременно съ переселеніемъ въ Удскій острогъ десяти семей хлѣбопашцевъ. Въ 1845 и 1846 годахъ, по распоряженію правительства, поселены были хлѣбопашцы на Алданскомъ хребтѣ, къ юговостоку отъ Амчанска, въ Усть-Майской и въ Нельконѣ, изъ которыхъ послѣдній лежитъ довольно высоко въ области истоковъ Май, въ 200 верстахъ отъ Аяна, примѣрно подъ 57 град. сѣв. шир. Въ 1850 году генераль-губернаторъ восточной Сибири донесъ правительству, что попытка сѣять тамъ хлѣбъ удалась и что въ деревнѣ Усть-Майской рожь дала двадцатое зерно. Гончаровъ, бывшій тамъ въ 1854 году, сообщаетъ, что поселенцы не могутъ нахвалиться своимъ урожаемъ, хотя, впрочемъ, онъ говоритъ не о ржи, а объ ячменѣ, коноплѣ и овощахъ.

Лѣса, окружающіе Охотское море, отличаются разнообразіемъ древесныхъ породъ и обиліемъ лѣсныхъ ягодъ, причемъ климатическія условія играютъ въ этомъ обиліи и разнообразіи немаловажную роль. Плоскія пространства земли и при устьяхъ рѣкъ на южномъ берегу Охотскаго моря не поросли лѣсомъ и обнажены на разстояніи слишкомъ трехъ верствъ отъ морскаго берега. Лиственница, которая называется характеристическимъ деревомъ Сибири, растетъ по всему ея пространству, отъ самыхъ западныхъ ея границъ до самыхъ восточныхъ и даже на островахъ, которые находятся уже въ Тихомъ океанѣ. Она служитъ вообще главною составною частію сибирскихъ лѣсовъ. Лиственница въ Сибири является двухъ породъ: даурская и сибирская, которыя стлчаются по формѣ чешуекъ въ ихъ шишкахъ: у сибирской онѣ къ концу округлены и даже заострены, а у даурской урѣзаны и зубчаты. На Шантарскихъ островахъ находятся лиственницы съ шишками изъ незубчатой чешуи. На берегахъ Охотскаго моря водится только даурская лиственница. Какъ въ Камчаткѣ, особенно на западномъ ея берегу, такъ и на противоположномъ берегу сибирскаго материка у Гижигинской губы лиственница растетъ только вдалекѣ отъ морскаго берега. Немного далѣе 61 град. сѣвер. шир., на пути вдоль берега изъ Охотска въ Гижигу, лиственница пропадаетъ изъ вида, хотя растетъ по истокамъ рѣкъ на хребтахъ, напримѣръ на истокѣ рѣки Охоты. Отъ этого пункта къ югу лиственница опять окаймляетъ весь берегъ Охотскаго моря, всѣ берега тамошнихъ рѣкъ, переходитъ на всѣ острова, лежащіе близко къ материку, какъ, напримѣръ, на Шантарскіе, и простирается вдоль Сахалина до острова Иессо. Между тѣмъ на Курильскихъ островахъ, которые тянутся цѣпью отъ Иессо къ южной оконечности Камчатки, лиственница находится только на двадцатомъ островѣ, ближайшемъ къ Иессо, Кунамисѣ, гдѣ подъ 43³/₄ град. сѣв. широты, при самомъ полномъ своемъ ростѣ, прекращается. Лиственницы нѣтъ по всей грядѣ Курильскихъ острововъ и только на двухъ, ближайшихъ къ южной оконечности Камчатки, она появляется какъ бы для перехода на материкъ. У Большерѣцка, на западномъ (охотскомъ) берегу Камчатки, лиственница встрѣчается въ видѣ исключенія, потому что на берегахъ Камчатки она не растетъ, а только внутри на возвышенныхъ долинахъ, защищенныхъ отъ морскаго вѣтра. Всѣ эти страны лиственница снабжаетъ строевымъ лѣсомъ, наилучшимъ матеріаломъ для кораблестроенія. На предѣлахъ древесной растительности, лиственница принимаетъ уродливыя формы, что въ особенности замѣтно на побережьяхъ и островахъ Охотскаго моря. На главномъ гребнѣ Алданскаго хребта, на высотѣ 4,000 футовъ, лиственницы являются здоровыми сильными деревьями, потому что были защищены отъ бурь; но тамъ, гдѣ такой защиты не оказывается, видны криворослыя лиственницы съ синеваго-пепельнымъ цвѣтомъ коры, дерево достигаетъ не болѣе половины человѣческаго роста, а стволъ его прижимается плотно къ землѣ, развѣтвляясь въ видѣ шпалеръ, причемъ путаница въ сучьяхъ заграждаетъ дорогу путешественнику. На южномъ берегу Охотскаго моря, на высотахъ, не достигающихъ 2,000 футовъ надъ морскимъ уровнемъ, можно убѣдиться, что такая хилость деревъ относительно вышины и толщины, сильное накопленіе на нихъ мха и т. п. — удѣлъ не одной лиственницы,

но и другихъ древесныхъ породъ и что это происходитъ единственно въ слѣдствіе того, что мѣстности, на которыхъ растутъ эти деревья, подвержены дѣйствию бурь и въ особенности морскихъ вѣтровъ. Эта хилость замѣтна и на обращенныхъ къ сѣверу мѣстностяхъ, низко лежащихъ надъ морскимъ уровнемъ и сильно подверженныхъ морскимъ бурямъ, на примѣръ на сѣверныхъ сторонахъ Медвѣжьяго острова и на сѣверной оконечности острова Эге. Въ такихъ мѣстахъ лиственницы не только низко наклонились къ землѣ, но и многія изъ нихъ погибли. Но въ цѣломъ деревья этой мѣстности представляютъ всетаки гораздо болѣе жизненную, болѣе сочную и обильную зеленую форму изгороди; стволы ихъ не прилегали такъ къ землѣ, какъ на крайнемъ лѣсномъ предѣлѣ дальняго сѣвера, а тѣмъ болѣе не вдавливались въ землю такъ, какъ шпалерныя криворосли на отдаленномъ сѣверѣ. Особенно на Шантарскихъ островахъ Миддендорфъ увидалъ живое различіе между вліяніемъ рѣзкихъ сѣверныхъ вѣтровъ сопредѣльнаго Ледовитому морю края, среди тамошняго губительнаго климата, и между дѣйствиемъ бурныхъ морскихъ вѣтровъ, постоянно сопровождаемыхъ мельчайшимъ дождемъ, среди продолжительнаго лѣта и температуры, хотя не высокой, но далеко не доходящей до точки замерзанія, какъ это бываетъ на южныхъ берегахъ Охотскаго моря. Криворослыя изгородныя лиственницы на Шантарскихъ островахъ въ продолженіе всего лѣта, даже при ясной погодѣ, кажутся какъ будто орошенными дождемъ. Подъ вліяніемъ такой сильной сырости на этихъ островахъ развивается великолѣпнѣйшая сочная зелень, нисколько не уступающая прекраснѣйшимъ стриженымъ стѣнкамъ изгородей въ Европѣ. Не рѣдко весь этотъ великолѣпный покровъ возвышается не болѣе, какъ на два фута, а иногда только на футъ, надъ скалистою стѣною, которую онъ густо заволакиваетъ и прикрываетъ не хуже лучшихъ вьющихся растений. Нигдѣ эта изгородная форма лиственницы не является въ такомъ великолѣпномъ видѣ, какъ на одной (именно восточной) изъ двухъ обращенныхъ къ сѣверу вилообразныхъ оконечностей острова Эге. Нигдѣ контрастъ лѣсной растительности не поражаетъ такъ сильно, какъ на Большомъ Шантарскомъ островѣ, гдѣ на побережьи видна изгородная лиственница, а внутри острова, въ защищенной долини, растутъ лиственничныя деревья въ $3\frac{1}{2}$ фута въ поперечникѣ. На этомъ же островѣ въ защищенной долини растутъ исполинскія сосны, въ два или въ три фута въ поперечникѣ, между тѣмъ какъ на пустынныхъ каменистыхъ вершинахъ тамошнихъ горъ видны мелкорослыя сосны не болѣе одного фута вышины.

Сибирская ель не растетъ на Охотскомъ морѣ между Охотскомъ и Тауйскою губою, но между этимъ заливомъ и Янскою губою, слѣдовательно около 60 град. сѣв. широты, она по-прежнему еще въ видѣ высокихъ хотя уже не толстыхъ и не частыхъ деревьевъ и продолжается, повидимому, далѣе на сѣверъ до 61 град. Сибирская ель появляется и на хребтахъ Камчатки, на западной ихъ покатости, но тамъ, даже на болѣе южныхъ отрогахъ, она уже нигдѣ не достигаетъ такой вышины и толщины, чтобы годилась для построекъ или для домашнихъ подѣлокъ и для своего произростанія, еще болѣе лиственницы требуетъ благоприятнаго положенія, стало быть нигдѣ не подходитъ близко къ берегу Охотскаго моря. Впрочемъ на сибирскомъ берегу Охотскаго моря ель часто находится близъ самаго моря, если только были высоты для ея защиты отъ вѣтра. При такой защитѣ ель достигаетъ въ этихъ мѣстахъ толщины въ $2\frac{1}{2}$ фута при высокомъ ростѣ и съ чистою гладкою корою. Молодыя тонкія ели растутъ въ подобной мѣстности прекраснѣйшимъ густымъ лѣсомъ. На Курильскихъ островахъ, съ третьяго до девятнадцатаго, нѣтъ сибирской ели; она появляется только на двадцатомъ (Кунамисѣ), вмѣстѣ съ лиственницею, подъ $43\frac{3}{4}$ град. сѣв. широты. На Шантарскихъ островахъ эта ель также растетъ. Вліяніе холоднаго морскаго вѣтра на устьѣ рѣки Уди обнаруживается на сибирской ели рѣзкою переменною въ ея очертаніи: она не имѣетъ конической формы, теряетъ свой тонкій и прямой ростъ, и подобно соснамъ и черному лѣсу, раздается въ ширину беспорядочно изогнутыми вершинами. Отъ холоднаго морскаго вѣтра страдаетъ преимущественно вышина деревъ, менѣе толщина.

потому что въ 300 шагахъ отъ морскаго берега встрѣчается еще ель въ $1\frac{1}{2}$ фута въ поперечникѣ. За Алданскимъ хребтомъ, въ Охотскому морю, распространена особенная порода ели, которая названа нѣкоторыми батаниками аянской. Иглы ея темнѣе, шишки мягкія, какъ бы кожанныя; распространеніе ея вѣтвей въ ширину, т. е. объемъ ея очертанія, менѣе, чѣмъ у сибирской ели и она представляетъ собою продолговатыя заостренныя фигуры. Гдѣ оба вида растутъ смѣшанно, аянскую можно тотчасъ отличить по свѣжимъ голубовато-зеленымъ вѣтвямъ и особенно по гладкости коры, которая имѣетъ грязно-сѣрый цвѣтъ, очень похожій на гнѣзда ось. Кора аянской ели очень отличается отъ коры сибирской, грубой, часто растрескивающейся квадратами, и къ которой очень много пристаеетъ моха и лишаяевъ. Сверхъ того аянская ель вся покрыта прыщами, которые, расширяясь поперекъ ствола, дѣлаются вмѣстѣ лищами пахучаго сока и при нажимѣ выпускаютъ его. Листья также наполнены этимъ сокомъ; когда потрешь ихъ въ рукѣ, они пахнутъ не только скипидаромъ, но и чрезвычайно противнохлопами. Повидимому въ свои поздніе годы аянская ель растетъ медленнѣе сибирской, но зато, при меньшей толщинѣ и при особенно прямомъ ростѣ, она достигаетъ значительной вышины, именно 80 футовъ при 14 футахъ толщины. Это-то дерево американскіе моряки, при посѣщеніи ими Шантарскихъ острововъ, выставляли особенно годнымъ для рей и стеновъ, но оно, повидимому, оказывается ломкимъ и потому въ этомъ отношеніи близко подходитъ къ пихтѣ. На западномъ склонѣ Алданскаго хребта аянская ель растетъ только близъ главнаго хребта, примѣрно съ 2,000 футовъ высоты, но на восточномъ склонѣ продолжается внизъ къ морю и переходитъ на Шантарскіе острова. На рѣкѣ Уди аянская ель составляетъ почти господствующую породу дерева. У моря она растетъ рѣже сибирской ели. Подобно пихтѣ, аянская ель предпочитаетъ жирную намывную почву острововъ и береговъ рѣкъ. Сибирская пихта растетъ также на побережьѣ Охотскаго моря, гдѣ по большей части концы иголъ оказываются раздвоенными, въ видѣ вилъ. На южномъ берегу моря шишки пихты уже въ половинѣ сентября разваливаются и высыпаютъ сѣмена. Сосна переходитъ гребень Алданскаго хребта только въ одномъ мѣстѣ, но на западномъ его склонѣ достигаетъ до значительной высоты, вѣроятно болѣе 3,500 фут. Сосна растетъ на восточномъ склонѣ только въ нижнемъ теченіи рѣки Ули, впадающей въ море немного южнѣе Охотска, подъ 59 град. Ленже, бывшій управляющій факторіею російско-американской компаніи, положительно утверждаетъ, что какъ по величинѣ деревъ, такъ и по числу ихъ, на нижнемъ теченіи Ули первое мѣсто занимаетъ лиственница, второе сосна, третье ель. Въ пяти или шести миляхъ (35—42 версты) отъ моря тамъ, по словамъ Ленже, растутъ мачтовья деревья, именно очеръ большія сосны. Сверхъ того жители Удскаго острога увѣряли Миддендорфа, что не далѣе семи версты вверхъ отъ этого селенія сосны находятся въ лѣсу, но въ маломъ количествѣ, а за 28 или 35 версты вверхъ по рѣкѣ Уди находятся довольно большія чисто сосновыя роши, хотя значительно уступаютъ величиною лиственничнымъ и еловымъ лѣсамъ.

Сибирскій кедръ имѣетъ предѣломъ своего распространенія въ Сибири 68 град. сѣверной широты, но на становомъ водораздѣлѣ сѣверная его граница, какъ надобно полагать, находится у истоковъ рѣки Алдана, или около 56 град. сѣверн. широты. На берегахъ Охотскаго моря нѣтъ сибирскаго кедра, а распространены кустарный кедръ или кедровый сланецъ (*Pinus pumila*), который директоромъ императорскаго ботаническаго сада, Регелемъ, выдѣленъ въ особый видъ. Это растеніе даже и въ садахъ выдерживаетъ свой характеръ и вырастаетъ только до величины кустарника отъ 5 до 8 футовъ вышины, на которомъ уже растутъ шишки. Кустарный кедръ, составляя внутри страны горное дерево, повсюду вдругъ исчезаетъ, гдѣ только хребты материка низко опускаются въ долины, и, несмотря на болѣе благоприятныя условія со стороны климата и почвы, онъ не является по склонамъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ версты, вмѣсто того, чтобы дѣлаться рослаѣе и достигать формы древеснаго кедра. Такимъ образомъ кустарный кедръ нельзя смѣшивать съ малорослымъ кед-

ромъ, въ который кедръ перерождается и на европейскихъ хребтахъ, когда близко подходят къ предѣлу своего произрастанія на высотахъ. Стволы кустарнаго кедра (называемаго сибиряками кедровымъ сланцемъ) вырастаютъ отъ 3, 4 до 5 сажени длины, но при этомъ верхушка ихъ достигаетъ только 9 и никакъ не болѣе 12 футовъ отвѣсной высоты надъ почвою, потому что дерево тотчасъ по выходѣ изъ земли развѣтвляется кустарникомъ на сучья, по большей части дюйма въ два толщиною, которыя, извиваясь, стелются по землѣ. Если, въ видѣ исключенія, встрѣчаются стволы толщиною въ 5 дюймовъ въ поперечникѣ, то они всетаки никогда не попадаются одноствольными, не растутъ вверхъ прямо, а всегда раскидываются. Поросли кустарнаго кедра плотно стелются по склонамъ горъ; ихъ кусты переплетаются въ густую сѣть; вѣтви сосѣднихъ деревьевъ цѣпляются другъ за друга своими сучьями самымъ разнообразнымъ образомъ. Такимъ образомъ составляется частая сѣть, которою крайне затрудняется восхожденіе на гору. Ступая по колеблющемуся сплетенію кустарнаго кедра, часто не коснешься ногою самой почвы на довольно большомъ пространствѣ; наконецъ, проваливаешься, ноги вязнутъ, и, сидя верхомъ на сучьяхъ, видишь себя какъ-бы пойманнымъ въ сѣти, такъ что нужны бывають величайшія усилія, чтобы освободить свои ноги. Спускъ съ горы облегчается кустарнымъ кедромъ, потому что перепутанныя вѣтви часто помогаютъ скатываться. Кора кустарнаго кедра особенно гладка. На материкѣ кустарный кедръ бываетъ усѣянъ шишками, но на Шантарскихъ островахъ онъ бѣдиѣе плодами. Шишки образуются и созрѣваютъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Орѣхи кустарнаго кедра мельче, чѣмъ на сибирскомъ кедрѣ, но вкусомъ одинаковы, а потому собираются жителями и употребляются въ пищу. На всемъ южномъ берегу Охотскаго моря, равно какъ на восточномъ склонѣ Алданскаго хребта, кустарный кедръ спускается съ вершинъ горъ низко, до нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ поверхностью моря. Онъ встрѣчается не только въ настоящихъ моховыхъ болотахъ, но и на такихъ мѣстностяхъ, которыя возвышались надъ уровнемъ моря всего на нѣсколько сажень. Таковы пространныя моховыя болота въ Тугурской бухтѣ и болотная низменность въ 10 верстахъ слишкомъ отъ урочища Бунханъ на рѣкѣ Тугурѣ, поросшія мѣстами кустарнымъ кедромъ. Даже, въ сравненіи съ шпалерною лиственницею береговыхъ скалъ Охотскаго моря, кустарный кедръ выноситъ болѣе суровый климатъ тамошнихъ горъ. Въ мѣстностяхъ, слишкомъ открытыхъ сѣвернымъ вѣтрамъ, гдѣ шпалерная лиственница не можетъ уже расти, особенно если камень и въ особенности мало вѣтвистая кварцевая порода доставляютъ слишкомъ скудное питаніе, кустарный кедръ растетъ бодро, но только малорослыми кустами, плотно прилегающими къ отвѣсу скалъ. Влажность принадлежитъ къ числу жизненныхъ потребностей кустарнаго кедра, который растетъ правильно въ каждой сколько-нибудь влажной разсѣлинѣ скалы. Но и влажность воздуха можетъ замѣнять ему влажность почвы, потому что въ атмосферѣ, напитающей парами, какъ на берегахъ Охотскаго моря, кустарный кедръ кажется какъ будто бы онъ открываетъ свои корни даже въ каменную породу. Кустарный кедръ вѣчаетъ собою все открытыя возвышенія береговъ Охотскаго моря. На Шантарскихъ островахъ однако кустарный кедръ не встрѣчается на самыхъ большихъ высотахъ, а только на холмахъ меньшей высоты. Пестрыя кедровки большими стаями собираются на кустарные кедръ, во время зрѣлости ихъ шишекъ, улетаютъ съ орѣхами на самыя неприступныя скалы и, роиая тамъ сѣмена, слушаютъ орудиемъ его повсемѣстнаго распространенія. Въ концѣ мая изъ отрѣзанныхъ вѣтвей кустарнаго кедра течетъ въ изобиліи бальзамъ, съ сильнымъ запахомъ скипидара, который можетъ быть легко приготовляемъ изъ этого матеріала. Запахъ этого бальзама до того силенъ, что производитъ головную боль, если долго лежать на постели, устроенной изъ вѣтвей этого кедра. По дорогѣ изъ Охотска въ Гижигу кустарный кедръ повсюду встрѣчается вблизи морскаго берега и составляетъ тамъ единственное хвойное дерево. Кустарный кедръ подходитъ вплоть къ западному берегу Камчатки и переходитъ за Карагу, слѣдовательно за 59 град. сѣв. широты. На лѣвомъ берегу Анадыра граница кустарнаго кедра лежитъ подъ 65 град.

гдѣ онъ растетъ не выше 4 футовъ съ зрѣлыми плодами. Онъ переходитъ на Курильскіе острова и составляетъ ихъ главную кустарную растительность до острововъ Расшуа и Кетоя, подъ 48 град., гдѣ онъ смѣняется древеснымъ кедромъ (сибирскимъ).

Обыкновенный (малорослый) можжевельникъ распространенъ по всей Сибири до южныхъ береговъ Охотскаго моря. Даурскій можжевельникъ встрѣчается на рѣкѣ Тугурѣ. Березы на Алданскомъ хребтѣ, при господствѣ хвойныхъ лѣсовъ, растутъ разсѣянно, но въ долинѣ рѣки Уди берутъ перевѣсъ вмѣстѣ съ другими деревьями лиственнаго лѣса. У Пенжинской губы березовые лѣса подходятъ къ Охотскому морю на разстояніи 28 верстъ. Въ Гижигѣ, подъ 63 град. широты, береза растетъ очень хорошо. Въ долинахъ главныхъ рѣкъ, впадающихъ въ южную половину Охотскаго моря, береза достигаетъ очень значительнаго роста. Изъ коры только одного дерева тунгусы дѣлаютъ челны, поднимающіе шесть, семь человекъ. Сверхъ этой обыкновенной бѣлой березы (*Betula alba*), на берегахъ Охотскаго моря растетъ еще особый видъ березы (эрманова береза, *Betula Ermani*), которую мѣстные жители мѣтко прозвали «каменною», потому что она покрываетъ самыя скалистыя мѣста, самыя крутые утесы по всему южному берегу этого воднаго бассейна. На островѣ Большомъ Шантарѣ эрманова береза попадается, при 50 футахъ вышины, въ 1½ и въ 2 фута въ поперечникѣ. Впрочемъ, стволъ у этой березы обыкновенно кривъ, свиловатъ и часто перегибается то въ одну, то въ другую сторону, вслѣдствіе открытой для вѣтровъ мѣстности. Эрманова береза издалика отличается своею корою. Хотя эта кора и бѣлая, какъ у нашихъ обыкновенныхъ березъ, а на молодыхъ вѣтвяхъ даже ослѣпительно бѣла, но на стволѣ этотъ цвѣтъ обыкновенно переходитъ болѣе въ пепельно-сѣрый и пепельно-голубоватый. Даже на самыхъ толстыхъ стволахъ этой березы никогда не бываетъ шероховатой и отвердѣлой коры, какъ на нашихъ березахъ; на эрмановой березѣ береста растрескивается на тонкіе, какъ почтовая бумага, лоскутки, которые, отдѣляясь отъ коры, придаютъ ей, даже на мелкихъ вѣтвяхъ, блескъ шелка. Отъ того же происходитъ, что эта береза не годится тунгусамъ для ихъ многочисленныхъ подѣлокъ, особенно для выдѣлки челноковъ, для чего имъ доставляетъ матеріалъ кора нашей обыкновенной березы. Лѣсъ эрмановой березы такъ крѣпокъ, что обыкновенная бѣлая береза въ сравненіи съ нею кажется мягкой. Вѣтвей на этой березѣ, когда она имѣетъ прямой ростъ, бываетъ крайне мало. Эрманова береза распространена по цѣпи Курильскихъ острововъ, начиная съ пятнадцатаго острова и далѣе къ югу; она же растетъ на западныхъ горахъ Сахалина. Она находится также на второмъ и пятомъ изъ Курильскихъ острововъ.

Бѣлая ольха (*Alnus incana*) растетъ по всему южному берегу Охотскаго моря. На островѣ Большомъ Шантарѣ она даже на высотахъ не очень мельчаетъ, а въ закрытыхъ долинахъ вырастаетъ до величины дерева. Кустарная ольха (*Alnus fruticosa*) является болѣе сѣвѣрною и болѣе восточною формою этого дерева. На Хатангѣ она встрѣчается даже подъ 71¾ град. сѣвѣрной широты. Въ Гижигинской губѣ въ закрытыхъ мѣстахъ морскаго берега кустарная ольха растетъ вмѣстѣ съ тополемъ и ивою. На Алданскомъ хребтѣ и на южномъ берегу Охотскаго моря кустарная ольха является рѣшительно горнымъ кустарникомъ по самымъ крутымъ и сухимъ скатамъ и обрывамъ и опоясываетъ тамъ горныя вершины. Такія же мѣста она любитъ и въ Камчаткѣ. Изъ лиственныхъ деревъ кустарная ольха оказывается одною изъ самыхъ сѣвѣрныхъ формъ; она повсюду едва ли не доходитъ до самаго крайняго предѣла древесной растительности. Даже на Пенжинской губѣ толстыя, но искривленныя ольхи доходятъ, по рѣчнымъ долинамъ, до самаго берега Охотскаго моря. На его побережьѣ мягкое дерево ольхи служитъ необходимымъ матеріаломъ для ружейныхъ ложекъ.

Благовонный тополь (*Populus suaveolens*) распространенъ по всей Сибири далеко къ сѣверу и поднимается на высоты хребтовъ на равнѣ съ лиственницею. По дорогѣ изъ Охотска въ Гижигу, за 61 град. сѣвѣрной широты къ сѣверу, нѣтъ другихъ деревъ кромѣ тополя, осины, ивы и кустарнаго кедра. На берегахъ Пенжинскаго залива, гдѣ одни тополи даютъ

строевой лѣсъ, бревна изъ нихъ большей величины привозить изъ за 35 или 42 верстъ отъ моря. Хотя тополь тамъ и подходитъ къ морю, но въ такихъ прибрежныхъ мѣстахъ не имѣетъ большаго роста. Осина (*Populus tremula*) встрѣчается по всему Охотскому краю и на Большомъ Шантарѣ и бываетъ въ футъ толщиною. Ива представляетъ въ Сибири единственный родъ древесной растительности, который, правда въ видѣ кустарника и подъ мохомъ, доходитъ до самыхъ береговъ Ледовитаго моря, слѣдовательно даже далѣе березы. Липы, дуба, орѣшника, клена, яблони нѣтъ въ мѣстности, окружающей Охотское море. Черемха (*Prunus padus*) на сѣверномъ берегу Охотскаго моря простирается, повидимому, близъ Гижиги, до 63 град. сѣверной широты. До этого же предѣла растетъ въ Гижигинскомъ заливѣ рябина.

Губительное вліяніе ледяныхъ морскихъ вѣтровъ на растительность можно превосходно наблюдать въ Пенжинскомъ заливѣ, гдѣ берега совершенно обнажены верстъ на четырнадцать и болѣе отъ моря и только вдоль рѣкъ толстыя, но совершенно уродливыя, ивы и ольхи выдвигаются нѣсколько ближе къ побережью. Точно также болѣе влажное восточное побережье Камчатки дѣйствуетъ губительнѣе на древесную растительность, чѣмъ лежащее къ сѣверу и защищенное материкомъ западное побережье (Охотское), на которомъ кустарный кедръ, ольха, береза и ива, образующіе прекрасные лѣса, спускаются вплоть до самого моря. Подобнымъ же образомъ и на омываемой моремъ южной оконечности Камчатки лѣсъ исчезаетъ все болѣе и болѣе, такъ что здѣсь, вопреки 50 градусу сѣверной широты, является полнѣйшій переходъ къ безлѣсью Курильскихъ острововъ. Въ этихъ случаяхъ необходимо принять въ соображеніе не одну только температуру воздуха саму по себѣ, но и охлажденіе воздуха посредствомъ вѣтра и происходящаго отъ того испаренія. Появленіе кустарнаго кедра и изгородныхъ криворослей даурской лиственницы на самыхъ открытыхъ мѣстахъ Шантарскихъ острововъ, на которыхъ постоянно падаетъ туманъ, поучительно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ почки упомянутыхъ кустарныхъ формъ, вопреки чрезвычайно пропитанному влажностью и бурному воздуху, пышно развиваются даже тамъ, гдѣ, въ слѣдствіе постоянныхъ льдинъ, температура воздуха въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, бываетъ всего на два градуса выше точки замерзанія. Можно впрочемъ предположить, что, при такихъ непрерывныхъ и сильныхъ осадкахъ воздушной влаги, какіе тамъ бываютъ часто даже при вѣтрѣ, изъ этой сгущающейся атмосферической влаги отдѣляется болѣе тепла, чѣмъ сколько уносится движеніемъ воздуха. Очевидно, растительность на Шантарскихъ островахъ обязана своею пышною зеленью только тому, что температура воздуха, хотя она низка и не далека отъ точки замерзанія, все же въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ бываетъ постоянна и не ниже точки замерзанія.

На Шантарскихъ островахъ находится близко предѣлъ произростанія даурской лиственницы, что можно видѣть на сѣдловинѣ, раздѣляющей очень узкій Медвѣжій островъ, на которомъ, кромѣ уродливыхъ кустарныхъ кедровъ, нѣтъ ни одного дерева. Это очевидно происходитъ отъ переливающегося тамъ сильнаго тумана, потому что на хребтѣ острова, очень открытой мѣстности, растетъ прямой лѣсъ. Поясненіемъ этого явленія можетъ служить и то обстоятельство, что на сѣверо-западной сторонѣ чрезвычайно узкаго острова Эге встрѣчаются только криворослыя деревья, кустарные кедры и водяные мхи съ морошкой, а на юго-востокомъ склонѣ лапландскіе цвѣты по преимуществу, но и нѣкоторыя болѣе южныя породы. На Шантарскихъ островахъ, сравнительно съ ихъ географическимъ положеніемъ, лѣто бываетъ позднее, потому что ледяныя массы, плавающія по Охотскому морю, задерживаютъ еще въ іюлѣ лѣтнюю теплоту. Поэтому на этихъ островахъ растительность отстаетъ на одинъ мѣсяць, а въ самыхъ неблагоприятныхъ мѣстахъ даже на два мѣсяца, отъ растительности въ Удскомъ острогѣ, который находится по сосѣдству, но лежитъ уже среди материка. Напри- мѣръ, на деревьяхъ эта задержка замѣтна потому, что на Большомъ Шантарскомъ островѣ еще 10 августа кора лиственницъ чрезвычайно легко отдѣляется отъ ствола. При всемъ томъ

сильная влажность воздуха содѣйствуетъ развитію необыкновенно пышной растительности въ укрытыхъ долинахъ большихъ Шантарскихъ острововъ: трава на нихъ бываетъ въшиною въ ростъ человекъ; эпилобія, антрискусъ отличаются рѣдкою пышностью; на аконитумѣ бываютъ огромныя листья, длиною въ одинъ футъ, а листья одного ароиднаго бываютъ даже въ два фута длиною.

Придавленное, прижимающее къ землѣ положеніе кустарнаго кедра и изгородной лиственницы, какое оказывается на южномъ берегу Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ, вѣроятно, происходитъ преимущественно отъ продолжительнаго обремененія ихъ сильными осадками воды, а въ особенности снѣга. Известно, что большія снѣговья хлопья образуются именно при такомъ положеніи температуры, въ какомъ осенью Охотское море находится очень долгое время, т. е., при температурѣ воздуха, держащейся около точки замерзанія.

По словамъ Миддендорфа флора побережья Охотскаго моря во многомъ мѣстами похожа на лапландскую. Такъ при впаденіи въ него рѣки Уди, слѣдовательно на 15 градусовъ широты южнѣе сѣверной Лапландіи, на большомъ протяженіи росли тѣ же самыя виды лапландскихъ растений, а между тѣмъ въ общихъ флорахъ этихъ двухъ странъ существуетъ значительное различіе. Но сходство нѣкоторыхъ климатическихъ условій у Охотскаго моря съ климатическими условіями Лапландіи дало возможность появиться тамъ этимъ лапландскимъ растеніямъ. До такой степени все зависитъ отъ климата; до того всѣ разстоянія ничего не значатъ въ сравненіи съ климатомъ.

Послѣ половины августа окрестности Охотскаго моря, въ особенности въ его южной части, наполняются до такой степени всевозможными лѣсными сѣверными ягодами, что нѣтъ ничего удивительнаго если люди и животныя портятъ себѣ ими желудокъ въ это время. Ягодъ является такъ много, что туземцы, вопреки общепринятому обыкновенію сибирскихъ дикарей, презирающихъ растительную пищу и не заботящихся о слѣдующемъ днѣ, заготавливаютъ на зиму большіе запасы ягодъ. Больше всего преобладаетъ брусника. По всѣмъ предгоріямъ и безлѣснымъ высотамъ тянутся густо покрытыя ею поля. Миддендорфъ наблюдалъ сильное размноженіе и необыкновенно пышный ростъ брусники на кочкахъ, удобренныхъ золою отъ прежнихъ лѣсныхъ пожаровъ. Лучше всего и до невѣроятія пышно брусника расла подъ безжизненными остатками сгорѣвшихъ кустарныхъ кедровъ; изъ подъ шпалерной сѣти прильнувшихъ къ землѣ и засохшихъ сучьевъ этого куста, брусника возвышалась на футъ вышины и была покрыта ягодами, которыя были вдвое больше и гораздо слаще нашей брусники. На болотистыхъ низменностяхъ, особенно въ рѣчныхъ долинахъ Охотскаго побережья растутъ въ невѣроятномъ множествѣ черника и морошка; но тамъ, гдѣ почва слишкомъ сочна, онѣ уступаютъ мѣсто клюквѣ. Въ тѣни лѣсовъ брусника преобладаетъ надъ другими ягодами, но въ такихъ мѣстахъ на ней не бываетъ плодовъ. Тутъ она растетъ рядомъ съ голубицею и съ княженихою, но послѣднія два растенія встрѣчаются рѣже и на нихъ рѣдко бываютъ ягоды. Въ сочныхъ долинахъ растетъ смородина и малина; на послѣдней ягоды бываютъ рѣдко. Но на днѣ долинъ, около самого моря полузаросшихъ горныхъ рѣчекъ, у стоячихъ лужъ и въ трясухихъ мшинахъ растетъ въ Охотскомъ краѣ своеобразная, чрезвычайно похожая на черную смородину, смородина дикуша (*Ribes Dikuscha*), съ большими сочными зелеными ягодами и съ особымъ запахомъ, свойственнымъ черной смородинѣ. Эти ягоды созреваютъ лишь въ концѣ осени. Для полнаго обзора плодовъ, собираемыхъ жителями на южныхъ берегахъ Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ, надобно сказать, что тамъ особенно цѣнятся плоды черемухи, которые во множествѣ заготавливаются на зиму, въ видѣ лакомства, что еще несравненно больше дѣлаются запасы орѣховъ кустарнаго кедра. Добываніе ихъ гораздо легче, чѣмъ съ древеснаго кедра, тѣмъ болѣе что кустарный кедръ бываетъ увѣшанъ необыкновеннымъ множествомъ шишекъ.

Изъ овощей на берегахъ Охотскаго моря разводится картофель, рѣпа, рѣдька, капуста.

лѣднія множествомъ травоядныхъ животныхъ и птицъ, а вслѣдъ за ними явились хищныя животныя, но между послѣдними большая часть также питалась ягодами, какъ напримѣръ, медвѣдь, волкъ, соболь и даже лисица. При обзорѣ флоры Охотскаго моря, было уже указано какое множество ягодъ произрастаетъ на его берегахъ, особенно южныхъ.

Охотское море, какъ водный бассейнъ, изобилуетъ водорослями, которыми особенно богата его южная часть. Сѣверная часть моря бѣдна ими. Въ Охотскомъ морѣ найдено до 53 видовъ водорослей, изъ которыхъ нѣкоторыя свойственны только этому бассейну, а остальные болѣе сходны съ водорослями Ледовитаго моря, чѣмъ съ водорослями Великаго океана. Такимъ образомъ большая часть водорослей европейскаго сѣвернаго океана находится и въ Охотскомъ морѣ, между тѣмъ какъ многіе роды и виды, произрастающіе въ сосѣднихъ съ нимъ частяхъ Тихаго океана, въ Охотскомъ морѣ не встрѣчаются. Моллюсками Охотское море также очень богато. Въ немъ найдено 70 видовъ раковинъ, изъ которыхъ десять свойственны только ему одному. Точно также изъ 21 вида раковъ разныхъ, живущихъ въ Охотскомъ морѣ, одиннадцать видовъ составляютъ его исключительную принадлежность. Изъ морскихъ звѣздъ одинъ видъ встрѣчается только въ Охотскомъ морѣ. Ему также одному свойственны двѣ формы кольчатыхъ червей (переп), изъ числа десяти породъ, въ немъ находимыхъ. Водными птицами Охотское море очень богато. Изъ морскихъ млекопитающихъ въ немъ водятся разные породы тюленей (перпъ), сивучи (морскіе львы), дельфины, три породы китовъ, попадаются и моржи на западномъ берегу (камчатскомъ). Охотское море привлекаетъ къ себѣ во множествѣ китовъ, потому что богато ихъ главною пищею — моллюсками. Медузами Охотское море очень богато и онѣ встрѣчаются въ большомъ количествѣ даже около самыхъ громадныхъ массъ льда, плавающихъ въ немъ. Море блеститъ очень сильно послѣ каждаго удара веслами, при ночномъ плаваніи, и свѣтящаяся волна сохраняетъ свой блескъ нѣсколько секундъ. Богатство рыбою въ Охотскомъ морѣ вызвало замѣчаніе Кенана (посѣтившаго тамошніе края въ 1865—1867 году съ американскою экспедиціею, посланною для сооруженія электрическаго телеграфнаго сообщенія Америки съ Европою чрезъ материкъ Азіи), что всѣ поселенія сѣверо-восточной Сибири обязаны своимъ возникновеніемъ инстинкту, заставляющему семгу заходить въ тамошнія рѣки для метанія икры. Всѣ маленькія рѣчки на западномъ берегу Камчатки, на 105 верстѣ отъ берега Охотскаго моря, были переполнены (въ 1865 году, при проѣздѣ Кенана) тысячами околѣвающихъ, мертвыхъ и уже разлагающихся рыбъ, такъ что вода этихъ рѣчекъ дѣлалась негодною къ употребленію. Даже въ маленькихъ горныхъ ручьяхъ, чрезъ которые ребенокъ можетъ перешагнуть, оказывались лососи длиною въ 18 и 20 дюймовъ, такъ что вода едва покрывала ихъ тѣло. Такое же обиліе, если не большее еще рыбы оказывается и на сибирскомъ берегу Охотскаго моря.

Богатство Охотскаго моря водорослями, моллюсками, рыбою, привлекая въ него множество большихъ морскихъ млекопитающихъ, подтверждаетъ собою общій законъ-богатство сѣверныхъ обширныхъ водныхъ бассейновъ всякаго рода животными. Холодный климатъ не препятствуетъ существованію животной жизни въ полярныхъ океанахъ и въ такихъ сѣверныхъ моряхъ, гдѣ льды носятся еще въ іюль и въ началѣ августа. Кройеръ, Голбель, Скорсби и другіе мореплаватели находили въ Шницбергскихъ моряхъ по среди массъ льда такое множество медузъ и раковидныхъ животныхъ, какое едва ли встрѣчается подъ болѣе южными широтами. На каждый кубическій футъ воды Скорсби насчитывалъ по 100.000 мелкихъ медузъ. Онѣ придаютъ морю и льду зеленый цвѣтъ и тѣ части моря, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, называются китоловами «китовыми дугами.» Микроскопическіе рачки и инфузоріи кишатъ тамъ въ такомъ множествѣ, что рѣшетами можно начерпать ихъ цѣлыя бочки. Голбель и Кройеръ, подъ 73 град. сѣв. широты, нашли море въ Баффиновомъ заливѣ до того наполненнымъ раковидными животными, что почти ничего нельзя было видѣть сквозь воду. Милліоны нѣсколько большихъ рачковъ (морскіе сколопендры или морскіе креветы, амфиподы)

въ самое непродолжительное время очищаютъ море отъ труповъ исполинскихъ животныхъ; такъ когда Парри зимовалъ на Мельвилемъ полуостровѣ, на разстояніи около трети версты отъ материка, они въ 24 часа отлично очистили цѣлый скелетъ животного. Густо усыяныя раковины отмели устилаютъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, морское дно на крайнемъ сѣверѣ и представляютъ обильную пищу миллионнымъ стаямъ рыбъ, которыхъ въ свою очередь преслѣдуютъ безчисленное множество тюленей, нарваловъ и бѣлухъ (дельфиновъ). Въ такой погонѣ за лососями на Охотскомъ морѣ, нерпы (тюлени) входятъ въ рѣки, впадающія въ него. Даже въ остаткѣ собраннаго капитаномъ Парри льда, плававшего въ круглыхъ кускахъ подъ 78°76' град. южной широты и въ послѣдствіи окончательно растаявшаго, Эренбергъ нашелъ болѣе 50 видовъ кремнекожныхъ инфузорій. Джемсъ Россъ, подъ 70 град. сѣверной широты, за одинъ разъ поймалъ до 3,500 лохообразныхъ рыбъ. Сотни громадныхъ моржей окружаютъ одновременно корабль въ Атлантическомъ ледовитомъ морѣ, гдѣ ихъ истребляютъ уже сотни лѣтъ. Въ Беринговомъ проливѣ, въ 1821 году, Гюльзенъ видѣлъ въ декабрѣ тысячи моржей заразъ, а въ іюнѣ сотни тысячъ. Въ этихъ безчисленныхъ стадахъ каждое животное по своей массивности не уступитъ даже огромнѣйшему обитателю тропиковъ—слону, а между тѣмъ самый большой взрослый великанъ изъ моржей по величинѣ едва равняется съ младенцемъ кита, найгромаднѣйшаго колосса животного царства. Ежедневно китъ поглощаетъ миллионы медузъ и рачковъ, плавающихъ въ сѣверныхъ моряхъ. Крайнія сѣверныя моря вообще отличаются массивными животными, въ нихъ обитающими. Агассисъ доказалъ, что въ каждомъ изъ четырехъ отдѣловъ животного царства водяныя животныя въ отношеніи организмовъ стоятъ ниже животныхъ суши, но съ тѣмъ вмѣстѣ всегда массивнѣе ихъ; вообще животное бываетъ тѣмъ массивнѣе, чѣмъ ниже оно занимаетъ мѣсто въ извѣстномъ отдѣлѣ. Такъ куколка и личинка массивнѣе насѣкомаго, водныя млекопитающія и водныя птицы массивнѣе животныхъ суши. Для передвиженія громадныхъ массъ вода представляетъ менѣе затрудненій, чѣмъ суша, а тѣмъ болѣе упругожидкая сфера воздуха. Но и между низкими животными крайняго сѣвера не все такъ малы, какъ прежде думали. Гейне сообщаетъ, что на западномъ берегу Камчатки почти въ 350 верстахъ отъ южной ея оконечности, мыса Лопатки, ему съ другими американцами удалось поймать огромнаго краба, изъ котораго они изготовили себѣ майонезъ. Въ длину отъ оконечности одной ноги до другой онъ имѣлъ 3 фута 2 дюйма. Американцы нашли на берегу скорлупы такихъ же крабовъ, въ которыхъ мясо было выѣдено медвѣдями. Скорлупы эти были почти круглыя, очень толстыя и крѣпкія и имѣли въ поперечникѣ отъ семи до девяти дюймовъ. Тилингъ сообщаетъ о пойманной у Ситхи каракатицѣ, длина которой съ распростертыми руками была отъ двухъ до трехъ сажень. Впрочемъ, по достовѣрнымъ актамъ извѣстно, что въ прошломъ и за прошлымъ столѣтіяхъ на берега Исландіи были выброшены моремъ неслышанно громадныя каракатицы, длиною въ 3½ сажени, а руки ихъ были длиною болѣе 3 сажень. Изъ дельфиновъ въ Охотскомъ морѣ бѣлуха (*Delphinus leucas*) встрѣчается въ большомъ числѣ. По своему яркому бѣлому цвѣту, она получила свое названіе не только на русскомъ языкѣ, но и на многихъ другихъ языкахъ. Она живетъ въ неглубокой береговой водѣ и охотно входитъ въ рѣки за лохами. При устьѣ небольшихъ горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Охотское море, бѣлухи, при всей неуклюжести тѣла своего, всетаки достигающія почти трехъ сажень длины, съ наступленіемъ морскаго прилива, стадами заходятъ все далѣе и далѣе внутрь страны. Иногда уже начинается отливъ моря, а бѣлухи еще плещутся тамъ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ можно было бродить пѣшкомъ или переходить рѣчку въ бродъ, ниже косятъ; но бѣлуха не даетъ себя захватить и прежде чѣмъ отмель, запружающая устье рѣки, обнажится, животное укроется въ море. Въ концѣ іюня въ устьѣ Уды, рассказываетъ въ своемъ путешествіи Миддендорфъ, и мы уже встрѣтили небольшія отдѣльныя стаи бѣлухъ; въ началѣ іюля онѣ исчезли. «Наконецъ то идетъ давно желанная кета-рыба» въ восторгѣ кричали проголодавшіеся якуты и тунгусы на морскомъ берегу. «Гдѣ? гдѣ?» повторялъ я, гляди

въ открытое море и отыскивая въ охотничьей суммѣ свою зрительную трубу. «Погоди, ты еще не скоро увидишь его,» отвѣчали они мнѣ. Но на этотъ разъ издѣвалась надо мною не зоркость тунгусскихъ соколиныхъ глазъ, а знаніе моихъ спутниковъ. «Бѣлуха (такъ потому они объяснили мнѣ дѣло) ушла на встрѣчу лохамъ, которыя теперь вскорѣ явятся, чтобы подняться въ горные потоки для метанія икры». Девять дней прошло въ бесполезныхъ ожиданіяхъ; наконецъ 12-го іюля, утромъ рано явилась стая въ 10—15 бѣлухъ. Затѣмъ шла стая за стаяй. Въ нѣкоторыхъ я насчитывалъ до 30 бѣлухъ. Цѣлые шесть часовъ, пользуясь приливомъ, онѣ плыли къ западу на такомъ близкомъ разстояніи отъ берега, что люди мои для потѣхи стали бросать въ нихъ камнями, когда я запретилъ бесполезное стрѣляніе, потому что необходимо было сберечь намъ запасъ пороха. Подобно дельфинамъ, онѣ то плыли подъ водою, то являлись на ея поверхности, чтобы вздохнуть воздухомъ и при этомъ стонали и фыркали такъ громко, что шумъ этотъ совершенно явственно доходилъ до меня, на высоту 800—1000 футовъ береговаго хребта. Вблизи онѣ были похожи на пыхтѣніе огромнѣйшей собаки, захлебнувшейся во время плаванія. Мимо насъ проплыло по меньшей мѣрѣ 1000 бѣлухъ, но вѣроятно ихъ было вдвое болѣе. Съ наступленіемъ отлива, вся эта стая опять возвратилась назадъ къ востоку. Большая часть была чистобѣлаго цвѣта, немногія свинцоваго цвѣта или въ яблокахъ; молодые животныя были свинцоваго или даже аспидно-сѣраго цвѣта. Выплывая наверхъ многія имѣли престранный видъ, потому что дѣтямъ своимъ, крѣпко прицѣпившимся къ ихъ спинѣ, онѣ служили какъ бы верховыми конями. Даже въ одиночку онѣ нисколько не были пугливы, и однажды я серьезно опасался, что байдару нашу опрокинутъ плывшія подъ нею бѣлухи».

Касатка (*Phocaena Ogca*), часто встрѣчающаяся въ Охотскомъ морѣ и у Курильскихъ острововъ, величиною равняется небольшому киту. Она принадлежитъ къ самымъ страшнымъ морскимъ хищникамъ. Ее можно узнать въ морѣ на самомъ большемъ разстояніи по ея быстрому, порывистому движенію. Во время плаванія у касатки высоко надъ водою выдаются странныя спинныя перья, въ видѣ треугольника, подобно парусу. За каждымъ глазомъ находится бѣлое пятно, почему русскіе промышленники и прозвали ее бѣлоглазою. Онѣ сходятся большими стаями, подобно волкамъ, и сообща охотятся за своею добычею. Лишь только 13 іюля касатки успѣли показаться въ открытомъ морѣ, при южныхъ берегахъ Охотскаго моря, сообщаетъ Миддендорфъ, какъ не только тюленями, но и китами, видимо овладѣло безпокойство. Киты сострашною быстротою носились то въ одну сторону, то въ другую, нѣкоторые громко стонали, всѣмъ тѣломъ своимъ выдавались изъ воды, изъ всей силы ударяли хвостами по водѣ и затѣмъ снова погружались въ море, которое съ громкимъ гуломъ смыкалось надъ ними. Наконецъ семь встревоженныхъ китовъ стали искать убѣжища около самаго берега, покрытаго утесами. Они доходили до Миддендорфа шаговъ на пятьдесятъ и одинъ изъ нихъ засѣлъ между скалистыми отмелями, но благодаря своимъ исполинскимъ усиліямъ успѣлъ опять высвободиться въ открытое море. Касатка (шла рыба) является на Охотскомъ морѣ однимъ изъ главныхъ враговъ кита.

Охотскому морю свойственны нѣсколько видовъ тюленей (нерпъ), которые водятся тамъ въ огромномъ количествѣ. Небольшаго вида тюлень охотскій (*Phoca Ochotensis*) называется тунгусами на южномъ берегу этого моря «морскою собачкою» и служитъ преимущественно пищею берингова орла (*Aquila pelagica*), громадной величины, который водится часто на южномъ берегу Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ. Такъ, на одномъ изъ нихъ, островѣ Эге, Миддендорфъ застрѣлилъ лисицу, сидѣвшую на крутомъ утесѣ; но прежде чѣмъ онъ добрался до нея, беринговъ орелъ уже схватилъ убитаго звѣря. Тунгусы и другіе прибрежные жители Охотскаго моря промышленно охотятся на тюленей въ продолженіе всего года въ огромномъ количествѣ. Даже зимою замерзшее море (въ южной части своей Охотское море замерзаетъ на довольно большое разстояніе отъ береговъ, но если нѣсколько дней дуетъ сильный южный

вѣтеръ, то взволнованная вода разбиваетъ ледъ) доставляетъ тунгусамъ обильный промыселъ на тюленей, которые выбираются изъ воды на ледъ и лежатъ на немъ. Тунгусы убиваютъ тюленя палкою, для чего достаточно бываетъ сильнаго удара по носу. Тунгусы часто притааскиваютъ тюленей и живыми, особенно молодыхъ, называемыхъ «акипками». Мясо и жиръ тюленей тунгусы употребляютъ въ пищу, которая считается у нихъ особымъ лакомствомъ. Шкуру тюленей, грубо выдѣланную, они употребляютъ для обуви, а мягко выдѣланную — для одежды. Жиръ китовый и тюлений въ сыромъ состояніи составляетъ пищу малолѣтнихъ, грудныхъ тунгусовъ. Мать отрѣзываетъ небольшой кусокъ жира китоваго или тюленьяго, перевязываетъ его посрединѣ ниткою, и, воткнувъ въ ротъ ребенку, концы нитки связываетъ ему на затылкѣ. Отъ такого кормленія бываетъ двоякая выгода: для ребенка та, что кусокъ жира не выпадаетъ изъ рта и доставляетъ весьма питательную пищу, а для матери та, что она не отвлекается, какъ при кормленіи грудью, отъ домашнихъ занятій. Такимъ образомъ кормятъ даже такихъ ребятъ, которымъ только нѣсколько дней отъ рожденія. Тунгусское дѣтя не умираетъ отъ такого кормленія, но съ каждымъ днемъ привыкаетъ къ подобной пищѣ, жирѣетъ и крѣпнетъ. Иногда бываетъ презабавное состязаніе между собакою и ребенкомъ, лѣтъ двухъ или трехъ, уже ходящимъ. Собака, почуявъ запахъ жира отъ куска, находящагося во рту ребенка, подходитъ къ нему, схватитъ зубами за кусокъ и тянетъ къ себѣ; ребенокъ же, не въ состояніи будучи кричать, мычетъ, махаетъ рученками и колотитъ ими собаку по мордѣ. Всего чаще собака въ такихъ случаяхъ отказывается отъ лакомаго куска и отходитъ. Надобно замѣтить, что это охотничьи собаки, ищейки, которыхъ тунгусы берегутъ и лелѣютъ, содержать въ своихъ жилищахъ (барабарахъ), а потому эти собаки, выростая вмѣстѣ съ дѣтьми своего хозяина, живутъ съ ними въ полномъ согласіи. Китовый жиръ, стопленный, тщательно очищенный, нѣсколько разъ промытый водою, хорошо отстоянный и пропущенный сквозь рѣдкій холстъ, очень хорошо горитъ, однако же производитъ нѣсколько копоти и немного пахнетъ. Нерпячій жиръ много уступаетъ китовому и требуетъ гораздо болѣе труда для своей очистки и освѣтленія. Мясо молодыхъ тюленей, или акипокъ, можно употреблять въ пищу и не въ нуждѣ, а ласты, хорошо и крѣпко уваренные съ приправою масломъ, уксусомъ и перцомъ, составляютъ, по словамъ европейцевъ, употреблявшихъ ихъ въ пищу, довольно пріятное блюдо.

Въ Охотскомъ морѣ встрѣчаются три породы китовъ: длиннорукій китъ (*Balaena longimana*), котъ-рыба или большоголовый (*Physeter macrocephalus*) и южный китъ (*Balaena australis*), но болѣе всего попадается длиннорукій, который менѣе остальныхъ. Порознь длиннорукій китъ встрѣчается, по словамъ Миддендорфа, въ южной части Охотскаго моря въ концѣ іюля, причемъ спокойно плавалъ то въ одну сторону, то вдругую, или, крѣпко заснувъ, отдавалъ себя на произволъ морскаго теченія. Но 13-го іюля стали проноситься уже цѣлыя стаи, одна за другою, каждая въ 30 или 40 китовъ, такъ что общимъ числомъ въ этотъ день Миддендорфомъ и его спутниками насчитано было по крайней мѣрѣ 800 штукъ; но вѣроятно ихъ было гораздо болѣе. Измученныхъ и умерщвленныхъ касатками китовъ Охотское море ежегодно выбрасываетъ своими волнами на берега, какъ въ южной своей половинѣ, такъ и въ сѣверной. Еще Редовскій въ 1806 году записалъ въ своемъ рукописномъ дневникѣ, что у Ямска ежегодно выбрасываетъ моремъ на берегъ одинъ или два кита. Тунгусы часто отправляются по морскому берегу за поисками такихъ китовъ и считаютъ большимъ для себя праздникомъ, если найдутъ выкинутого кита. Оно и понятно, потому что одинъ китъ, мясомъ своимъ и жиромъ, надолго обезпечиваетъ тунгусовъ продовольствіемъ. Мясо китовое и жиръ прибрежные осѣдые тунгусы, за отдѣленіемъ на свои потребности, промѣниваютъ прикочевывающимъ къ нимъ оленнымъ тунгусамъ. Въ теченіе лѣта 1844 года Миддендорфъ узналъ о семи китахъ, выброшенныхъ на южный берегъ Охотскаго моря и отправился къ двумъ изъ нихъ. По его словамъ днемъ тунгусы, гиляки, собаки и стаи чаекъ, а ночью медвѣди, волки и другія хищныя жи-

вотныя спорили между собою за право на добычу: первые громко кричали, выли, пищали, кудахтали, такъ что шумъ оглушалъ, вторые же подкрадывались исподтишка и тайкомъ наслаждались своею добычею.

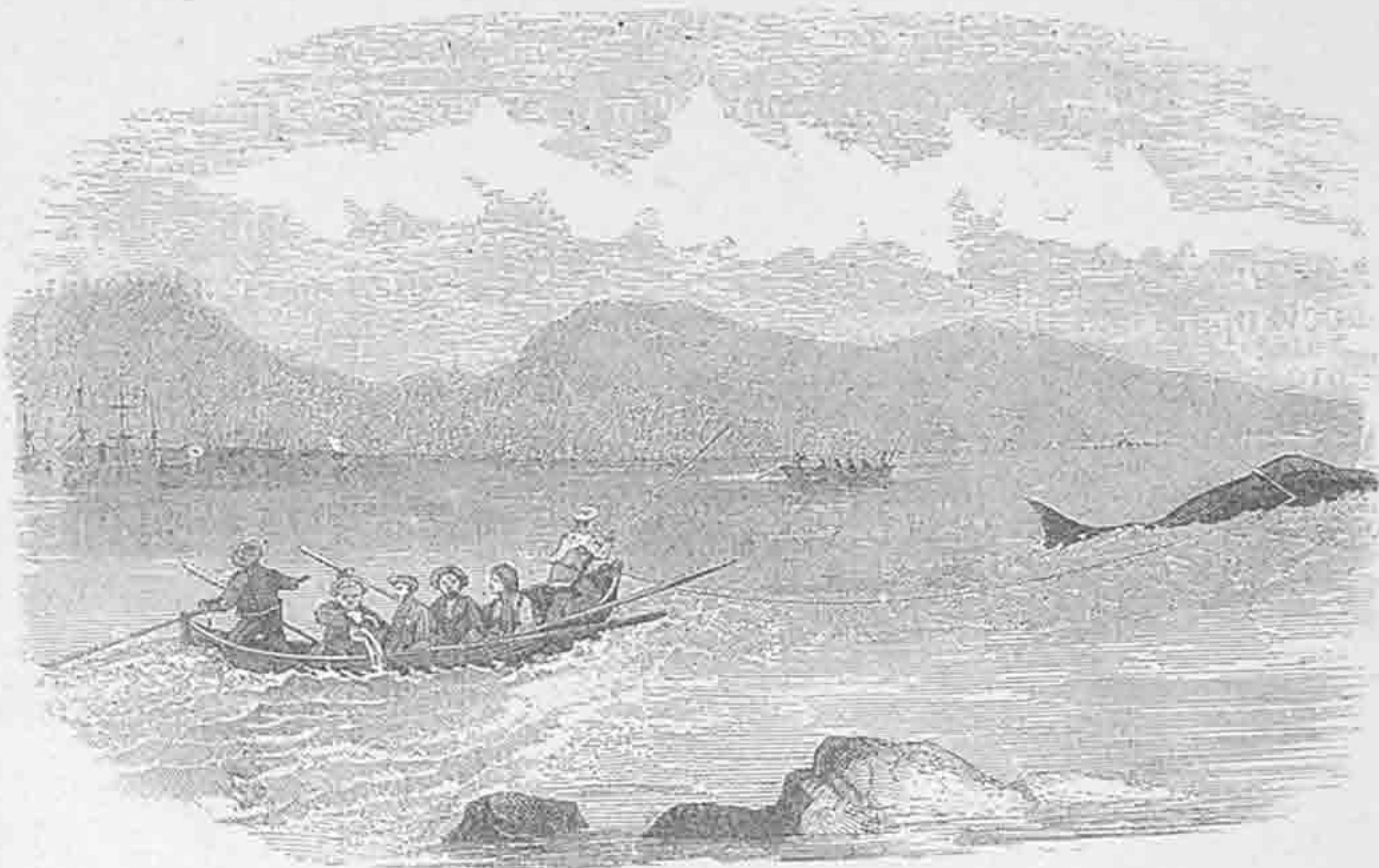
Нѣкоторыя мѣстности, повидимому, благопріятствуютъ выбрасыванію китовъ на берегъ и какъ бы заманиваютъ ихъ въ естественныя ловушки; этому содѣйствуетъ сильное повышение воды во время морскаго прилива, особенно въ такихъ случаяхъ, когда берегъ на нѣсколько верстъ довольно горизонталенъ или хотя слегка повышается къ морю, но все таки до того низокъ, что во время отлива бываетъ совершенно сухъ, а при сильномъ приливѣ находитъ ся сажени три подъ водою. При этомъ имѣетъ еще важное значеніе сильно-утесистое свойство дна или присутствіе вязкаго, глинистаго ила, который волнами то сбивается въ кучи, то размывается. Такими китовыми ловушками богатъ южный берегъ Охотскаго моря, какъ то примѣръ, мѣстность при устьяхъ рѣкъ Уды и Алы, въ основаніи Тугурскаго залива, въ двухъ бухтахъ залива Академія, въ Сегнекинскомъ заливѣ и проч. Подобныя китовыя ловушки находятся и въ другихъ мѣстахъ, къ западу отъ Кольскаго залива (на берегу Русской Лапландіи), такъ называемая «Китовая бухта» и подъ такимъ же именемъ извѣстный заливъ на островѣ Шницбергенѣ. Если въ такихъ мѣстахъ, особенно во время сильнаго прилива китъ подходит слишкомъ близко къ берегу и немного только замедлитъ или при наступленіи отлива хотя на минуту застрянетъ между небольшими отмелями, то онъ непременно останется на сушѣ и во время полнаго отлива окажется на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ морской воды. Когда затѣмъ послѣдуютъ менѣе сильныя приливы, накопляющіе лишь илъ вокругъ изнемогающаго между тѣмъ кита, или когда туземцамъ удастся закрыть отверстія, чрезъ которыя онъ дышетъ, или прикрѣпить кита къ якорю, тогда его существованію положенъ конецъ и пожива жиромъ обезпечена. При дыханіи китъ выбрасываетъ вверхъ струю густаго водяного тумана. Кромѣ водянаго пара изъ легкихъ выходитъ мелкими брызгами часть морской воды, въ особенности та, которая находится въ верхней части дыхальца. Чѣмъ воздухъ холоднѣе и чище, тѣмъ явственнѣе и столбовиднѣе струя тумана, въ слѣдствіе сгущенія теплаго дыхательнаго пара. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, шумъ отъ выпусканія струй до того ясно слышенъ на разстояніи четырехъ верстъ, что кажется будто-бы вблизи открытъ клапанъ пароваго котла. Русскій мореходъ говоритъ: «китъ палитъ». Вода и паръ, выбрасываемые китомъ, имѣютъ очень дурной запахъ. Капитанъ Коцебу, въ своемъ кругосвѣтномъ плаваніи на кораблѣ «Рюрикъ» въ 1815—1818 годахъ, проходя, въ августѣ 1816 года, Беринговымъ проливомъ, былъ окруженъ, по его словамъ, множествомъ китовъ, изъ которыхъ иные метали высокія фонтаны и всѣ подходили весьма близко къ «Рюрику» и повидимому вовсе не пугались корабля. Одинъ очень большой китъ, покрытый раковинами и морскими растеніями, металъ свои фонтаны такъ высоко, что брызги попадали въ лице русскимъ морякамъ, что имъ «было чрезвычайно непріятно, ибо выпускаемая китами вода имѣетъ весьма дурной запахъ».

Такое безстрашіе китовъ понятно, потому что въ то время еще не начиналась погоня за ними китолововъ въ сѣверной части Тихаго океана, и киты, какъ всѣ животныя, не испытывавъ на себѣ руки человѣка, не боялись его. Въ самомъ Охотскомъ морѣ до сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія китоловныя суда не появлялись вовсе и ловли китовъ въ морѣ не производили. Миддендорфъ сообщаетъ въ своемъ сочиненіи, что едва онъ успѣлъ донести академіи наукъ, что въ Охотскомъ морѣ водится безчисленное множество китовъ, какъ сѣверо-американское правительство сочло нужнымъ поддержать всѣми мѣрами ловлю китовъ въ этомъ морѣ. Съ каждымъ годомъ число китолововъ, пріѣзжавшихъ въ Охотское море, стало увеличиваться, такъ что лѣтъ пять послѣ пребыванія тамъ Миддендорфа, въ 1849 и 1850 г., собиралось тамъ уже не менѣе 250 трехмачтовыхъ судовъ, исключительно для ловли китовъ; каждый изъ этихъ кораблей втѣщалъ въ себѣ не менѣе 500 тоннъ и всѣ возвратились съ

большою добычею. По словамъ Петермана въ то время ежегодный доходъ отъ промысла китовъ въ Охотскомъ морѣ доходилъ у этихъ китолововъ до 8 милліоновъ долларовъ. Въ числѣ этихъ кораблей были американскіе, англійскіе, французскіе и ни одного русскаго. Съ 1847 года американскихъ судовъ менѣе двухъ сотъ не было ни въ одномъ году для ловли китовъ въ Охотскомъ морѣ. По американскимъ даннымъ, въ продолженіе 14 лѣтъ (1847—1861), одни сѣвероамериканцы вывезли изъ Охотскаго моря китоваго жира и уса на 130 милл. долларовъ (182.000,000 р. м.). Неудивительно если послѣ подобнаго истребленія китовъ въ Охотскомъ морѣ, число ихъ тамъ съ того времени уменьшилось значительнымъ образомъ. Существовавшая еще въ то время русско-американская компанія не сумѣла воспользоваться представлявшимся ей случаемъ снарядить китобойныя суда въ Охотское море, чтобы не дать иностранцамъ воспользоваться достояніемъ, на которое Россія имѣла болѣе другихъ права, такъ какъ этотъ водный бассейнъ находился тогда исключительно въ ея владѣніяхъ.

Въ началѣ китоловнаго промысла на Охотскомъ морѣ, г. Марковъ совершилъ переѣздъ изъ Охотска въ бывшія русскія владѣнія въ сѣверной Америкѣ и въ своей книгѣ «Русскіе на Восточномъ океанѣ», сообщаетъ о ловлѣ китовъ слѣдующія подробности: мы увидали съ правой стороны большое

трехмачтовое судно, изъ середины котораго безпрестанно показывался огонь и густой черный дымъ; черезъ нѣсколько времени оно было почти въ полуверстѣ отъ насъ, на немъ развивался американскій флагъ. Это было перемаранное и закопѣлое отъ дыма китоловное судно съ нѣсколькими ялботами. Мнѣ неоднократно случилось видѣть китовую ловлю во время моего плаванія по Восточному океану, гдѣ

Охота на кита.

киты водятся въ большомъ количествѣ, начиная отъ самаго сѣвернаго тропика до Берингова пролива по широтѣ и отъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки до Японскихъ острововъ. Все это пространство усѣяно множествомъ китобойныхъ судовъ разныхъ націй, кромѣ русскихъ.

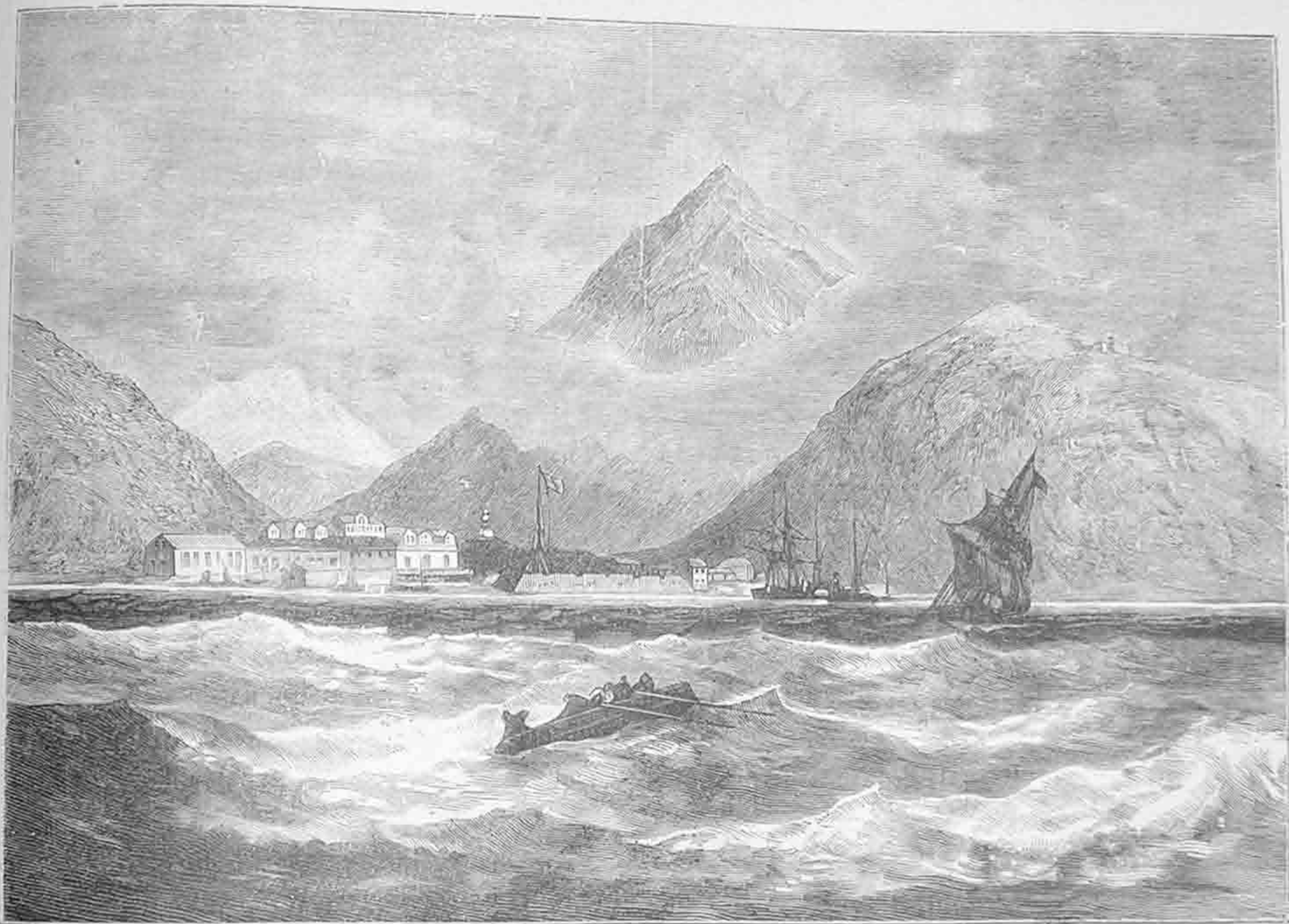
Китъ не можетъ оставаться долгое время въ водѣ безъ воздуха, а потому, хотя онъ глубоко ныряетъ, но опять всплываетъ на поверхность, чтобы подышать воздухомъ. Въ то время, когда стоитъ тихая погода, киты играютъ на поверхности моря. Китоловныя суда вообще бываютъ трехмачтовыя, причемъ между гротъ-мачтою и фокъ-мачтою устраивается въ нихъ кирпичная печь, въ которую вмазанъ котелъ для топки жира. Вокругъ бортовъ судна, на боканцахъ, вѣшаются ялботы, которыхъ на каждомъ суднѣ бываетъ не менѣе десяти, со всѣми принадлежностями для ловли, всегда въ полной готовности для нея. Въ каждомъ ялботѣ находится кокосовая веревка, длиною до 800 сажень, толщиною въ палецъ; она очень крѣпка. Однимъ концомъ привязываютъ ее за гарпунъ: это ровная, прямая, трехаршинная палка, у которой на концѣ прикрѣплена острая съ обѣихъ сторонъ желѣзная стрѣлка. Когда гарпунъ бросаютъ въ кита, эта стрѣлка глубоко уходитъ въ тѣло, а при вытаскиваніи изъ него назадъ, принимаетъ положеніе костылька, такъ что ее никакъ не возможно вытащить не разрѣзавъ того мѣста, гдѣ она находится. На кораблѣ стоятъ часовые съ зритель-

ными трубами и едва замѣтятъ кита вдалекѣ, тотчасъ даютъ знать вахтенному. Въ одно мгновѣніе на водѣ является до пяти ялботовъ, готовыхъ къ отплытію. На каждомъ ялботѣ находится шесть человекъ ловкихъ и проворныхъ матросовъ; изъ нихъ четверо гребцовъ, одинъ на кормѣ править длиннымъ весломъ для скорыхъ поворотовъ, а шестой, самый важный, орудуетъ гарпуномъ. Всѣ спущенные ялботы быстро направляются къ тому мѣсту, гдѣ замѣченъ былъ китъ; за ними слѣдуетъ и корабль и ни на минуту не теряетъ ихъ изъ вида. Когда ялботы подплывутъ на близкое разстояніе къ киту, тогда каждый гарпунщикъ старается кинуть гарпунъ въ заднюю часть кита, ближе къ хвосту, и если ктонибудь изъ нихъ удачно попадетъ, то всѣ ялботы какъ только возможно быстрее отплываютъ отъ кита по противоположному направленію. Китъ, почувствовавъ рану, глубоко погружается въ море, потомъ вдругъ почти весь выкачивается на поверхности, начинаетъ метаться въ разныя стороны, широко раскидывая волны и быстро пускается вдоль океана. Въ это время выпускается изъ ялбота веревка, привязанная за гарпунъ и ялботъ слѣдуетъ за китомъ. Лишь только китъ вздумаетъ отдохнуть, собираютъ опять вышущенную веревку для запаса на то время, когда китъ снова погрузится въ море. Горе тому ялботу, который не успѣетъ во время отвернуться отъ кита: однимъ легкимъ ударомъ хвоста животное превратитъ его въ щепки, а матросамъ придется погибнуть, если не подоспѣютъ къ нимъ на помощь товарищи съ ближайшихъ ялботовъ. Борьба съ громаднымъ животнымъ продолжается иногда по цѣлымъ суткамъ и китъ очень рѣдко избѣгаетъ предназначеннаго ему жребія. Когда животное совершенно утомится и до того обезсилитъ, что уже не въ состояніи погружаться въ море, тогда подплываетъ къ нему корабль, ложится въ дрейфъ и начинается операція надъ китомъ. Къ гротъ-марсу привѣшиваютъ огромные тали съ гакомъ, которымъ задѣваютъ за мертваго кита и съ борта судна рѣжутъ жиръ въ видѣ лентъ нарочно сдѣланными для того ножами. Обрѣзавъ весь жиръ, взявъ китовый усъ, выбираютъ кости, которыя у китолововъ употребляются вмѣсто дровъ для топки жира. При счастливой и удачной ловлѣ китовъ, судно, величиною въ 300 тоннъ, наливается жиромъ не болѣе какъ въ десять мѣсяцевъ. Самый лучший ловъ китовъ бываетъ въ апрѣлѣ. Во время нашего перехода изъ Камчатки въ Ситху, намъ по пути много встрѣчалось китоловныхъ судовъ, по большей части сѣверо-американскихъ.

Гейне, прибывшій въ Аянъ, 31 августа 1855 года, на военномъ американскомъ винтовомъ паровомъ суднѣ «Джонъ Ханконъ», описываетъ ловлю кита въ Аянскомъ заливѣ, происходившую при немъ, такъ какъ онъ засталъ тамъ, по пріѣздѣ, на рейдѣ залива» цѣлый флотъ американскихъ китолововъ». По словамъ Гейне въ 1855 году въ Охотскомъ морѣ находилось отъ 400 до 500 американскихъ китоловныхъ судовъ, что весьма возможно, такъ какъ по случаю войны въ томъ году между Россіею, Англіею и Франціею, англійскіе и французскіе китоловы не направлялись въ это море. За то американцы хозяйничали тамъ, какъ только хотѣли. Въ Аянѣ остался только управляющій факторіею россійско-американской компаніи; командиръ порта и всѣ власти, по распоряженію правительства, выѣхали оттуда, чтобы лишить французовъ и англичанъ всякаго предлога къ нападенію на этотъ портъ; но американцы съ двухъ китоловныхъ судовъ, по сообщенію Гейне, воспользовались такимъ беззащитнымъ состояніемъ города и обобрали, на сколько могли, всѣ дома въ Аянѣ, оставленные выѣхавшими изъ этого порта прежними ихъ обитателями.

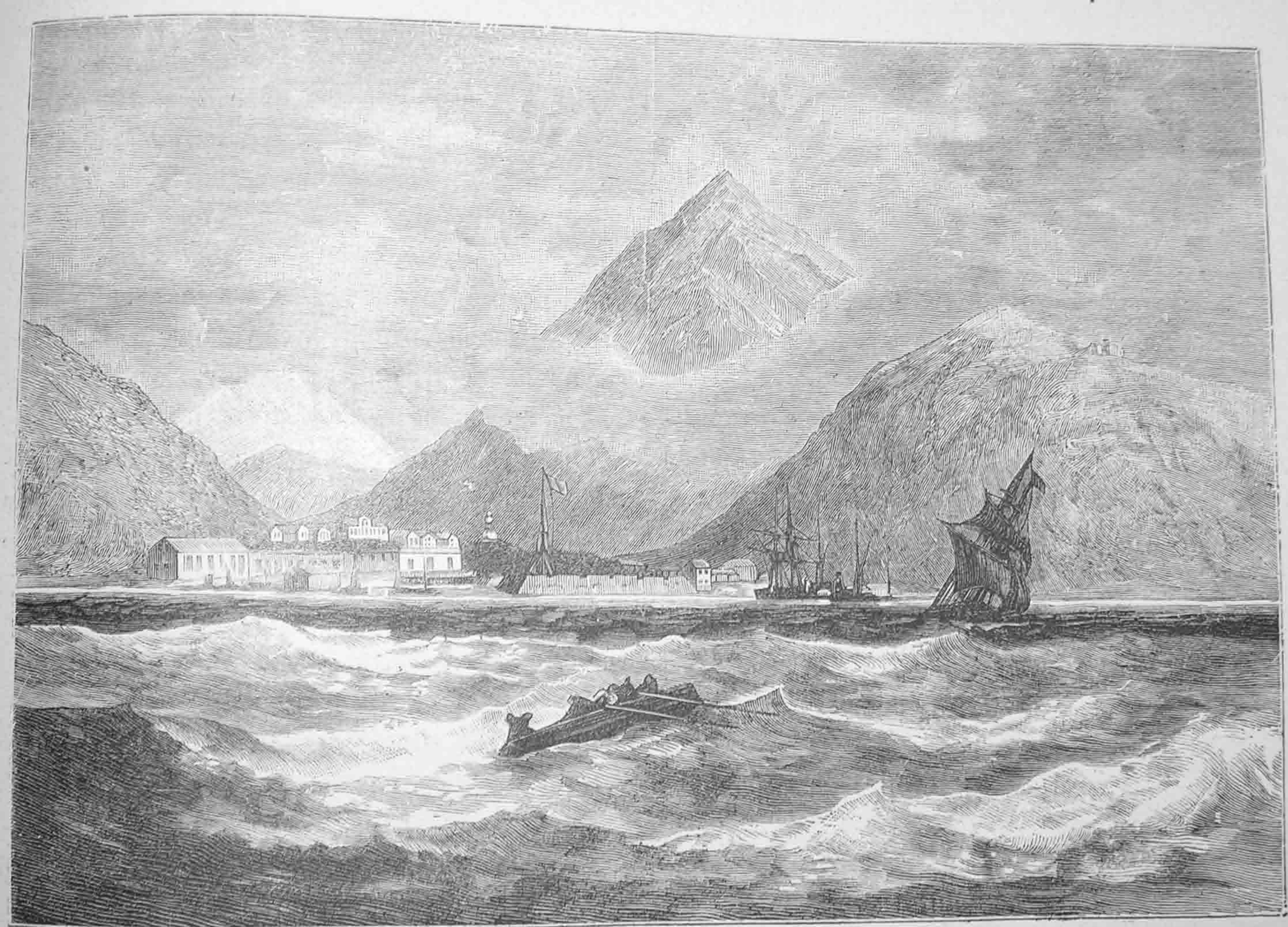
Мы пробыли уже три дня въ Аянѣ и намѣревались выйдти изъ него по направленію къ Амуру, какъ въ самый день отъѣзда на палубѣ вдругъ раздался крикъ, что въ заливѣ появились киты. Немедленно со всѣхъ китоловныхъ судовъ были спущены на воду ялботы и закипѣла работа. Въ заливѣ въ это время оставалось не менѣе семи американскихъ китолововъ, изъ которыхъ на каждомъ было по четыре ялбота. Интересно было смотрѣть съ каковыми уловками самцы и самки прогоняли молодыхъ китовъ въ мелкія мѣста моря, чтобы тамъ ненарушимо питаться свойственною имъ пищею, между тѣмъ какъ взрослые киты, вынужденные

оставаться на глубокихъ мѣстахъ, плавали въ разныя стороны въблизи входа въ заливъ, гдѣ даясь сномъ, лежали на поверхности моря, а затѣмъ, подобно куску свинца, вертикально погрузались въ глубину и такимъ образомъ удалялись отъ приближавшагося къ нимъ ялбота, именно въ тотъ моментъ, когда онъ настолько приближался къ животному, что гарпунщикъ около дюжины молодыхъ китовъ и большое число рыбъ, сѣверныхъ каперовъ, между тѣмъ рейда, имѣя за собою по одному и даже по два ялбота, которые старались по возможности нешумными движеніями заслонить имъ дорогу съ рейда. Такъ какъ Аянской заливъ не великъ, море было совершенно спокойно, а погода ясная и солнечная, то мы могли хорошо слѣдить

Аянской заливъ и портъ.

за всѣми движеніями китовъ, какъ подъ водою, такъ и надъ нею и нельзя было не удивляться ихъ уловкамъ, при помощи которыхъ они неоднократно избѣгали опасности. Своими быстрыми, неожиданными поворотами, киты часто напоминали движенія лисицы, когда ее преслѣдуетъ охотникъ. Особенно обратилъ на себя мое вниманіе старый китъ съ сѣрою спиною, который, тихо уплывая отъ преслѣдовавшаго его ялбота, внезапно кувыркомъ погрузился на глубину, не произведя никакого движенія на поверхности воды и затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, вновь появился наружу, но уже въ трехъ-стахъ или четырехъ-стахъ шагахъ позади слѣдовавшей за нимъ лодки. Во всякомъ случаѣ, къ этому нелегкому повороту принудили кита два ялбота, которые приближались къ нему каждый съ особой стороны. Когда его тѣло вновь появилось на поверхности воды, то къ нему направились на веслахъ три ялбота, которые, повидимому, обратили на него свое особенное вниманіе; но не успѣли они при-

Аянскій заливъ и портъ.

приблизиться къ нему нѣсколько болѣе, какъ его туловище, которое до того спокойно и безъ движенія колыхалось на поверхности моря, вдругъ сдѣлалось тяжело подобно свинцу и китъ вертикально погрузился въ глубину, оставивъ на поверхности воды нѣсколько волнистыхъ струекъ. Китъ опустился въ воду въ глазахъ своихъ преслѣдователей, подобно пушечному ядру, упавшему въ море, и когда онъ вновь показался на водѣ, то уже былъ подлѣ молодыхъ китовъ и сѣверныхъ канеровъ, болѣе чѣмъ въ половинѣ мили отъ мѣста своего погруженія. Но рулевые ялботовъ, рассчитавшіе съ необыкновенною точностью его подводный путь, до того съ увѣренностію его преслѣдовали, что они очутились на своихъ лодкахъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ вновь очутился въ неподвижномъ положеніи на поверхности моря, выпустивъ передъ тѣмъ изъ своихъ дыхаль, какъ изъ паровой машины, столбъ водяного тумана. Гонимая за китами со стороны пятнадцати или двадцати ялботовъ продолжалась около часа безъ всякаго результата, какъ вдругъ старый китъ съ сѣрою спиною, вновь оставивъ долгое время подъ водою, на этотъ разъ не вѣрно рассчиталъ свой выходъ на ее поверхность и выпрыгнулъ какъ разъ передъ однимъ ялботомъ, такъ что прежде чѣмъ онъ успѣлъ опознать опасность своего положенія, гарпунъ уже сидѣлъ въ его тѣлѣ. Въ этотъ моментъ китъ выпрыгнулъ всѣмъ своимъ туловищемъ изъ воды, такъ что нѣсколько секундъ все его огромное тѣло какъ бы висѣло въ воздухѣ; затѣмъ онъ упалъ въ воду съ страшнымъ шумомъ, который раздавался по всему рейду и произвелъ въ слѣдствіе того такое волненіе, что ялботъ на немъ бросало во все стороны, какъ будто бы онъ находился въ сильную бурю въ открытомъ морѣ. «Все назадъ!» закричалъ рулевой, и командовалъ во время, потому что китъ упалъ въ воду въ нѣсколькихъ футахъ отъ ялбота и затѣмъ необыкновенно быстро поплылъ къ глубокому морю. Съ ялбота сначала вытравили веревку, затѣмъ стали ее медленно выбирать и тогда уже китоловы послѣдовали за нимъ слѣдомъ по его пѣнившемуся фарватеру, направляя ялботъ могучимъ весломъ рулеваго за движеніемъ кита. Въ началѣ ялботъ несся съ быстротою тридцати миль въ часъ сквозь воду и часто скрывался въ волнахъ, но не поднимался на волны, а разсѣкалъ ихъ съ пѣною по бокамъ, какъ будто бы его велъ на буксирѣ небольшой пароходъ. Три ялбота съ того же китоловнаго судна, къ которому принадлежалъ и ялботъ, несшійся за китомъ, сбѣжали къ мѣсту битвы съ нимъ, чтобы также принять въ ней участіе, между тѣмъ какъ другіе киты, какъ бы понявшіе несчастіе, постигшее ихъ стараго сотоварища, плавали въ большомъ безпорядкѣ одинъ передъ другимъ и прежде чѣмъ они опомнились отъ наведеннаго на нихъ страха, одинъ изъ нихъ выскочилъ изъ воды, затѣмъ шлепнулся плашмя въ воду и быстро пустился въ море съ гарпуномъ въ боку, унося съ собою легкій ялботъ. Такимъ образомъ съ двухъ ялботовъ попали въ китовъ; около шести ялботовъ старались загородить дорогу другимъ китамъ, или при случаѣ всадить по другому гарпуну въ тѣхъ китовъ, которые, уже получили по одному, особенно если первый выпадетъ. Китъ съ сѣрою спиною, очнувшійся вновь отъ постигшей его бѣды, повидимому, собрался со всѣми силами, для избѣжанія новаго бѣдствія и по временамъ выкидывалъ на поверхности воды забавныя движенія, чтобы какъ бы показать, что онъ не упалъ духомъ. Проплывъ нѣсколько миль по направленію къ морю, онъ вновь возвратился почти на полмили къ тому самому мѣсту, гдѣ въ него всажень былъ первый гарпунъ. Другой китъ съ быстротою молніи унесъ съ собою ялботъ къ сѣверному мысу Аянскаго рейда и такимъ образомъ совершенно скрылся изъ вида. Китъ съ сѣрою спиною, рѣшительнымъ порывомъ, быстрымъ развитіемъ сбереженныхъ до того силъ, повернулъ назадъ и понесся по совершенно противоположному направленію, но рулевой ялбота во время усмотрѣлъ это движеніе кита и могучимъ ударомъ весла повернулъ свою лодку въ моментъ наибольшаго напряженія веревки, такъ что вновь началась прежняя бѣшеная гонка. Длинный рифъ находился на прямомъ пути кита, который, какъ бы потерявъ сознаніе, несся на камни. Онъ былъ уже такъ близокъ къ рифу, что ему предстояло или сдѣлать крутой, прямо-

угольный поворотъ въ сторону или разбить свой черепъ о скалы. Еще во время онъ рѣшился на этотъ поворотъ и понесся далѣе скорѣе прежняго. Въ это время, когда его голова одно пунщикъ послѣдней лодки бросилъ второй гарпунъ въ кита. Гарпунъ, брошенный сильною, ловкою рукою, скользнулъ однако только по головѣ животнаго и гарпунщикъ съ видимымъ неудовольствіемъ сталъ вытаскивать изъ воды свое орудіе. Неожиданное новое нападеніе при движеніемъ вырвалъ изъ своего тѣла первый гарпунъ и понесся впередъ съ такою необыкновенною быстротою, оставляя за собою кровавую полосу, что всякая мысль о его преслѣдованіи оказалась невозможною. Китъ спасся и ушелъ изъ Аянскаго залива въ море. Раны, нанесенныя гарпунами киту, обыкновенно не заживаютъ и разъѣдаются соленою водою моря до того, что смерть не заставляетъ ждать себя и китъ въ видѣ трупа выбрасывается на берегъ.

Сивучи (морскіе львы) водятся также въ Охотскомъ морѣ, такъ что не только одна изъ группъ скалистыхъ утесовъ, лежащая къ западу отъ Шантарскихъ острововъ, получила отъ сивучей названіе Сивучаго острова, но и материковый мысъ, находящійся между Охотскомъ и Аянномъ. На почти недоступномъ скалистомъ островѣ св. Іоны, лежащемъ на Охотскомъ морѣ вдалекѣ отъ береговъ, должно быть множество сивучей, потому что когда проѣзжали мимо его, то былъ слышенъ громкій ихъ ревъ. Этотъ ревъ или мычаніе необыкновенно силенъ; на морѣ, при безвѣтріи или во время береговаго вѣтра, ревъ этотъ слышенъ въ шести миляхъ (въ десяти верстахъ). Во время сходки сивучи выходятъ на берегъ и въ это время безъ боязни нападаютъ на каждаго, кто къ нимъ приблизится, между тѣмъ какъ въ другое время, при появленіи человѣка, поспѣшно скрываются въ море. Самцы бываютъ величиною съ быка, а самки немного менѣе. Во время сходки самцы ведутъ упорную борьбу между собою изъ за самокъ. Самцы дерутся между собою съ такимъ ожесточеніемъ, что кровь брызжетъ, вырываемые куски жира летаютъ по воздуху и нерѣдко одинъ изъ бойцевъ падаетъ мертвымъ. Хотя сивучи очень неповоротливы на землѣ, но иногда имъ удается сдѣлать скачекъ шаговъ на десять и тогда они убиваютъ человѣка, на котораго наскочили такимъ способомъ. Мясо молодыхъ сивучей не только туземцы, но и тамошніе русскіе считаютъ лакомствомъ. Крикъ молодыхъ сивучей походить на бляеніе овецъ. Въ отчетѣ россійско-американской компаніи за 1851 годъ сказано, что, вслѣдствіе землетрясеній и вулканическихъ изверженій пепла, сивучи и морскіе котики покинули Курильскій островъ Урупъ.

Въ Охотскомъ морѣ попадаются также единороги или нарваны (*Monod monavos*) и моржи (*Trichecus Rosmarus*). Моржи преимущественно встрѣчаются у скалистыхъ береговъ. Они питаются водорослями и береговыми моллюсками (*Mya fruncafa* и *Saxicava rugosa*), которыхъ они чрезвычайно искусно вылупливаютъ изъ раковинъ. Моржи теперь рѣже появляются въ Охотскомъ морѣ, равно и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они прежде водились въ большомъ количествѣ, какъ въ слѣдствіе ихъ страшнаго истребленія, для добычи клыковъ (моржевой кости), такъ и въ слѣдствіе того обстоятельства, что моржи кормятъ своихъ дѣтей въ теченіе двухъ лѣтъ (во все это время въ ихъ желудкѣ находили одно молоко). Какъ скоро убыль моржей однажды началась, упомянутыя обстоятельства должны только ускорить уменьшеніе ихъ количества. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, какъ это видно изъ историческихъ актовъ, моржи водились въ большомъ количествѣ даже и въ сѣверной половинѣ Охотскаго моря. Въ этомъ водномъ бассейнѣ морскіе бобры не водятся, потому что они принадлежатъ къ числу такихъ животныхъ, которыя встрѣчаются только въ прибрежныхъ частяхъ открытаго океана. Потому и на Курильскихъ островахъ морскіе бобры живутъ только при восточномъ ихъ берегѣ, обращенномъ къ Восточному океану, а при берегахъ, обращенныхъ къ Охотскому морю или вовсе не водятся или остаются въ тамошнихъ водахъ очень недолгое время. Въ прежнія времена морскіе бобры водились во множествѣ на Курильскихъ островахъ. Въ отчетѣ россійско-американской ком-

пани за 1845 годъ сказано, что ея правленіе распорядилось беречь морскаго бобра на Курильскомъ островѣ Урупѣ, а въ отчетѣ за 1846 г. объявлено, что въ этомъ году на означенномъ островѣ, въ слѣдствіе упомянутой благоразумной мѣры, оказалось столько морскихъ бобровъ, что для ловли ихъ были туда переселены алеуты съ американскихъ острововъ компаніи.

Къ воднымъ богатствамъ Охотскаго моря принадлежитъ въ особенности рыба. Изъ Тихаго океана чрезъ это море рыба является метать икру въ рѣки, впадающія въ Охотское море, въ несмѣтномъ количествѣ. Весьма немногія рѣки, какъ на сибирскомъ, такъ и на камчатскомъ берегу этого моря представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Главное мѣсто среди разныхъ породъ рыбъ, являющихся въ эти рѣки, принадлежитъ лососьюму роду, какъ по количеству, такъ и по продолжительности лова. Постепенность когда рыба бываетъ слѣдующая: къ концу мая (не позже 21-го числа) направляется изъ рѣкъ въ море мальма или голецъ. Эта рыба въ это время бываетъ не болѣе полъ аршина величины. Ходъ мальмы постепенно увеличивается по количеству, но не по величинѣ ея и къ половинѣ іюня почти совершенно прекращается. Въ половинѣ іюня (не позже однако 17 числа) изъ моря показывается идущая рыба нярка (лососьяго рода) отличнаго вкуса, но слишкомъ жирная; по большей части нярка проходитъ въ рѣки быстро; медленный же ея ходъ предзнаменуетъ быстрый ходъ коренной рыбы на сибирскомъ берегу Охотскаго моря, именно кеты (то же родъ лосося). При быстромъ ходѣ кеты она является въ рѣки въ такомъ несмѣтномъ количествѣ, что не видавшій на самомъ дѣлѣ этого множества, трудно ему повѣрить. Во время хода по рѣкамъ, противъ теченія, кетъ, встрѣчая отмель, передъ которою передній строй рыбы долженъ невольно остановиться, лѣзетъ одна на другую до того, что спины верхняго ряда виднѣются сверхъ воды, которую рыба какъ бы выметаетъ собою. Изнурившись при такомъ скопленіи, кетъ погибаетъ тысячами, а потому и выкидывается на берегъ или гниетъ въ узкихъ мѣстахъ рѣкъ и на отмеляхъ и дѣлается добычею медвѣдей и собакъ, которыхъ при гніеніи привлекаетъ своимъ запахомъ. вмѣстѣ съ кетою возвращается съ моря и мальма, но въ это время она бываетъ уже величиною съ кету. Послѣ кеты и мальмы появляется горбуша (также лососьяго рода), менѣе кеты. Она названа такъ потому, что у ней на спинѣ, отъ половины всей ея длины, къ головѣ, находится возвышеніе. Послѣ горбуши идутъ ломки (также лосось), отличающіяся отъ нярки только тѣмъ, что онѣ не такъ жирны; наружнымъ видомъ эти обѣ рыбы вполне сходны. Мальма, горбуша и ломки перестаютъ наконецъ идти съ моря въ рѣки, или ловятся уже какъ рѣдкость, но кета не прекращаетъ хода своего до самыхъ заморозковъ. Есть еще рыба кунжа, но она, при общемъ ходѣ упомянутыхъ рыбъ, вовсе не попадаетъ и одни предполагаютъ, что она проходитъ подъ льдомъ, другіе же считаютъ ее исключительно рѣчною рыбою, такъ какъ она ловится только въ прѣсной водѣ въ рѣкахъ. По величинѣ самая большія изъ нихъ бываютъ въ полтора аршина; видомъ, чешуею и вкусомъ кунжа ближе всего подходитъ къ щукѣ. Въ рѣкахъ, въ прѣсной водѣ, въ Охотскомъ краѣ ловятъ также харюзовъ и вальковъ. Харюзы вкусомъ походятъ на форелей, а вальки несравненно пріятнѣе, но тѣло ихъ такъ нѣжно, что выпотрошенная, но не просоленная, рыба не можетъ пролежать болѣе 10—12 часовъ, потому что тѣло ея совершенно распадается и не годится болѣе въ пищу. Въ рѣкѣ Большой, впадающей въ Охотское море, на камчатскомъ берегу самою цѣнною рыбою, также являющеюся въ рѣку въ значительномъ количествѣ, считается рыба чевичъ, родъ лосося. Въ самомъ Охотскомъ морѣ водятся камбала, треска, налимъ, угри, морскіе бычки, палтусы. На берега этого моря весною, послѣ бурь, выкидается много мелкой рыбы, называемой улка (*Salmo socialis*). Тунгусы не только не промышляютъ налимовъ, палтусовъ, камбалу и бычковъ, но если которая либо изъ этихъ рыбъ попадаетъ въ сѣть, то выкидываютъ ихъ съ бранью, почитая налима водяною змѣею, а бычка водянымъ чортомъ. На сибирскомъ берегу Охотскаго моря ловятъ также во множествѣ шримсовъ (маленькихъ морскихъ раковъ безъ клешней); много также большихъ круглыхъ морскихъ раковъ (крабовъ).

Когда начнется ходъ рыбы коренной, тогда тунгусы и другіе прибрежные жители приступаютъ къ заготовкѣ ея на зиму, въ видѣ пищи и корма для себя и для собакъ, а также приготавливаютъ юколу и порсу для промѣна прикочевывающимъ къ нимъ оленнымъ тунгусамъ. Пойманную рыбу тунгуски чистятъ, распластываютъ и надѣваютъ на тонкія жерди, положенныя на вѣшалкахъ, на которыхъ рыба и остается до того времени, пока не высохнетъ хорошо, а для этого достаточно совершенно ясныхъ четырехъ или пяти дней. Высохшую рыбу тунгусы, снявъ съ жердей, складываютъ въ амбары. Юколу же (сушеную на открытомъ воздухѣ), сдѣланную изъ жирной нирки, развѣшиваютъ въ другихъ амбарахъ на жерди, и разведя подлуннымъ огнемъ, поддерживаютъ его въ такомъ состояніи, чтобы онъ производилъ болѣе дыма. Дрова для такого копченія употребляются тополевыя, но притомъ бросаютъ въ огонь сучья кедровника или кустарнаго кедра. Ароматическій дымъ отъ топовыхъ дровъ и кедровника придаетъ юколѣ отлично-пріятный вкусъ, совершенно похожій на вкусъ ветчины, прокопченной мозжевеликомъ. Большія жары лѣтомъ вредны для приготавливаемой юколы, потому что на ней, отъ налетающихъ во множествѣ мухъ, заводятся черви, поѣдающіе тѣло рыбы, и, если ихъ не выкурить, то черви оставляютъ часто одну лишь рыбью кожу. Для отогнанія мухъ и для умерщвленія заводящихся червей, подъ рыбой, повѣшенной на жердяхъ для сушенія, и разводятъ огонь, который, какъ сказано, производитъ болѣе дыма, нежели жара; этотъ дымъ отгоняетъ мухъ и умерщвляетъ червей, а жаръ, хотя и не большой, сушитъ рыбу. Для приготовления порсы, или рыбьяго порошка, просушиваютъ юколу гораздо долѣе, и когда она готова, то, отдѣливъ мясо отъ кожи, растираютъ его руками сколь возможно мельче, или толкутъ въ деревянныхъ корытахъ деревяннымъ пестомъ. Порсу стараются сохранить въ сухомъ мѣстѣ; ее ссыпаютъ въ мѣшки, сшитые изъ рыбьей кожи, и подвѣшиваютъ ихъ къ потолкамъ барабары (своего жилища) вблизи чуваловъ (очаговъ). Порса, для перевозки въ дорогахъ, — неоцѣнимая пища, потому что, занимая мало мѣста, не портится ни отъ мороза, ни отъ жара; горсть порсы, положенной на три, четыре бутылки кипятку, съ прибавленіемъ самой малости муки и соли, даетъ весьма пріятную и питательную похлебку. Осенью, когда начинаются холода, тунгусы поднимаются въ своихъ лодкахъ вверхъ по рѣкамъ и тамъ, вырывая на берегу не очень глубокія ямы (сайбы), кладутъ въ нихъ промышленную рыбу кету цѣлою, не потроша ея. Такимъ образомъ припасаемая рыба называется аргызъ. Если холодъ постепенно увеличивается, то онъ охватя рыбу, замораживаетъ ее и сохраняетъ совершенно свѣжею; такая рыба весьма пригодна для употребленія въ пищу. Впрочемъ тунгусы съ особеннымъ аппетитомъ употребляютъ и такой аргызъ, который уже загнилъ. Для корма собакъ, въ особенности рабочихъ, аргызъ гораздо питательнѣе юколы и качемаза. Подъ именемъ качемаза приготавливается осенью же рыба, которую, выпотрошивъ и распластавъ, вѣшаютъ на вѣшалахъ, и она не столько уже высыхаетъ, сколько замерзаетъ. Такая рыба также пригодна для варенія. Въ это же время тунгусы приготавливаютъ юколу изъ кунжи, которая очень вкусна, если при осеннихъ холодахъ, солнце сушитъ отчасти рыбу своею теплотою. Солить рыбу у тунгусовъ вовсе не въ обычаѣ, сколько по нерасположенію ихъ къ употребленію соли вообще, столько же по трудности доставать ее.

Можно предположить, что каменистое свойство рѣкъ, впадающихъ въ Охотское море, составляетъ одно изъ условій, которое заманиваетъ рыбу въ такомъ огромномъ количествѣ изъ морской воды въ прѣсную.

Что касается до животныхъ, обитающихъ на сушѣ въ окрестностяхъ Охотскаго моря, то въ числѣ ихъ встрѣчается около 44 видовъ млекопитающихъ, 157 видовъ птицъ и 4 амфибіи. Нѣкоторыя изъ птицъ, живущихъ на сушѣ вдоль прибрежья Охотскаго моря, менѣе европейскихъ птицъ, принадлежащихъ съ ними къ однимъ видамъ. Моллюски же и другія низшія животныя, водящіяся на прибрежьи Охотскаго моря, рядомъ съ этими птицами, не отличаются отъ тѣхъ, которыя живутъ въ сѣверной Европѣ, если они тождественны съ

ними въ видовомъ отношеніи. Но тутъ же водится величайшій орелъ всего свѣта (беринговъ), о которомъ уже было сказано и мѣсто нахожденіе котораго совпадаетъ съ мѣстомъ пребыванія вышеупомянутыхъ меньшихъ птицъ на побережьяхъ Охотскаго моря. Нѣкоторые естествоиспытатели предполагали объяснить меньшій ростъ птицъ, живущихъ на побережьѣ этого моря, сплошною гористою природою Охотскаго края. Такое же уменьшающее вліяніе дѣйствительно отзывается на нѣкоторыхъ видахъ птицъ и на другихъ сибирскихъ хребтахъ, но это объясненіе не выдерживаетъ строгой критики, потому что тѣ самыя животныя, которыми въ Европѣ доказывали законъ вліянія горъ на уменьшеніе роста, въ сибирскихъ горахъ именно являются необыкновенно рослыми животными, напримѣръ, медвѣди на сибирскихъ хребтахъ, бѣлки въ байкальскихъ горахъ, олени и лани на алтайскихъ, саянскихъ и становыхъ горахъ. Сѣверный олень въ горахъ болѣе ростомъ, чѣмъ въ сѣверныхъ тундрахъ. Можетъ быть пища и родъ жизни имѣютъ въ этомъ отношеніи значительное вліяніе на ростъ животнаго. Огромной ростъ морскихъ млекопитающихъ въ Охотскомъ морѣ и въ другихъ сѣверныхъ водныхъ бассейнахъ, напримѣръ, китовъ, дельфиновъ, тюленей, моржей, представляющихъ собою огромныя, невѣроятныя почти, плавучія массы жира, объясняется почти исключительно большимъ изобиліемъ пищи, находимой этими животными въ означенныхъ краяхъ. Обильная, здоровая, своевременно и спокойно съѣдаемая пища имѣетъ главное значеніе при увеличеніи роста домашнихъ животныхъ въ скотоводствѣ. Почти тѣ же условія должны имѣть свое преимущественное вліяніе и на дикихъ животныхъ. Колоссальныя медвѣди, встрѣчаемые на берегахъ Охотскаго моря и на Шантарскихъ островахъ, обязаны, вѣроятно, своимъ ростомъ обильнымъ морскимъ изверженіямъ, въ родѣ мертвыхъ китовъ, тюленей, дельфиновъ и въ особенности жирной рыбной пищѣ, которая имъ дается въ страшномъ изобиліи при періодическихъ переселеніяхъ рыбъ изъ моря въ рѣки. Путешественники заставляли медвѣдей на берегахъ рѣкъ въ Охотскомъ краѣ и въ Камчаткѣ во время ловли ими рыбы, во множествѣ плившей вверхъ по теченію. Если бы удалось, напримѣръ, доказать, что исполнская беринговая разновидность бураго медвѣдя, найденная на Амурѣ Шренкомъ, простирается вверхъ по рѣкѣ не далѣе того мѣста, до котораго простираются переходы лососей въ несмѣтномъ количествѣ, то объясненіе вліянія жирной рыбной пищи на ростъ заслуживало бы серьезнаго вниманія. Въ этомъ отношеніи имѣются и другаго рода факты, а именно, что рыбаки, занимающіеся этимъ ремесломъ изъ рода въ родъ, бываютъ большаго роста и что всѣ чухны, живущіе въ мѣстахъ улова и сбыта салакуши по берегамъ нашего прибалтійскаго края, рослѣе чухонъ, живущихъ внутри края и лишенныхъ этой пищи.

Охотское побережье отличается обиліемъ птицъ, водныхъ, болотистыхъ, лѣсныхъ. Весною прилетаютъ во множествѣ лебеди, гуси, утки, журавли. Журавли остаются въ Охотскомъ краѣ не долго, лебеди нѣсколько долѣе, гуси и утки остаются на все лѣто и выводятъ молодыхъ. На зиму гуси, утки и даже лебеди остаются только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть горячіе ключи, напримѣръ, вблизи рѣки Подгана, которые не замерзаютъ даже въ сильныя морозы, равно какъ и окружающая ихъ полоса земли. Въ морѣ, около береговъ водятся также въ несмѣтномъ числѣ гагары, турпаны, гагачи и другія водныя птицы. Обиліе рыбы въ рѣкахъ и въ морѣ привлекаетъ много разныхъ породъ чаекъ и морскихъ птицъ. На комкахъ (прибрежныхъ косахъ) бѣгаютъ стаями кулики, называемыя пѣтушками, и другія болотныя птицы. Дичи, лѣсныхъ птицъ, также крайне много, а именно глухарей, тетеревей, вальдшнеповъ, куропатокъ, рябчиковъ. Всѣ онѣ отличаются вкуснымъ мясомъ, особенно же рябчики, питающіеся кедровыми орѣхами.

Еще въ 1806 году Редовскій сообщалъ, что около Охотска водятся змѣи, но позднѣйшія свѣдѣнія стали опровергать эти наблюденія. Между тѣмъ Миддендорфъ въ 1844 году нашелъ одного гадюка на Алданскомъ хребтѣ, а другаго на большомъ Шантарскомъ островѣ. По этому змѣи должны тамъ водиться, особенно на южномъ побережьѣ Охотскаго моря. Лагушки

встрѣчаются почти повсемѣстно на его берегахъ. Прибрежье Охотскаго моря отличается также необыкновеннымъ обиліемъ москитовъ или комаровъ (*Culex ripiens*), какъ въ сѣверной его части, такъ и въ южной. Такъ въ Гижигѣ, по описанію Кенана—москитъ, бичъ сѣвернаго лѣта, поднимается изъ сыраго мха низменностей и пронзительно трубитъ, чтобы дать, такъ сказать, знать всему живущему о своемъ воскрешеніи. Черезъ три или четыре дня, если погода стоитъ тихая и теплая, вся атмосфера буквально наполняется тучами москитовъ и съ этой поры до 10-го августа они преслѣдуютъ все живущее съ кровожадностью, не знающею ни усталости, ни состраданія. Избавленіе невозможно и защита бесполезна: они всюду преслѣдуютъ свои жертвы и съ неутомимою настойчивостью преодолеваютъ всё препятствія, которыя человѣческая изобрѣтательность ставитъ на ихъ пути. Самый густой дымъ не пугаетъ ихъ; всякую защиту, воздвигнутую противъ нихъ, они избѣгаютъ или берутъ приступомъ. Напрасно носить на головахъ газовыя вуали и укрываться на ночь подъ коленкоровыя или полотнояныя пологи. Количество москитовъ такъ велико, что рано или поздно нѣкоторые изъ нихъ находятъ незащищенное отверстіе и нападаютъ со свѣжими силами на человѣка, когда онъ считалъ себя уже въ полной безопасности. Ни въ одной тропической странѣ они не появляются въ такомъ изобиліи какъ въ Сибири въ іюнѣ, особенно на берегахъ Охотскаго моря. По ихъ милости большая сѣверная тундра остается мѣстами совершенно необитаема и даже покрытый шерстью олень принужденъ искать защиты отъ нихъ въ болѣе холодномъ горномъ климатѣ. Въ русскихъ поселеніяхъ москиты мучаютъ собакъ и скотину до тѣхъ поръ, что она приходитъ въ совершенную ярость и отчаянно борется за мѣсто въ дыму у костра. Гумбольдтъ, Земанъ, Палласъ находили страданія отъ сибирскихъ москитовъ невыносимыми, а первые двое утверждаютъ, что подъ тропиками они сноснѣе, чѣмъ въ Сибири. Москиты составляютъ главную причину переходовъ въ этомъ краѣ сѣверныхъ оленей и красной дачи. Миддендорфъ нашель, что только среди льда, окружавшаго его въ Охотскомъ морѣ, и на небольшихъ островныхъ его утесахъ онъ избавлялся отъ москитовъ. На большомъ Шантарскомъ островѣ онъ подвергся невыносимымъ мученіямъ отъ москитовъ лишь только покинулъ непосредственно прибрежную полосу. Только стужа, вѣтеръ, близость моря въ состояніи охранить человѣка и животное отъ москитовъ. Морской вѣтеръ у Охотскаго моря, который каждую ночь въ половинѣ лѣта дулъ съ ледяной стороны внутрь материка отгонялъ москитовъ и былъ истинною отрадою для путешественниковъ. Въ Сибири нѣкоторые вѣшаютъ себѣ за шею на плечо горшокъ съ тлѣющею древесною гнилью, для отогнанія москитовъ, комаровъ. Остяки и камчадалки залѣпляютъ себѣ лицо нѣжною кожицею брюшины различныхъ животныхъ. Миддендорфъ, въ путешествіи по сибирской тундрѣ, покрывалъ себя съ головы до ногъ мохомъ и тѣмъ спасался отъ комаровъ. Говорятъ, что индѣйцы зарываются въ песокъ, чтобы спастись отъ москитовъ. Но какъ только истекаетъ первая половина лѣта и начинается уменьшаться количество комаровъ или москитовъ на Охотскомъ морѣ, то наступаетъ едва ли не худшая пора страданій отъ мошекъ (*Sinis liun vestans*), продолжающаяся до осеннихъ заморозковъ. Такъ на южномъ берегу Охотскаго моря, по словамъ Миддендорфа, комары пропали когда 21 сентября ночью морозъ дошелъ до 7 градусовъ, но 24-го сентября одинъ комаръ всетаки ужалилъ Миддендорфа, а 2-го октября, по случаю хорошаго осенняго дня, мошки опять лѣзли въ носъ, глаза, уши. У выючныхъ животныхъ, бывшихъ съ Миддендорфомъ на южномъ берегу Охотскаго моря, сильно страдавшихъ отъ мошекъ, глаза сначала слезились и гноились, а потомъ совершенно заухли. Комары и ихъ личинки, равно какъ и моллюски, вмѣстѣ съ ними населяющіе стоячія воды, служатъ пищею голенастымъ птицамъ и другихъ насѣкомыхъ. Обиліе такой пищи въ Охотскомъ краѣ и привлекаетъ во множествѣ этихъ птицъ.

Изъ пушныхъ звѣрей въ Охотскомъ краѣ преимущественно промышляютъ соболей, лисицъ, выдръ, росомахъ, медвѣдей, бѣлокъ, горностаевъ, бурундуковъ. Количество соболей въ мѣст-

ности около Охотскаго моря съ каждымъ годомъ уменьшается подобно тому, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, въ слѣдствіе ихъ безошаднаго преслѣдованія охотниками. Въ 1558 году ясакъ съ инородцевъ Сибири доходилъ до 18640 соболей; по актамъ археологической комиссіи въ 1674 году въ Москву поступило изъ восточной Сибири болѣе 8,000 соболей въ видѣ ясака. Но сколько уходило торговыми и тайными путями. Казацкій унтеръ-офицеръ, командовавший прежде въ Удскомъ острогѣ, сообщилъ навеселѣ Миддендорфу, что, включая собственную ловлю и подарки, онъ ежегодно добывалъ до 400 соболей. Въ 1844 г. чрезъ Учурскую ярмарку отправлено было въ Якутскъ до 3,000, а въ 1849 году до 4,000 соболей, добытыхъ изъ всѣхъ мѣстностей, лежащихъ къ югу отсюда на Становомъ хребтѣ, въ томъ числѣ и въ Охотскомъ прибрежьи. На рѣкѣ Маѣ уже въ 1844 году не было соболей. Въ этомъ краѣ, въ 1844 году Миддендорфъ встрѣтилъ самую богатую соболями мѣстность въ Буруканѣ, у верхняго Тугура. За двадцать лѣтъ до того, какъ ему рассказывали, хорошій охотникъ въ благопріятную зиму убивалъ до сотни соболей. Въ 1844 году такая добыча считалась уже невысказанною и сорокъ-пятьдесятъ соболей считались особымъ счастьемъ, а добыча двадцати-тридцати называлась чрезвычайно удачною охотою. Одинъ изъ охотниковъ, бывшій тамъ лѣтъ за десять до 1844 г., убилъ въ одинъ годъ 76 соболей, а затѣмъ добывалъ не болѣе шести или семи и никакъ не свыше тринадцати въ годъ. По правдоподобнымъ даннымъ объ окрестностяхъ Удскаго острога, въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ тридцатилѣтія нынѣшняго столѣтія, тамъ добыто было 1160 соболей, 15 рысей, 25 выдръ, 80 лисицъ, 700 бѣлокъ, 15 медвѣдей, 320 лосей, 240 сѣверныхъ оленей, 3,700 штукъ кабарги, 730 струй кабарги и 26,850 рыбъ. Это былъ по общему мнѣнію хорошій годъ. Такъ какъ въ 1825 году на учурской ярмаркѣ собрано было около 11,000 соболей, то видно какъ количество ихъ, постоянно уменьшаясь, дошло въ сороковыхъ годахъ до четвертой части. Съ тѣхъ поръ до семидесятыхъ годовъ количество добываемыхъ соболей, какъ кажется, держится около одного числа, уменьшаясь, или увеличиваясь немного, смотря по обстоятельствамъ, благопріятствующимъ или ухудшающимъ этотъ промыселъ. Самые лучшіе горные соболи водятся на Олекминскомъ и Дзейскомъ горныхъ хребтахъ, а далѣе къ востоку, по направленію къ морю доброта соболей быстро измѣняется къ худшему. Въ Сибири замѣчено, что гдѣ водятся самыя темноцвѣтныя бѣлки, тамъ въ то же время встрѣчаются самыя темныя и дорогіе соболи, какъ извѣстно питающіеся бѣлками. Темный же цвѣтъ бѣлокъ приписывается обильному питанію маслянистыми кедровыми орѣхами. Слѣдовательно по этому надобно заключать, что масло кедровыхъ орѣховъ, превратившись у бѣлки въ жиръ, проникаетъ и въ мѣхъ соболя? Какъ извѣстно бѣлки въ горахъ бываютъ постоянно чернаго цвѣта, а въ долинахъ сѣраго. Сверхъ того въ Сибири черныя бѣлки дѣйствительно почти совпадаютъ съ предѣлами распространенія кедра, особенно же преобладаютъ въ Восточной Сибири, гдѣ на вершинахъ горъ, кромѣ обыкновеннаго кедра, растетъ еще и кедровый сланецъ. Радде, въ своемъ путешествіи по юговосточной Сибири, положительно утверждаетъ о связи темнаго бѣличьяго цвѣта съ кедромъ и съ большою влажностью воздуха, которая необходима для этихъ деревьевъ. Черныя бѣлки встрѣчаются уже съ Баунтскихъ горъ. Въ Забайкальѣ синеватосѣрыя, темныя, длинноволосыя бѣлки исключительно также встрѣчаются на самыхъ высокихъ горныхъ хребтахъ, поросшихъ хвойнымъ лѣсомъ. Охотскія бѣлки, извѣстныя подъ этимъ названіемъ въ торговлѣ, очень цѣнятся и прежде продавались дешевле только нерчинской и верхнеудинской бѣлки, а удскіе и учурскіе соболи только на 10—15% цѣнятся дешевле олекминскихъ.

По показаніямъ Сарычева, въ концѣ прошлаго столѣтія на берегахъ Охотскаго моря медвѣди стадами ходили за водорослями. Извѣстный путешественникъ Вознесенскій, отличающійся правдивостью своихъ сообщеній, видѣлъ въ недавнее время въ Камчаткѣ въ одинъ день болѣе ста медвѣдей. Это не удивительно, потому что когда лососи начинаютъ подниматься вверхъ по рѣкамъ несмѣтными стаями, медвѣди со всего горнаго хребта собираются на берегахъ рѣкъ

и рѣчекъ. Во время пребыванія Вознесенскаго въ Камчаткѣ жители одного только поселенія убили въ своей мѣстности болѣе 200 медвѣдей. Но и теперь повторяется съ медвѣдями на берегахъ Охотскаго моря почти тоже самое, что было при Сарычевѣ. Знакомыя съ краемъ лица, услышавъ въ Якутскѣ, въ 1844 году, о намѣреніи Миддендорфа посѣтить Шантарскіе острова, единогласно говорили ему: «такъ это туда, гдѣ медвѣди ходятъ стадами, какъ овцы». Этого Миддендорфъ не дождался и главною виною было, повидимому, время года. Онъ встрѣчалъ отдѣльных медвѣдей; но какъ на южномъ берегу, такъ и на островахъ Охотскаго моря, куда онъ ни приходилъ, въ лѣсной-ли чащѣ, или высоко на обнаженныхъ горныхъ вершинахъ, онъ повсюду находилъ глубоко протоптанные пути, свидѣтелей самой оживленной дѣятельности. Пути эти—слѣды дикихъ звѣрей. На твердой землѣ это были медвѣжьи ходы вмѣстѣ съ ходами другихъ звѣрей, но на Шантарскихъ островахъ это были исключительно медвѣжьи пути. По словамъ Миддендорфа, безъ медвѣдей едва ли можно было пробраться человѣку чрезъ нѣкоторыя чащи лѣснаго Охотскаго края. Медвѣди такимъ образомъ являются тамъ проводниками культуры, пролагая дороги человѣку. Эти медвѣжьи ходы направлялись или съ горнаго хребта къ морю, или преимущественно вдоль морскаго побережья часто на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ по скаламъ, круто спускающимся въ море. Тутъ медвѣди неутомимо бродятъ то въ одну, то въ другую сторону. Тонкое ихъ обоняніе тотчасъ даетъ имъ знать, если волны выбросили на берегъ лакомую для нихъ пищу, въ видѣ трупа кита, тюленя, или дельфина, жиромъ и мясомъ которыхъ они будутъ наслаждаться тогда цѣлыя недѣли. Медвѣди хорошо знаютъ время наступленія отлива, прокладывая имъ дорогу къ добычѣ. Миддендорфу случилось также видѣть какъ на берегахъ Охотскаго моря медвѣдь откапывалъ себѣ луковицы разныхъ растений (сарены), отыскивалъ себѣ кедровые орѣхи на горахъ, а равно и ходилъ за всякими ягодами, изъ которыхъ онъ особенно любитъ морошку. Медвѣди съ бѣлымъ ошейникомъ встрѣчаются въ Сибири не часто, а медвѣди съ бѣлыми пятнами и бѣловатые попадаются тамъ во всякомъ случаѣ въ видѣ исключенія, какъ случайныя видоизмѣненія. Около Удскаго острога на одномъ тунгусѣ Миддендорфъ видѣлъ дождевой воротникъ изъ медвѣжьяго мѣха, имѣвшаго свѣтлосѣрый цвѣтъ, въ слѣдствіе желтовато-бѣлаго цвѣта кончиковъ волосъ. Миддендорфъ полагаетъ, что онъ вѣроятно былъ добытъ на одной изъ высочайшихъ горныхъ верховъ медвѣди водятся только на двухъ послѣднихъ, Итурупѣ и Кунаширѣ, ближайшихъ къ Японскимъ островамъ, съ которыхъ они вѣроятно перешли на Курильскіе острова, если только вообще они переселялись въ этой мѣстности. На другихъ Курильскихъ островахъ нѣтъ медвѣдей. Шантарскіе острова очень богаты медвѣдями. Даже на маленькомъ островѣ Эге, который короче трехъ верстъ, встрѣчались постоянно медвѣди, какъ въ 1712 году, въ первое его посѣщеніе русскими, такъ и въ 1844 году, при приѣздѣ на него Миддендорфа.

Лисицы, какъ извѣстно, принадлежатъ къ числу тѣхъ животныхъ, мѣхъ которыхъ подверженъ значительнымъ измѣненіямъ. Къ числу наиболѣе цѣнныхъ лисьихъ мѣховъ принадлежатъ получаемые отъ огневокъ (огнянки у Палласа и Мюллера), которыя имѣютъ свѣтлый, но съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣзкій желтокрасный цвѣтъ. Особенно дорого цѣнятся тѣ огневки, которыя, при этомъ цвѣтѣ, отличаются тонкимъ и длиннымъ волосомъ. Въ первый разъ ихъ замѣтили на западномъ берегу сѣверной Америки. Кромѣ цвѣта волосъ особымъ отличіемъ у нихъ считали одно время болѣе короткія уши, но потомъ оказалось, что такія короткія уши найдены и у простыхъ красныхъ лисицъ западной Сибири. Огневки распространены далеко за береговыми странами восточной Сибири, такъ какъ подобный мѣхъ встрѣчается на лисницахъ не только въ Камчаткѣ, но и по всему берегу Охотскаго моря до Сахалина. Огневка водится и на Курильскихъ островахъ. Курильскій островъ Парамуширѣ даже славится тѣмъ, что на немъ встрѣчаются самыя лучшія огневки. Лисицы также водятся и на Шантарскихъ островахъ. Огневка есть собственно беринговая разновидность простой лисицы и какъ у той, такъ

и у другой частью замѣчается какая то особенная способность мѣха принимать совершенно черный цвѣтъ. Чаше всего это происходитъ на брюшной сторонѣ животнаго. Лисицы самой южной Европы оказываются положительною разновидностью по черному цвѣту брюшнаго мѣха. Около Петербурга лисицы по большей части чернобрюхи. Съ верхней же стороны лисицы черный цвѣтъ является только на крайнемъ сѣверѣ, или, по крайней мѣрѣ, тамъ чаше всего. Въ Сибири къ востоку онѣ начинаютъ попадаться чаше. Рѣдкую разновидность чернобурой лисицы составляетъ такъ называемая «чалая.» Она съ перваго взгляда кажется сѣрою, потому что среди малопреобладающаго чернаго цвѣта выглядываетъ необыкновенно много бѣлыхъ, какъ плесень, волосъ; снизу такая лисица бываетъ бѣлаго цвѣта, который заходитъ высоко до шеи, въ видѣ полуошейника и даже до морды и до ногъ.

Въ Гижигинскомъ округѣ встрѣчается еще рѣчной бобръ, рѣдкое животное, уцѣлѣвшее въ наибольшемъ числѣ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Америки. Въ томъ же округѣ водятся и кунницы, которыхъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ Охотскаго края. Рѣчная выдра составляетъ предметъ промысла какъ на берегахъ Охотскаго моря, такъ и на Курильскихъ ост-

Ѣзда на собакахъ.

ровахъ. Полосатый бурундукъ водится по всему побережью моря. Горностай живетъ какъ въ этой же мѣстности, такъ и на Шантарскихъ и Курильскихъ островахъ. Горная овца (дикій баранъ) водится близъ Удскаго острога, у истоковъ рѣки Ульи и сѣвернѣе, близъ Ямска.

Охотское море сдѣлалось извѣстнымъ русскимъ въ семнадцатомъ столѣтн. Въ 1636 году завоевательная артель изъ томскихъ казаковъ по рѣкамъ Ленѣ, Алдану, Маѣ дошла до вершинъ послѣдней, перебралась чрезъ хребетъ на рѣку Улью и по ней спустилась въ Охотское море, которое названо было тогда тунгускимъ, или ламутскимъ, по имени ламутовъ, т. е. тунгусовъ, живущихъ однимъ рыболовствомъ; но вѣрнѣе было бы названіе моря ламутскимъ, потому что по тунгуски море «намъ». Затѣмъ въ Охотское море вышелъ въ 1645 году казакъ Поярковъ, который, пробравшись на рѣку Амуръ, и, плывя по ней берегомъ, добрался до устья рѣки Ульи. Въ 1647 году Шелковниковъ спустился по рѣкѣ Маѣ до Охотскаго моря и въ трехъ верстахъ отъ впаденія въ него рѣки Охоты основалъ укрѣпленное зимовье. До 1713 года въ Камчатку русскіе проникали обыкновенно сухимъ путемъ; но въ этомъ году казакъ Соколовъ, по-

сланный въ Камчатку, прибылъ въ Охотскъ и оттуда со своею командою моремъ переправился въ Камчатку. Правительство нашло этотъ способъ сообщенія съ Камчаткою удобнѣе сухопутнаго и для перваго переѣзда по морю, еще не изслѣдованному, прислало для руководства опытныхъ мореходовъ изъ Архангельска. Съ этого времени, въ теченіи почти 150 лѣтъ, Охотскъ сохранилъ за собою значеніе единственнаго военного порта на тамошнемъ морѣ, чрезъ который шло снабженіе всѣми необходимыми жизненными потребностями и другими приписами Камчатки, побережья Охотскаго моря и даже сѣверо-американскихъ владѣній Россіи, до установленія кругосвѣтныхъ плаваній руссійскою американскою компаніею. Съ первой удачной переправы Соколова съ командою въ Камчатку, сообщеніе съ ней стало происходить моремъ несмотря на частыя кораблекрушенія, краткость навигаціоннаго времени на немъ. Сравнительно съ сухопутнымъ сообщеніемъ, морское представляло въ то время многостороннія удобства. Но важнѣе всего то, что, съ открытія порта въ Охотскъ, начались морскія экспедиціи, которыя повели къ открытію Курильскихъ острововъ и Берингова пролива между материками Азіи и Америки. Но портъ въ Охотскъ собственно устроенъ былъ только въ 1731 году, когда былъ тамъ заложенъ и городъ. Въ немъ поселены были якутскіе казаки и учреждено управленіе новооткрытыхъ странъ, независимо отъ Якутской канцеляріи, вѣдавшей этого рода дѣла ранѣе Охотска. Для лучшаго сообщенія его съ Якутскомъ между обоими городами поселены были природные якуты и ссыльные изъ русскихъ. По указу 19-го октября 1764 года, Охотскъ съ своимъ уѣздомъ причисленъ былъ къ Иркутской губерніи, переименованной изъ провинціи, причемъ населенность города и уѣзда не была опредѣлена. Этимъ же указомъ, Екатерина Вторая переименовала Сибирь Сибирскимъ царствомъ. По указамъ 19-го января 1782 г., 2-го и 6-го марта 1783 года образована была Охотская область, отнесенная къ иркутскому намѣстничеству. Къ этой области были причислены слѣдующіе города, съ одноименными имъ уѣздами: Охотскъ, Ажигинскъ, Акланскъ, Нижнекамчатскъ. По указамъ 12-го декабря 1796 г. и 4-го марта 1797 г., то есть въ царствованіе императора Павла, Охотская область была упразднена и городъ Охотскъ вошелъ въ составъ иркутской губерніи. При новомъ раздѣленіи Сибири указомъ 22-го апрѣля 1805 года, въ Охотскѣ, оставленномъ въ Иркутской губерніи, учреждено было особое управленіе, причемъ въ первый разъ было опредѣлено число жителей какъ въ самомъ городѣ (71 человекъ), такъ и въ уѣздѣ (1809 душъ). При раздѣленіи Сибири на западную и восточную, по учрежденію 1822 года, приморское управленіе Охотска съ Гижигою вмѣстѣ съ Якутскою областью было оставлено при иркутской губерніи. Въ настоящее время Охотскъ, съ населеніемъ около 200 душъ, принадлежитъ къ Приморской области.

На мѣстѣ перваго своего основанія, городъ Охотскъ просуществовалъ не долго: въ 1796 году онъ былъ перенесенъ на устье рѣки Охоты. Сверхъ того невыгодныя условія порта въ этомъ мѣстѣ, небезопасность его для судовъ, еще до этого переноса, побуждали правительство искать на Охотскомъ морѣ болѣе благопріятную мѣстность для устройства новой гавани. Охотскій портъ со всѣми своими учрежденіями содержался только для Камчатки; другой надобности въ немъ не было, особенно съ начала девятнадцатаго столѣтія, когда начались русскія кругосвѣтныя плаванія. Такимъ образомъ еще въ 1787 году правительство предначало капитанъ-командору Өомину осмотрѣть Удскій край, для перенесенія изъ Охотска порта на устье рѣки Уди; но по тамошнему мелководію, это перенесеніе признано было неудобнымъ. Капитанъ Өомиръ въ своихъ изысканіяхъ дошелъ до рѣки Алдомы, впадающей въ Охотское море на югозападѣ отъ Охотска, и нашелъ это мѣсто удобнѣйшимъ для порта, такъ что въ 1794 году представилъ проектъ объ устройствѣ новаго почтоваго тракта отъ Якутска до устья рѣки Алдомы. 4-го марта 1800 года былъ уже данъ указъ о перенесеніи порта въ это мѣсто; въ 1803 году уже былъ проложенъ трактъ съ мостами на разстояніи 122 версты, но затѣмъ указомъ 17-го іюля 1806 года повелѣно было Охотскій портъ оставить на прежнемъ мѣстѣ, потому что, по изслѣдованію руссійско-американской компаніи, желавшей перенести свою фак-

торию также на Алдому, грунтъ тамъ оказался каменистый, преимущественно плитнякъ, такъ что компанія не нашла удобнымъ устроить тамъ портъ для своихъ судовъ.

Но этимъ не кончились перемѣщенія Охотска. До 1816 года онъ находился на устьѣ рѣкъ Охоты и Кухтуя. Косу, на которой расположенъ былъ тогда городъ, стало сильно размывать приливами и теченіемъ рѣки Охоты, въ слѣдствіе чего разрушеніе угрожало всѣмъ строеніямъ и домамъ города. Тогда городъ перенесли на разстояніе пяти верстъ отъ прежняго расположенія, на устьѣ Кухтуя на Тунгускую коску. Этимъ перенесеніемъ, неудобства Охотскаго порта не были устранены. Поневѣ за новымъ болѣе удобнымъ портомъ продолжались по прежнему. Въ 1832 году начальникъ Охотскаго порта, Балкъ 1-й (въ послѣдствіи адмиралъ), предложилъ основать новый портъ, на 500 верстъ сѣвернѣе, въ губѣ Тауйской; но предположеніе это не было осуществлено. Въ 1838 году предлагали, но безъ успѣха, перенести портъ въ урочище Булюнѣ, въ семи верстахъ отъ города Охотска. Изъ перениски, возникшей по этому предложенію, выяснилось бѣдственное положеніе города. Онъ былъ растянутъ

На собакахъ по Охотскому побережью

въ то время по узкой косѣ, образуемой рѣкою Кухтуемъ и устьемъ Охоты. Коса прилегаетъ къ горному приморскому хребту, называемому Мореканомъ, и покрыта дресвою на нѣсколько аршинъ глубины. На этой почвѣ никакая растительность не возможна. Казенныя строенія, за исключеніемъ дома общаго приморскаго управленія и казначейства, были въ крайне плохомъ состояніи, а домъ начальства, офицерскіе флигели и казармы матросовъ въ ветхомъ состояніи, строенія же адмиралтейства въ полуразрушенномъ положеніи. Между этими строеніями, домомъ начальника и офицерскими флигелями находится низменное мѣсто, ежедневно, во время морскаго прилива, наполняемое водою и образующее въ самой срединѣ города болото. Частныя дома представлялись въ то время бѣдными полуразрушенными хижинами. Строенія факторіи американской компаніи находились на концѣ косы, берегъ которой постоянно смывался и уменьшался. Въ 1827 году строенія этой факторіи находились отъ берега моря въ сорока сажняхъ, въ 1839 году въ девяти сажняхъ, а въ 1844 г. только въ четырехъ, такъ что во время морскаго вѣтра валы доходили до самой факторіи. Со стороны рѣчной въ городъ про-

исходило то же явленіе. Въ 1838 году батарея, находившаяся между городомъ и адмиралтействомъ, отстояла отъ рѣки всего въ трехъ саженьяхъ, но затѣмъ это разстояніе еще уменьшилось, въ слѣдствіе размыва берега водою. На косѣ не было хорошей прѣсной воды; жители должны были добывать ее за четыре версты за рѣкою Кухтуемъ, для чего необходимо наблюдать время прилива и отлива, а во время шторма въ морѣ сообщеніе по рѣкѣ дѣлается часто невозможнымъ. Жители тогда пользовались водою изъ колодца, но только въ лѣтнее время, потому что осенью она бываетъ полусоленою, а зимою вымерзаетъ. Въ это время въ Охотскѣ за бочку въ три ведра воды платили 10 коп. Въ Охотскѣ воздухъ почти постоянно дурной, нездоровый, сырой. При приливѣ, Кухтуя разливаема почти на двѣ версты; при отливѣ же остаются морскія растенія и животныя, которыя при теплой погодѣ гниютъ и порождаютъ мѣстныя болѣзни, особенно цыngu. Въ извѣстное время года, особенно весною, цынга жестоко господствуетъ въ Охотскѣ, преимущественно въ слѣдствіе недостатка овощей, мяса, при

На собакахъ противъ теченія.

постоянномъ употребленіи одной рыбы, вяленой и соленой. Въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ цыngою поражались не рѣдко двѣ трети всего городского населенія.

Рейдъ въ Охотскѣ открытъ всѣмъ вѣтрамъ; обезпеченной морской стоянки нѣтъ. Приходящія суда должны останавливаться на рейдѣ въ значительномъ разстояніи отъ берега и тамъ ожидать полного прилива воды на устье Кухтуя; входъ же можетъ совершиться только при попутномъ вѣтрѣ, который долженъ соответствовать часамъ полной воды. Выходъ судовъ изъ рѣки сопряженъ съ такими же большими затрудненіями, почему иногда суда, готовые къ отплытію, должны были стоять въ рѣкѣ по три недѣли и болѣе и терять самое лучшее время для своего плаванія, пользуясь попутными для себя вѣтрами въ Охотскомъ морѣ. Устье рѣки Кухтуя окружено рифами и отмелями; фарватеръ часто измѣняется, такъ что въ теченіе лѣта случается иногда два и три раза перемѣнять створы, означающія его направленіе. Рѣка Охота прорвавшая себѣ новое устье, стала менѣе отдавать своей воды, посредствомъ рѣки Хапбаса и Булгина, въ Кухтуя, которая рѣка сама по себѣ ничтожна. Устье Кухтуя стало въ то время мелѣть, такъ что суда, становившіяся прежде въ самомъ городѣ, въ сороковыхъ годахъ должны были останавливаться около 400 сажень ниже къ устью. Такое положеніе Охотскаго

порта было неоднократно причиною гибели судовъ. Въ 1838 году бригъ «Камчатка», готовый къ отплытію въ Петропавловскій портъ съ грузомъ провіанта и товаровъ, при самомъ выходѣ изъ устья Кухтуя, былъ застигнутъ сильнымъ волненіемъ съ моря, выброшенъ на противоположный берегъ рѣки и отъ поврежденія не могъ отправиться въ предназначенное ему плаваніе. Въ 1840 году бригъ «Охотскъ», готовый къ отплытію въ Гижигу съ грузомъ провіанта, задержанъ былъ въ устьѣ Кухтуя противными вѣтрами болѣе сорока дней и долженъ былъ выйти въ море въ позднее осеннее время. Прибывши къ устью рѣки Гижиги 3-го октября бригъ едва не потерпѣлъ крушеніе, встрѣтивъ уже сильные морозы и ледъ, которымъ сталъ покрываться тамошній рейдъ. Въ 1840 году бригъ «Камчатка» сорванъ былъ съ якорей, съ полнымъ грузомъ, за устьемъ Кухтуя, и, переломивъ киль, не могъ въ томъ году отправиться по назначенію. Въ 1842 году бригъ «Николай», по выходѣ изъ устья, внезапнымъ порывомъ вѣтра, выброшенъ былъ теченіемъ на косу съ полнымъ грузомъ и потерпѣлъ тамъ совершенное крушеніе. Гибель или замедленіе такихъ судовъ съ провіантомъ вызывало въ то время

Вздовья собаки.

бѣдствіе относительно продовольствія всего края, камчатскаго и пріохотскаго. Такое бѣдствіе, напримѣръ, постигло Камчатку, когда въ 1841 году бригъ «Камчатка» съ провіантомъ погибъ у береговъ Большерѣцка.

Переписка, начавшаяся съ 1838 года, убѣдила правительство перенести Охотскъ въ Аянъ, что и совершилось въ 1851 году, когда постъ былъ упраздненъ въ Охотскѣ. Въ это время народонаселеніе Охотска состояло изъ 528 душъ мужскаго пола и 220 женскаго. Большая часть его, именно 394 мужчины, состояла изъ матросовъ и военной команды, остальную часть составляли служащіе чиновники, духовенство, купцы и мѣщане (20 человекъ). Передъ упраздненіемъ порта въ 1851 году, Охотскъ былъ главнымъ городомъ приморскаго управленія, въ составъ котораго входили округа Охотскій и Гижигинскій, безъ точнаго опредѣленія ихъ границъ, особенно на сѣверѣ. Съ упраздненіемъ же приморскаго управленія, Охотскъ сдѣланъ былъ окружнымъ городомъ Якутской области и сталъ управляться земскимъ исправникомъ. Въ составъ его округа (пространствомъ въ 13,000 квадратныхъ миль) вошли тогда мелкія отдѣльныя общества подъ управленіемъ старшинъ. Письменнаго производства въ этомъ округѣ

не было положено, по неграмотности жителей. Нылъ въ Охотскѣ не болѣе 150 чезовѣкъ живнвожество домовъ пустыхъ, безъ оконъ и дверей. Лучшій домъ—это казарма.

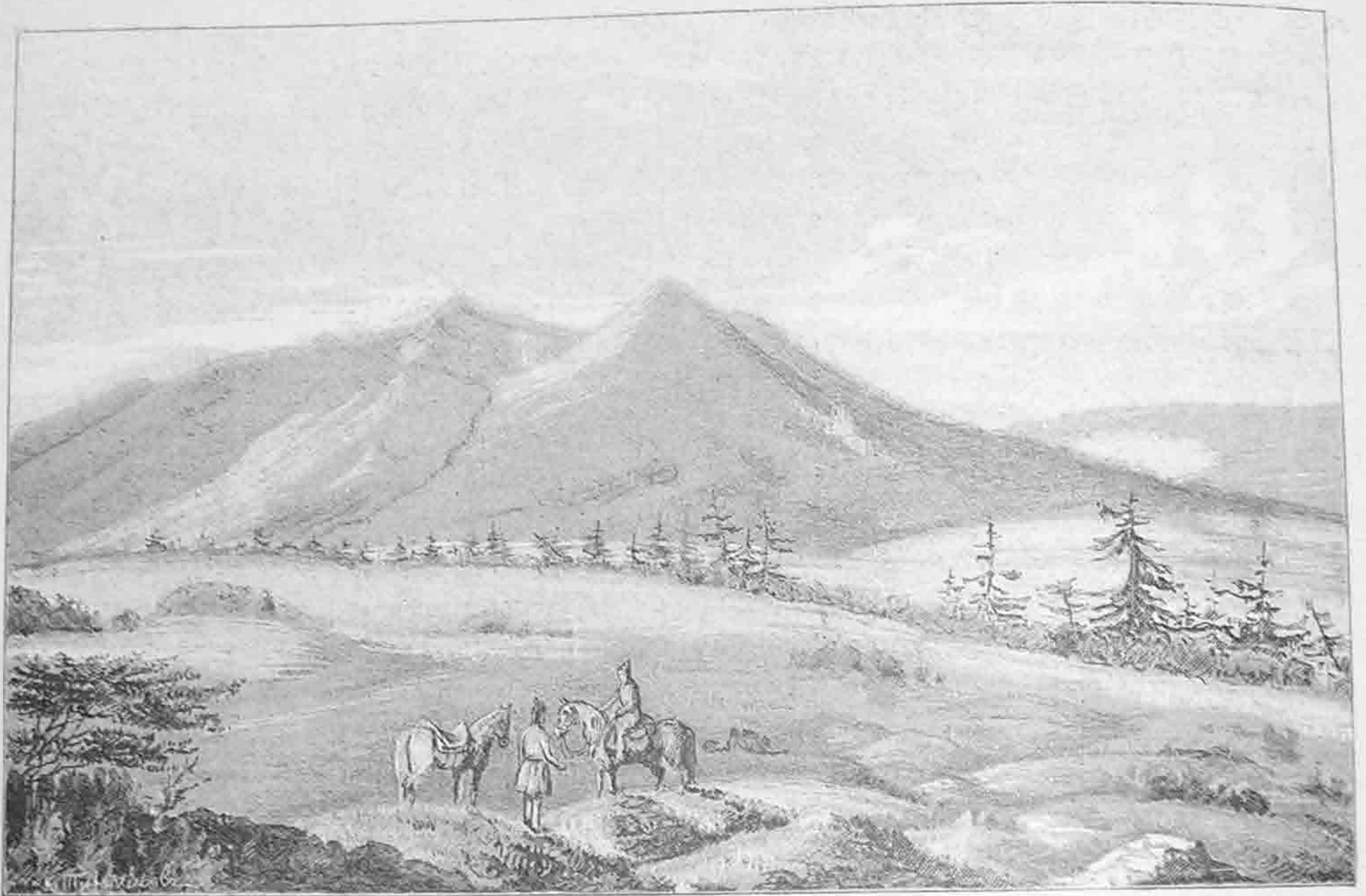
На Аянъ указалъ впервые правитель факторіи російско-американской компаніи въ Охотскѣ, гинъ. Ленже, именно въ 1832 году, когда компанія намѣревалась перенести свои строенія на Буз-Этому предложенію не было дано хода до 1843 года, когда капитанъ-лейтенантъ Завойко (начальникъ Камчатки, во время ея обороны въ 1854 году, въ послѣдствіи адмиралъ) отпра-вился самъ къ заливу Аянъ, для подробнаго изслѣдованія мѣстности и нашелъ заливъ и его окрестности вполне соответствующими желаемой цѣли. Правленіе російско-американской ком-паніи получило въ 1844 году Высочайшее соизволеніе на перенесеніе факторіи своей въ Аянъ; въ 1846 года факторія наименована портомъ, куда затѣмъ былъ переведенъ въ 1850 г. и портъ изъ Охотска. Аянъ лежитъ подъ 56 град. сѣверной широты, къ юго-западу отъ Охотска. За-ливъ этотъ былъ описанъ въ 1790 году капитанъ-командоромъ Ооминымъ, а въ 1832 году корпуса флотскихъ штурмановъ прапорщикомъ Шиловымъ. Съ 1-го ноября 1851 года соб-ственно почтовое сообщеніе было уже переведено на вновь устроенный трактъ изъ Якутска въ Аянъ.

И. А. Гончаровъ въ своемъ путешествіи «фрегатъ Паллада» даетъ описаніе Аяна, куда онъ прибылъ во второй половинѣ августа 1854 года... Наконецъ, на четвертый день плаванія по Охотскому морю на паровой военной шкунѣ «Востокъ» мы замѣтили на горизонтѣ какую то сѣрую, неприступную, грозную стѣну; это была куча громаднхъ утесовъ. По мѣрѣ нашего приближенія, они все казались страшнѣе, отвѣснѣе, неприступнѣе. Жилья и признаковъ нѣтъ. Да и какое тутъ можетъ быть жилье? Кажется на этихъ утесахъ и чайкамъ страшно сидѣть. Пустота, голъ и вышина, отъ которой духъ занимается, да свистъ вѣтра—вотъ характеръ этого мѣста. Здѣсь бы въ старину хорошо поставить разбойничій замокъ, если бы было кого грабить, а теперь развѣ поставить батареи. «Гдѣ же Аянъ?» спрашиваютъ наконецъ терпе-пѣливые, отвращая взгляды отъ безжизненныхъ утесовъ, которые не долго изучить. Шкуна между тѣмъ, убавивъ паровъ, подвигалась прямо на утесы. Вотъ два изъ нихъ посторонились и намъ открылись сначала два купеческія судна на рейдѣ, потомъ длинное деревянное строеніе на берегу съ красною кровлею. «Это пакгаузъ», замѣтилъ кто то, указывая на кровлю. Ущелье все раздвигалось и наконецъ намъ представилась довольно узкая ложбина между двухъ рядовъ высокнхъ горъ, усѣянныхъ березнякомъ и соснами. Беспорядочно разставленные, съ десятокъ, болѣе нежели скромныхъ домиковъ, стоящихъ другъ къ другу, какъ извѣстная изба на курнхъ ножкахъ, по очереди появлялись изъ за зелени; скромно за ними возникалъ зеленый куполь церкви съ золотымъ крестомъ. На пескѣ у самаго берега поставлена была батарея, на право отъ нея верфь, еще младенецъ, съ остовомъ новаго судна; дальше цѣлый лагерь палатокъ, двѣ, три юрты и между ними кочки болотъ. Вотъ и весь Аянъ. Это ни го-родъ, ни село, ни посадъ, а факторія американской компаніи. Она возникла нѣсколько лѣтъ назадъ, для замѣны Охотскаго порта, который не удобенъ ни съ морской, ни съ сухопутной стороны. Съ моря онъ гораздо открытѣе Аяна, а съ сухаго пути дорога отъ него къ Якутску представляетъ множество неудобствъ, между прочимъ, такъ называемые семь хребтовъ, от-раслей Становаго хребта, чрезъ которые очень трудно пробираться.

Аянскій портъ открытъ только съ юга и вѣтеръ съ этой стороны разводитъ крупное волненіе. Американская компанія имѣла здѣсь въ то время склады иностранныхъ товаровъ, которые привозились ея судами, и снабжала иностранныя суда разными потребностями. Это скромный маленькій уголокъ Россіи, въ 10,500 верстахъ отъ Петербурга. Въ 1854 году въ немъ было около двухъ сотъ жителей, состоявшихъ, кромѣ командира порта и нѣкоторыхъ служащихъ при конторѣ компаніи лицъ съ семействами, изъ нижнихъ чиновъ командирован-

ныхъ сюда на службу казаковъ и наконецъ якутовъ. Чиновники компаніи помещались въ домахъ, казаки въ палаткахъ, а якуты въ юртахъ. Казаки содержали караулы, смотрѣли за благочиніемъ; одного изъ нихъ даже называли полиціймейстеромъ. Якуты занимались перевозкою пассажировъ и владѣй, лѣтомъ на лошадяхъ, а зимою на собакахъ. Якуты все осыдлые и христіане, все одѣты чисто и, сообразно климату, хорошо. Мужчины и женщины носятъ фризовыя капоты, а зимою оленій или нерпачій мѣхъ, вывороченный на изнанку. Въ Аянѣ въ 1854 году былъ такой порядокъ торговли, что покупатель отыщетъ купца, тотъ отпереть лавку, отмѣряетъ или отрѣжетъ товаръ и затѣмъ снова запретъ лавку. Заливъ въ Аянѣ замерзаетъ въ декабрѣ и совершенно очищается въ іюль, хотя ледъ начинаетъ таять еще въ апрѣлѣ. Съ моря въ заливъ льда не заноситъ. Въ заливъ впадаетъ небольшая рѣчка Аянка и нѣсколько ручьевъ. Въ Аянскомъ заливѣ рыбы водится мало.

Удскій острогъ, или погостъ, окружной городъ Приморской области, лежитъ на лѣвомъ

Видъ горы Мороканъ близъ Охотека

берегу рѣки Уды, въ 90 верстахъ отъ впаденія ея въ Охотское море. Въ семнадцатомъ столѣтіи въ этомъ мѣстѣ выстроенъ былъ острогъ и запасный хлѣбный магазинъ, изъ котораго во время голода выдавался окрестнымъ тунгусамъ хлѣбъ за известную плату. Въ 1863 г. въ Удскомъ погостѣ считалось жителей 155 человекъ, а въ 1867 г. 161 человекъ. Въ погостѣ есть церковь и до десяти жилыхъ зданій. Погостъ построенъ на песчаномъ пригоркѣ лѣваго берега рѣки и состоитъ изъ двухъ небольшихъ отдѣленій, разграниченныхъ между собою незначительнымъ ручьемъ. Второе меньшее отдѣленіе примыкаетъ къ узкой долиной низменности, оканчивающейся лѣсомъ и болотомъ и составляющей сѣверо-западную оконечность главной долины, которая тянется отъ Удскаго до впаденія рѣки Половинной въ Удь. Въ этой долинѣ только и возможны посѣвы ячменя. При низкомъ уровнѣ воды рѣка Удь отходитъ отъ города на полверсты. Только при высокомъ уровнѣ воды по рѣкѣ Уди могутъ ходить лодки значительнѣйшаго размѣра, такъ какъ она распадается на множество рукавовъ, фарватеръ

которыхъ загроможденъ розсынами, камнями, плавучимъ лѣсомъ. Вслѣдствіе этого видъ рѣки уди при каждомъ измѣненіи уровня воды различенъ. При значительно высокомъ уровнѣ, рѣка по обѣ стороны доходитъ вплоть до склоновъ и отдѣльныхъ крутыхъ скалъ, между которыми заперта ея долина, или вырывается себѣ на поемныхъ мѣстахъ долинъ и лѣсистыхъ низменностей крутые, отвѣсные берега. Большіе острова, покрытые лѣсомъ, съ низкими, но крутыми берегами, высятся живописно надъ бурно стремящеюся чрезъ все препятствія водною поверхностью, ширина которой достигаетъ до $2\frac{1}{2}$ верстъ. Картина получается тогда величественная, но очень скоро измѣняющаяся.

Гижига или Гижигинскъ, также окружной городъ Приморской области, лежитъ на сѣверной оконечности Гижигинской губы, на лѣвомъ берегу рѣки Гижиги, при ея устьѣ. Въ прежніе годы это былъ острогъ, сооруженный для обузданія коряковъ, когда они еще не покорились окончательно русской власти. Въ 1775 году этотъ острогъ былъ приписанъ къ якутской провинціи, а въ 1783 году назначенъ былъ уѣзднымъ городомъ иркутскаго намѣстничества. Въ 1822 году Гижига былъ отнесенъ къ Охотскому Приморскому управленію, а при учрежденіи въ 1856 году Приморской области назначенъ мѣстомъ пребыванія исправника. Въ городѣ населеніе состоитъ изъ 419 душъ обою пола, имѣется провіантскій магазинъ, пороховой погребъ, домъ для земскаго управленія, домъ для исправника и казарма. Гижигинскъ въ отношеніи населенія и числа домовъ превосходитъ нынѣ Охотскъ, Аянъ и Удскій погостъ. Городъ часто затопляется рѣкою и въ продолженіе своего существованія, подобно Охотску, Якутску и другимъ сибирскимъ городамъ, три раза перемѣнялъ мѣсто своего расположенія. По дорогѣ изъ Гижигинска къ Охотску, въ 240 верстахъ отъ перваго города, близъ Таватамскаго селенія, находятся минеральные ключи столь высокой температуры, что въ нихъ можно варить мясо. Вода имѣетъ вкусъ горько солевой со свойствами сѣрныхъ водъ. Соболь почти совершенно истребленъ въ Гижигинскомъ округѣ и болѣе не попадается. Въ прежніе годы у гижигинскихъ купцовъ накоплялось бѣлки до 4,000 шкуръ, но бѣлка вдругъ исчезла изъ этой мѣстности, но въ недавнее время стала вновь появляться. Стоянка для судовъ въ Гижигинской губѣ крайне неудобна. У устья рѣки, гдѣ находится городъ, выстроено нѣчто въ родѣ маяка. Отъ мѣста, гдѣ можетъ остановиться корабль на глубинѣ $6\frac{1}{2}$ сажень въ приливъ до маяка оказывается разстояніе въ тринадцать миль (около 24 верстъ); отъ маяка же до города считается пятнадцать или двадцать верстъ. Сообщеніе поэтому съ берегомъ для большихъ судовъ очень неудобно. Берега Гижигинской губы не высоки, но удивительно ровны и обрывисты; кромѣ травъ на нихъ нѣтъ никакой другой растительности. Впрочемъ температура въ августѣ при самомъ ясномъ солнечномъ днѣ не превышаетъ 12 град. Нѣсколько далѣе отъ устья берегъ круто поднимается и на возвышеніи стоитъ такъ называемый маякъ, или лучше шестисторонняя корзинка, сплетенная изъ гнилыхъ бревенъ, футовъ десять вышиною. Огонь тутъ жгутъ только тогда, когда ждутъ корабль и притомъ не обыкновенный маячный огонь, а костеръ. Въ Гижигинскѣ почва не оттаиваетъ никогда на глубинѣ аршина; но въ іюнѣ снѣгъ быстро начинаетъ исчезать подъ вліяніемъ теплаго продолжительнаго дня; мѣстами земля обнажается отъ снѣга. Лишь только почва освободится отъ снѣга, нѣжные восковые лепестки брусники и астры и бѣлоснѣжныя кисти лабродорскаго чая начинаютъ бѣлѣть на мшистыхъ равнинахъ; березы, ивы, ольхи внезапно одѣваются листвою; берега рѣки покрываются зеленымъ мягкимъ ковромъ и теплый воздухъ наполняется въ продолженіе дня рѣзкими криками дикихъ лебедей, гусей, утокъ, летящихъ въ видѣ большихъ треугольниковъ высоко надъ облаками отъ моря на далекой сѣверъ. Черезъ три недѣли послѣ исчезновенія послѣдняго снѣга вся природа облечена уже въ Гижигѣ въ свой лѣтній нарядъ и наслаждается почти постояннымъ солнцемъ. Весны въ Гижигѣ не бываетъ.

Весь берегъ Охотскаго моря, на шесть сотъ верстъ къ западу отъ Гижиги, состоитъ изъ суровыхъ, обрывистыхъ, почти непроходимыхъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими долинами и

ущельями и густо поросших сосновыми и лиственничными лѣсами. Становой хребет тянется почти вдоль самаго берега; между его боковыми отрогами спускаются сотни маленькихъ рѣчекъ и потоковъ, которые текутъ по глубокимъ лѣсистымъ долинамъ въ море. Дорога отъ Гижиги до Ямска (бывшій острогъ), на протяженіи 300 верстъ, пересѣкаетъ всѣ эти рѣчки и боковые отроги подъ прямыми углами, проходя почти по срединѣ между главною цѣпью и моремъ. Черезъ большую часть этихъ кряжей легко переѣхать, только въ 150 верстахъ отъ Гижиги отъ центрального хребта отдѣляется къ морю горный кряжъ вышиною отъ 2,500 до 3,000 футовъ, который загораживаетъ дорогу. У подножія этихъ горъ проходитъ глубокая мрачная Валлигинская долина, верхній конецъ которой проникаетъ въ центральную стѣну Становыхъ горъ и служитъ проходомъ вѣтрамъ между моремъ и тундрами. Эта долина—громное естественное дыхательное отверстіе для тундръ. Другаго свободнаго прохода для воздуха въ Становомъ хребтѣ нѣтъ и потому неудивительно, что въ этой долині буря не прерывается. Тишина повсюду, а въ Валлигинской долині вѣтеръ дуетъ какъ настоящий ураганъ, срывая огромныя массы снѣга съ горныхъ склоновъ и унося ихъ въ море. Долина внушаетъ страхъ всѣмъ туземцамъ и она извѣстна подъ названіемъ «бурнаго ущелья».

Въ южной части Охотскаго моря, при входѣ въ Тугурскій заливъ, находятся Шантарскіе острова. По всѣмъ историческимъ даннымъ, надобно полагать, что они впервые были открыты казакомъ Поярковымъ, когда онъ, въ 1645 году, изъ Амура вышелъ въ Охотское море и высадился въ устьѣ рѣки Ули, южнѣе Охотска, и гдѣ за семь лѣтъ до него утвердились уже якутскіе казаки. Черезъ восемь лѣтъ послѣ поѣздки Пояркова, въ 1653 году, при устьѣ Тугура было учреждено этапное зимовье, въ видѣ Тугурскаго острога. Оно просуществовало, однако, не долго, такъ какъ сибирскія власти, заинтересованныя завоеваніемъ Камчатки, а равно утратою Амура, забыли о Шантарскихъ островахъ, чѣмъ воспользовались китайцы или ихъ мѣстные союзники, и въ 1683 году разрушили Тугурскій острогъ. По архивнымъ свѣдѣніямъ, извѣстія о Шантарахъ стали вновь поступать къ правительству только съ начала воеваванія семнадцатаго столѣтія. Въ 1709 году Сорокоумовъ привезъ извѣстія о Шантарахъ. Все дѣло о нихъ велѣно было сосредоточить въ Удскомъ острогѣ. Въ 1712 году изъ этого пункта снаряженъ былъ отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ Анбара, для осмотра этихъ острововъ. Анбара зимовалъ на одномъ изъ нихъ и возвратился въ 1714 году только съ двумя спутниками, такъ какъ всѣ остальные погибли. Въ 1718 году, подъ начальствомъ боярскаго сына Филькѣва, снаряженъ былъ новый отрядъ казаковъ, къ которымъ правительство велѣло присоединить нѣсколько матросовъ. Эта экспедиція возвратилась съ богатымъ запасомъ звѣрей, такъ что промыселъ пушны на Шантарскихъ островахъ обѣщавъ значительныя выгоды. Но какъ отряды, возвращавшіеся съ Шантарскихъ острововъ съ богатою добычею, подвергались нападенію и избіенію гиляковъ, обитавшихъ въ значительномъ числѣ въ то время между устьями Уди и Амура, то въ послѣдовавшіе затѣмъ десять лѣтъ поѣздки на Шантары прекратились. Только указомъ 1728 года, найденнымъ въ Удскомъ архивѣ, разрѣшено было: «отпускать на Шантарскіе острова охотниковъ, русскихъ и иноземцевъ, для промысла, дабы они достоверно увѣдомились, какіе на тѣхъ островахъ народы живутъ и какой звѣрь на нихъ промышляется; паче всего увѣдомить, чьи оныя владѣнія, китайскаго или другихъ какихъ народовъ, и отъ Удскаго, въ какомъ разстояніи обрѣтаются». Это сомнѣніе въ правѣ обладанія Шантарами длилось не долго. Черезъ три года, когда въ 1731 году Охотскъ былъ сдѣланъ средоточіемъ всѣхъ предпріятій по Восточному океану, когда всю сѣверную часть его стали захватывать со всѣхъ сторонъ подъ власть русскаго правительства, послѣднимъ предписано уже было отправлять отряды на Шантары для наложенія и сбора ясака. Въ продолженіе всего восемнадцатаго столѣтія безпрестанно давались мѣстными властями дозволенія частнымъ промышленникамъ для поѣздокъ на Шантары; но такъ какъ они обязаны были этими разрѣшеніями отдавать третью часть своей промысловой добычи казнѣ, то подобная не по силамъ подать

вскорѣ отбила охоту отъ экспедицій на эти острова и туда одно время ѣздили только туземцы, въ видахъ добычи пушینی для исправнаго взноса ясака. Съ 1754 года дѣланы были попытки производить промыселъ пушینی на Шантаргахъ на счетъ казны, но такіи попытки продолжались не болѣе десяти лѣтъ. Онѣ оказались невыгодными, по причинѣ утайки добычи. Результатъ былъ одинаковъ, какъ съ шантарскимъ казеннымъ промысломъ, такъ и съ казенными караванами въ Пекинъ, для торговли мягкою рухлядью, а равно и съ монопольнымъ торгомъ ревенемъ, которыми казна въ восемнадцатомъ столѣтіи думала обогатить себя, но не сла одни убытки, давая возможность наживаться однимъ своимъ недобросовѣстнымъ чиновникамъ, обкрадывавшимъ ее. Съ 1768 года правительство стало довольствоваться только десятою частью промысловой добычи на Шантарскихъ островахъ. Тогда для этого промысла стали составляться компаніи тюменскихъ и якутскихъ купцовъ. Но такая «компанія», получивъ, между прочимъ, право продавать водку и взявши на себя обязательство облегчить инородцамъ уплату ясака за себя и за умершихъ родичей, обратила туземцевъ въ родъ крѣпостныхъ работниковъ. Компанія посылала ихъ для промысла на пустынные острова безъ достаточнаго количества провіанта. Умирая съ голода, инородцы спасались бѣгствомъ и были приводимы казаками обратно для заработка назначенныхъ за нихъ податей. Такое положеніе дѣлъ было прекращено указомъ правительства въ 1798 году, когда купцамъ Стручковымъ запрещено было отправлять промышленниковъ на Шантарскіе острова и не дано было разрѣшенія этой компаніи поселяться при устьѣ рѣки Уди. Съ другой стороны, нельзя не пожалѣть о прекращеніи дѣятельности этой компаніи, потому что въ послѣдніе годы она стала расширять свои предпріятія по направленію къ устью Амура и на островъ Сахалинъ и слѣдовательно, могло легко случиться, что уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія русскіе утвердились бы въ этихъ мѣстахъ и, такимъ образомъ, на пятьдесятъ лѣтъ предупредили бы ихъ послѣдующее занятіе. Большой пожаръ, происшедшій по неосторожности зимовавшихъ тамъ казаковъ, истребилъ на главномъ островѣ Шантарской группы лѣса, а съ ними и его богатство лисицами и соболями, что и отбило у промышленниковъ пушینی охоту ѣздить туда.

Названіе этихъ острововъ Шантарскими впервые появилось на картѣ, изданной въ 1758 году при императорской академіи наукъ, подъ надзоромъ Миллера, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Карта, представляющая изобрѣтенія российскими мореплавателями, соч. при импер. академіи И. Ив. Трускотомъ». Въ рукописномъ экземплярѣ это названіе появилось еще ранѣе, именно въ 1720 году, на картѣ, составленной геодезистами Евреиновымъ и Луинымъ, которые были отправлены Петромъ Великимъ для съемки Камчатки и Курильскихъ острововъ. На этой картѣ два самые западные острова называются Пустые Малые, изъ двухъ самыхъ восточныхъ сѣверный называется Медвѣжій, а южный названъ Шантарскимъ. Карта 1720 года на латинскомъ языкѣ хранится въ библіотекѣ академіи наукъ. На картѣ 1758 года Шантарскіе острова вообще нанесены довольно вѣрно.

Всѣхъ Шантарскихъ острововъ насчитываютъ до двѣнадцати. Они гористы, утесисты, необитаемы. Правительство очень долго, болѣе столѣтія, не вѣрило, чтобы тамъ не было жителей, и приглашало промышленниковъ всѣми мѣрами и ласками призывать тамошнихъ инородцевъ къ подданству и къ платежу ясака; но всѣ историческіе документы въ сибирскихъ архивахъ доказываютъ, что постоянныхъ жителей на Шантарскихъ островахъ никогда не бывало. Самый большой изъ этихъ острововъ имѣетъ около 210 верстъ въ окружности, и потому называется Большимъ Шантаромъ. Второй по величинѣ островъ называется Феклистовъ, равняющійся по пространству трети наибольшаго острова. По величинѣ за Феклистовымъ слѣдуетъ Малый Шантаръ, а затѣмъ еще девять—все меньше и меньше. Послѣдніе обставлены множествомъ крутыхъ скалъ, которыя у многихъ мысовъ выдаются въ море, въ видѣ окончанія южныхъ хребтовъ, какъ то повторяется и на многихъ мысахъ, выдающихся съ материка въ Охотское море.

Наиболее обстоятельное описание Шантарских островов сообщено г. Миддендорфом, совершившим в сороковых годах путешествие на север и восток Сибири по поручению императорской академии наук. 9-го июня 1844 года он прибыл в Удский острог, где постройка байдары задержала его до 28-го июня. В этот день он отвалил от селения и по быстрому течению реки Уды утром следующего дня был уже на ее устье, в 90 верстах от острова, но там должен был простоять еще две недели, пока Охотское море не очистилось от льда и сделалось свободным для плавания. 9-го июля байдара вышла в море по направлению к востоку. На ночь Миддендорф пристал к южному берегу Охотского моря, близ южной речки Джукджандронь. Лед продержал его там еще неделю. 15-го июля Миддендорф дошел до восточной оконечности Медвѣжьего острова и должен был, по причине густых льдов, обождать там до 18-го числа. В этот день он отправился далее на восток и у западного из двух мысов Дугандя в первый раз испытал силу течений в Охотском море. Миддендорф первоначально думал преодолеть их сильными двенадцатью гребцами, но наперекор дружным, широким взмахам двенадцати весел, морское течение неудержимо, с яростию горного потока, отрывало байдару от берега, так что Миддендорф, окруженный ледяными глыбами и сопровождавшим их туманом, считая себя счастливым, когда опять мог стать на якорь в виду берегов, а на ночь укрыться в Лебяжьей губе. На другой день, Миддендорф снова пустился на восток, и у самой крайней оконечности восточного Дугандя опять попал в бѣду. На этот раз стремительность течения была в борьбе с сильным ветром и он едва не попал между ледяных глыб, сильно напавших друг на друга и с громом бушевавших. Урок оказался до того грозным и поучительным, что Миддендорф простоял после того десять дней и выждал пока лед совсем не скрылся из вида на север за Шантарские острова. Только 30-го июля вновь удалось Миддендорфу выйти в море и пристать к небольшому острову Мутыхангда, где опять прождал до 4-го августа, когда, наконец, дорога в море совершенно очистилась от льда, и путешникам посчастливилось проплыть на парусах до острова Большого Шантара, на котором они пробыли неделю.

Первый из Шантарских островов, к которому пристал Миддендорф в своем плавании на байдарѣ, был лѣсистый остров Медвѣжий, отстоящий от материка на шесть верст. В длину он простирается от северо-запада к юго-востоку, и на обоих концах увеличивается как в ширину, так и в высоту. Западный конец составляет главную массу острова и опускается в море крутыми скатами, по большей части отвѣсно, в несколько футов высоты. Восточный конец, меньшаго объема и меньшей высоты, соединяется с западным посредством узкого каменного хребта, который во многих местах немного более полуверсты шириною, а в одном месте сѣдом спускается к морю на север и на юг. Эта средняя часть хребта составляет самую низкую отлогую часть острова. Восточная половина южного берега окаймлена широким уступом из каменной розыши, который по большей части затопляется приливами, от чего во время отливов на этом хребте остаются озера; частью же сторона этого уступа, прилегающая к скалистым крутизнам острова, покрыта дерном. В некоторых местах из широкой розыши простираются в море, по направлению к югу, длинные гряды булыжника, из которых отличается одна, более полторы версты длиною, составляющая продолжение южной оконечности восточного края острова. Оставаясь обнаженной только во время отливов, она, при быстротѣ течения, в высшей степени опасна для всѣх близко проходящих судов. У основания этой банки находится прекрасное пристанище для вытаскивания на берег лодок. Здесь также опушка лѣса, вопреки общему правилу, опускается близко к морской поверхности, соединяясь с возвышенностью острова посредством покатости, также поросшей лѣсом. С высоты крутой скалы, Миддендорф видѣлъ, что по меньшей мѣрѣ часть обрывистого и

очень высокаго сѣвернаго берега Медвѣжьяго острова окружена такими-же розсыпями. Весь южный берегъ этого острова представляетъ неглубокую выемку, которая дѣлится на двѣ половины низменнымъ мысомъ, поросшимъ деревьями. Этотъ мысъ опускается къ низкому, также покрытому лѣсомъ хребту, который сѣуживается къ морю. Къ западу отъ мыса до южной оконечности западной половины острова южный берегъ состоитъ изъ пяти небольшихъ выемокъ. Къ востоку отъ того-же мыса начинается самая низменная часть острова и самое широкое мѣсто розсыпи. Эта низменная часть не шире 300 сажень. Восточная половина южнаго берега имѣетъ форму трехъ выемокъ, ясно отдѣляющихся одна отъ другой. Миддендорфъ не нашелъ на Медвѣжьемъ островѣ ни одного ручейка и воду для своихъ потребностей онъ долженъ былъ добывать изъ льда.

Затѣмъ Миддендорфъ посѣтилъ островъ Малый Эге, лежащій между материкомъ и Большимъ Шантаромъ. Эге онъ называется на якутскомъ языкѣ, по-тунгусски Мутыхангда (какое названіе усвоилъ въ своемъ атласѣ адмиралъ Тебенъковъ). Поручикъ штурмановъ Козьминъ, на своей картѣ, назвалъ его островъ Утячій. Главною массою своего небольшого пространства этотъ островъ простирается въ направленіи отъ сѣверо-востока къ остроконечному полуострову, раздвоенному въ видѣ вилъ. Главный зубецъ этихъ вилъ, восточный, очень тонокъ. Несмотря на высоту, которая все еще простирается на нѣсколько сотъ футовъ, онъ имѣетъ острую вершину, какъ конецъ кровли, и по обѣ стороны къ морю такъ крутъ, что съ него трудно, даже невозможно сойти. Главная масса острова, поросшаго непрерывнымъ и густымъ лѣсомъ, простирается волнистою возвышенностью на нѣсколько сотъ футовъ надъ моремъ, а самую высокою вершиною болѣе тысячи футовъ. Отъ этой возвышенности имѣется направленіе отъ южной оконечности острова къ главному зубцу вилообразнаго раздвоенія; но такъ какъ возвышенность идетъ сперва по западному берегу и только у корня полуострова переходитъ къ восточному, то главный водоемъ острова, ручеекъ, течетъ къ морю на юго-востокъ, тогда какъ другой ручей, еще меньше, текущій на сѣверъ, впадаетъ въ промежутокъ при раздвоеніи полуострова. У сѣверной оконечности главной массы острова возвышенность такъ близко подходитъ къ берегу, что большой ручей низвергается со скалы прямо въ море. Островъ Эге окруженъ множествомъ скалъ, которыя то зарываются подъ водою, то высовываются изъ нея (въ видѣ конуса). Самые берега по большей части обрывисты, вышиною отъ 300 до 500 футовъ, и только при большихъ отливахъ являются съ узкою каймою въ бухточкахъ. Гдѣ видны отлогія покатости, тамъ не трудно замѣтить, что онѣ произошли и происходятъ изъ разрушившихся каменныхъ глыбъ, отъ развалившихся обрывистыхъ утесовъ.

Островъ Большой Шантаръ имѣетъ поверхность почти въ 50 квадратныхъ географическихъ миль. Миддендорфъ, въ продолженіе своего семидневнаго пребыванія на этомъ островѣ, точнѣе изслѣдовалъ только Якшинну губу, на южномъ его берегу, но ходилъ оттуда на вершины высотъ, поднимающихся въ сѣверо-восточномъ и восточномъ направленіяхъ отъ устья Якшины. Съ этихъ высотъ Миддендорфъ увидѣлъ разные другіе острова и обозрѣлъ поверхность самого Большого Шантара. Черезъ высокую гряду западнаго берега, Миддендорфъ видѣлъ южный берегъ острова Феклистова; между дикихъ вершинъ вдоль восточнаго берега обрисовывался островъ Кусовъ, представляющій собою усѣченный конусъ, къ которому примыкаетъ съ одной стороны уступъ; наконецъ и въ юго-восточномъ направленіи видѣлись два мыса острова Малый Шантаръ. Доступнѣе всего былъ видъ большаго озера, которое изнутри острова Большой Шантаръ на двѣнадцать верстъ въ длину простирается къ сѣверному его берегу и прорвалось въ море чрезъ каменную розсыпь. Отъ глухаго конца этого озера тянется болотистая низменность (по сибирски калтусъ), верстъ въ пятнадцать шириною, свертая водною поверхностью до истоковъ рѣки Якшины и до сѣверо-западнаго конца острова. Сама рѣка Якшина течетъ по низкой, болотистой, однако лѣсной, долигѣ, шириною отъ двухъ до десяти верстъ. Въ глухомъ концѣ озера должна впадать, кромѣ рѣки Средней,

еще другая рѣка не менѣе той, но текущая съ юга на сѣверъ. Истоки этой рѣки берутъ свое начало на южномъ берегу острова между истоками Малаго Анаура и рѣки Крестовой. Берегъ около устья рѣки Якшины составляетъ глиняная низменность, подмываемая водою. Чрезъ него Якшина проложила множество своихъ маловодныхъ устьевъ, сквозь которыя она несется по каменной розсыпи въ море. На отлогомъ песчаномъ склонѣ праваго берега Якшины и впадающаго въ нее ручейка, Миддендорфъ нашелъ остатки, отчасти въ развалинахъ, селенія, которое имѣла намѣреніе основать тамъ въ 1830 году, подъ начальствомъ Козьмина, російская сѣверо-американская компанія. Селеніе состояло изъ двухъ бревенчатыхъ избъ, съ ошнями со слюдою, одной юрты, двухъ магазиновъ, бани и трехъ тунгусскихъ балагановъ. Передъ прібытіемъ Миддендорфа къ этому селенію, огромный медвѣдь избралъ это мѣсто для своего смертнаго ложа. Около медвѣдя, уже нѣсколько тронушагося отъ солнечнаго зноя, лежала помадная банка и нѣсколько другихъ мелочей, брошенныхъ на берегу этого пустыннаго острова прежними посѣтителями, вѣроятно, второпяхъ, при отъѣздѣ. Западный берегъ Якшинской губы явно раздѣляется на двѣ половины мысомъ, противъ котораго, въ 50-ти сажняхъ отъ берега, возвышается отъ моря утесъ, названный Козьминымъ Кекуръ Топазный. При отливѣхъ, дно моря предъ Якшиной губой обнажается саженъ на полтораста, причемъ видно, что глинистый грунтъ еще далеко простирается подъ водою съ такимъ же малымъ наклономъ. Приставать во время отлива не только мѣшаетъ тинистая глина, но и выглядывающіе изъ нея острые камни, особенно опасные для кожаныхъ лодокъ. Восточный берегъ Якшиной губы къ югу отъ устья Якшины быстро поднимается, такъ что у мыса Анаура онъ стоитъ уже утесомъ отъ 400 до 500 футовъ вышины, хотя продолженіе этихъ скалъ версты на полторы въ море такъ понижается, что выходитъ наружу только при отливѣ. Съ высоты каменной стѣны мыса живописно льется на край берега небольшой водопадъ. Множество подводныхъ и надводныхъ камней идутъ вдоль берега до другой стороны устья Анаура и тамъ въ островѣ Олаѣ, окруженномъ рифами, достигаютъ наибольшаго своего развитія. Устье рѣки Большой Анауръ находится въ широкой долинѣ, поросшей густымъ лѣсомъ и окруженной высокими горами. Узкая каменная розсыпь, сплоченная глиною, простираясь вдоль берега, такъ запираетъ Анауръ при его устьѣ, что воды этой рѣки затопляютъ всю правую низменность долины. Отъ устья Якшины мысъ Анауръ лежитъ въ двѣнадцати верстахъ. Большой Анауръ образуется сліяніемъ двухъ ручьевъ. У Малаго Анаура гора отлого спускается къ морю; къ этой покатости прилегаетъ песчаный слой, чрезъ который проложилъ себѣ дорогу ручей.

Одинъ изъ небольшихъ Шантарскихъ острововъ имѣетъ форму сахарной головы, почему и названъ такимъ именемъ. Онъ былъ измѣренъ тригонометрически поручикомъ Козьминымъ, причемъ оказалось, что его высота имѣетъ 1320 футовъ надъ уровнемъ моря. Между горными хребтами разныхъ Шантарскихъ острововъ нельзя отыскать схода въ направленіи, потому что они идутъ по всѣмъ направленіямъ. Такъ на островѣ Большомъ Шантарѣ главный подъемъ тянется вдоль восточнаго берега, въ видѣ безпорядочной массы безлѣсныхъ, но округленныхъ вершинъ. Перпендикулярно этому хребту восточнаго берега, во всю длину острова, къ сѣверо-западному его концу, тянется цѣль высотъ, составляющая переходъ къ лѣсистому хребту, окаймляющему западный берегъ. Внутри острова Большого Шантара нигдѣ не видно утесистыхъ обрывовъ, но повсюду оказываются только округленные вершины, усѣянные вывѣтрившимся хрящемъ.

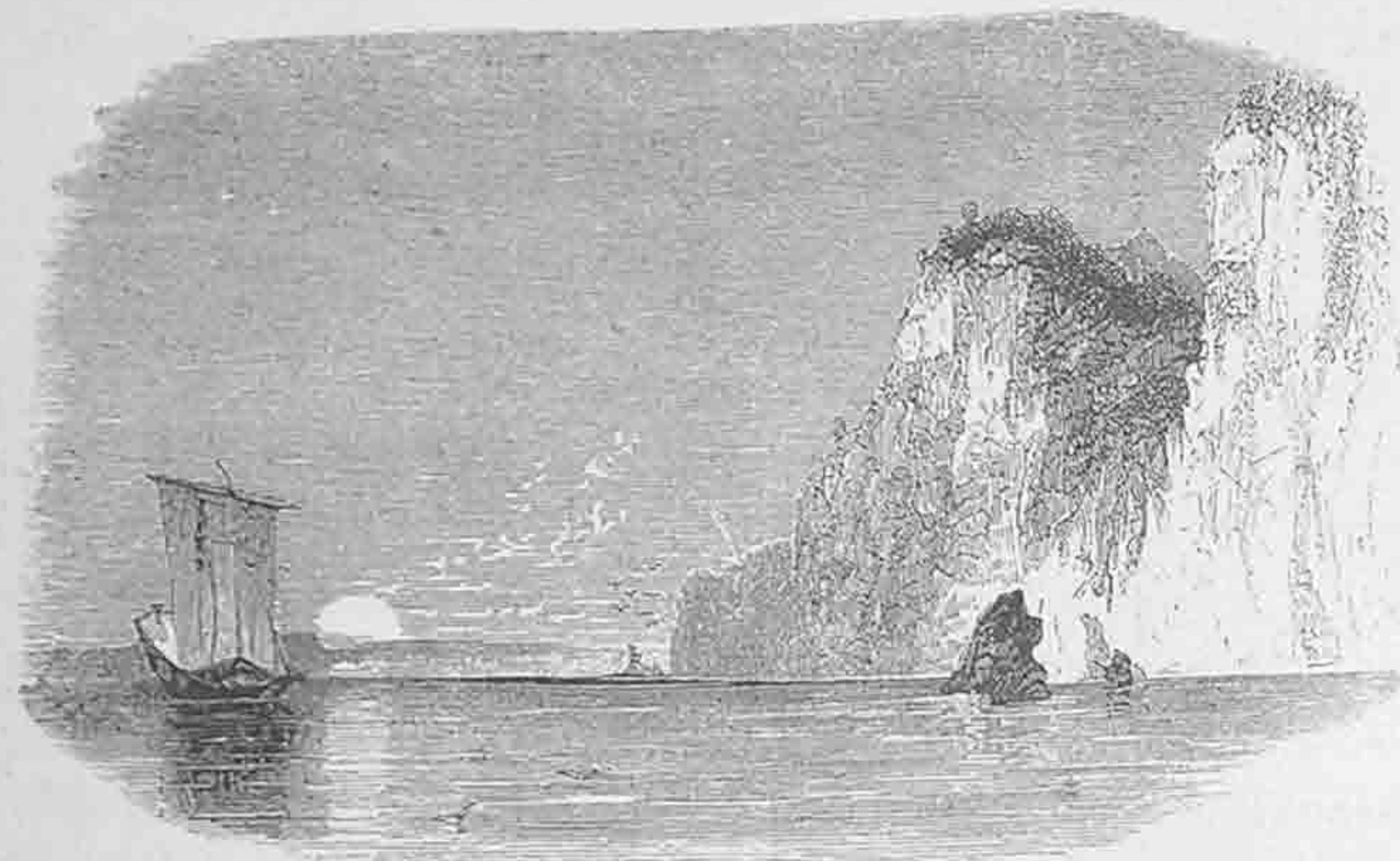
Болѣе десяти лѣтъ спустя послѣ Миддендорфа, въ 1855 году, Шантарскіе острова были посѣщены американскимъ военнымъ пароходомъ, посланнымъ въ Охотское море въ интересахъ американскаго китобойнаго промысла. «Въ день отъѣзда изъ Аяна, въ первыхъ числахъ сентября, — сообщаетъ Гейне, — мы уже увидали Шантарскіе острова и стали на якорь въ бухтѣ острова Феклистова, самомъ значительномъ заливѣ въ этой группѣ острововъ. Мы выходили

на берегъ только въ этомъ пунктѣ, но, проѣхавъ затѣмъ на пароходѣ мимо другихъ острововъ Шантара, мы нашли, что всѣ они похожи другъ на друга. Эти острова скорѣе холмисты, чѣмъ гористы, покрыты густыми еловыми и березовыми лѣсами, орошаются множествомъ источниковъ съ проточною водою и на нихъ, сколько мы могли узнать, нѣтъ вовсе жителей. Хотя почва на нихъ чрезвычайно плодородна и растительность, вслѣдствіе того, роскошная, однако, животныхъ тамъ, повидимому, немного. Отъ китолововъ, съ которыми мы говорили о Шантарскихъ островахъ, мы получили странныя и невѣроятныя ихъ описанія. Такъ одинъ изъ нихъ рассказывалъ намъ, что онъ стоялъ въ бухтѣ одного изъ Шантарскихъ острововъ съ двумя стами другихъ китолововъ, что въ тамошнихъ лѣсахъ обитаетъ множество черныхъ медвѣдей. Люди съ одного изъ его ялботовъ напали на одного медвѣдя и ранили его, вслѣдствіе чего онъ самъ бросился на американцевъ и не только заставилъ удалиться въ ялботъ, но пустился за ними вплавь, пока они не убили его гарпунами и копьями. Другой капитанъ американскаго китоловнаго судна сообщилъ намъ странныя басни про повышение и пониженіе прилива и отлива и о необыкновенномъ множествѣ китовъ, появившихся въ предшествовавшемъ году въ мѣстности Шантарскихъ острововъ. Этотъ капитанъ рассказывалъ намъ, а другой подтвердилъ его слова, что онъ убилъ гарпуномъ кита на глубинѣ шести саженъ, а нѣсколько часовъ спустя на томъ самомъ мѣстѣ собиралъ раковины съ непокрытаго водою песка. Хотя мы провели три или четыре дня около Шантарскихъ острововъ, однако, не видали ни раковинъ, ни китовъ, ни медвѣдей и не замѣтили ничего необыкновеннаго въ повышеіи или понижеіи морского прилива. Но за то теченія въ различныхъ проливахъ, которыми отдѣляются одинъ отъ другаго Шантарскіе острова, оказались до того стремительными, что дѣлаютъ опаснымъ плаваніе по нимъ даже для паровыхъ судовъ. Когда мы стали на якорь въ заливѣ Феклистова, то нашли тамъ уже многихъ китолововъ, которые усердно запасались тамъ водою и дровами. Эти китоловы сильно жаловались на особенную рѣдкость китовъ въ 1855 году въ Охотскомъ морѣ и затѣмъ стали говорить, что пойдутъ отыскивать ихъ въ болѣе сѣверной части этого воднаго бассейна. Одинъ китоловъ за другимъ оставили заливъ, и только нашъ военный пароходъ остался въ немъ. На другое утро двѣ шлюпки были отправлены съ парохода: одна для изслѣдованія этой гавани, другая за дровами и водою. Судовой врачъ съ ружьемъ отправился внутрь острова и въ теченіи всего дня убилъ только двухъ бѣлокъ, не встрѣтивъ ни одного медвѣдя. Бѣлки были покрыты необыкновенно густымъ мѣхомъ. Одна была величиною съ обыкновенную сѣрую бѣлку, но мѣхъ ея былъ темносѣрый и имѣла длинный, черный, блестящій хвостъ. Другая была рыжеватого цвѣта съ узкими темными полосами на спинѣ и почти была безъ хвоста. Последнюю бѣлку врачъ поймалъ живьемъ. Эти бѣлки питаются небольшими орѣхами, растущими на хвойномъ деревѣ, которое здѣсь является передъ глазами густымъ лѣсомъ. Мы потомъ покупали эти орѣхи (кедровые) корзинами у туземцевъ на устьѣ Амура, какъ для корма бѣлки, такъ и потому, что они намъ самимъ нравились. Деревья, на которыхъ росли эти орѣхи, отличались своею стройностью, и такъ какъ мы опасались вскорѣ остаться вовсе безъ каменнаго угля, то срубили нѣкоторое число ихъ и взяли на пароходъ, чтобы въ случаѣ нужды употребить ихъ также на реи и мачты. Сто тысячъ кораблей могли бы застисъ подѣлочнымъ корабельнымъ лѣсомъ на одномъ этомъ островѣ. На второй вечеръ послѣ нашего прибытія къ этому Шантарскому острову наша шлюпка возвратилась съ берега съ какимъ-то растеніемъ, имѣвшимъ свѣжій зеленый видъ, которое, по словамъ одного китолова, могло служить хорошимъ суррогатомъ шпинату. Мы узнали въ этомъ растеніи дикій ревень, который сваренный въ видѣ овоща, можетъ быть употребляемъ въ пищу. Этотъ ревень имѣлъ сильный вяжущій вкусъ, но врачъ намъ объявилъ, что именно это его свойство составляетъ превосходное противоцинготное средство. Мы вскорѣ облюбовали это кушанье, и передъ отплытіемъ съ Шантарскихъ острововъ запаслись имъ въ значительномъ количествѣ. Дикій ревень росъ повсюду по хол-

мамъ въ изобиліи и его лекарственныя свойства уже нѣсколько лѣтъ были извѣстны китоловамъ. Въ 1854—1855 году англійскія и французскія военныя суда, плававшія по Охотскому морю, также запасались на его берегахъ дикимъ ревенемъ, какъ противоцинготнымъ средствомъ. Шантарскіе острова, по мнѣнію посѣтившихъ ихъ американцевъ, не представляютъ никакихъ признаковъ вулканическаго происхожденія, чѣмъ и отличаются отъ другихъ возвышенныхъ, уединенныхъ образований. У береговъ этихъ острововъ нѣтъ большой глубины. Между островами и материкомъ глубина моря умеренная, между тѣмъ, какъ каменныя гряды и скалы дѣлаютъ опаснымъ плаваніе между ними. Приливы выкатываются на берегъ острововъ съ необыкновенною быстротою, отъ пяти до семи узловъ въ часъ и тѣмъ увеличиваютъ опасность плаванія въ проливахъ между островами. Периодическія бури, очень сильныя, опустошаютъ роскошныя лѣса и выбрасываютъ пенящееся море на скалистые берега. Повсюду, гдѣ мы не высаживались или проѣзжали мимо пустынныхъ береговъ, мѣстность представлялась намъ непроницаемою чащею, состоящею изъ высокоствольныхъ елей или сосенъ, которыя простирались отъ моря до вершинъ горъ и указывали намъ на существованіе цѣлыхъ лѣсовъ превосходныхъ мачтъ и рей. Въ Гонгъ-Конгѣ, Шанхаѣ подобныя мачты и рей продавались неслыханно дорого, по пятидесяти, двѣсти и триста долларовъ, а между тѣмъ, ничего

не было бы легче, какъ явиться на эти острова съ десяткомъ дровосѣковъ и опытнымъ корабельнымъ мастеромъ и нарубить безъ всякихъ расходовъ и пошлинъ цѣлый корабельный грузъ подобныхъ мачтовыхъ деревьевъ».

Курильскіе острова представляютъ собою гряду острововъ, простирающуюся отъ южной оконечности Камчатки до восточной оконечности Японскаго острова Іезо или Матсмая и отдѣляющую Охотское море отъ Великаго океана. Самые большіе изъ острововъ суть: Итурупъ, Параму-

Изъ группы Курильскихъ острововъ.

ширь, Урупъ, Кунаширь, а на второмъ планѣ стоятъ Онекотанъ и Симусиръ.

Курильскіе острова были открыты голландскимъ капитаномъ де-Фризомъ (плававшимъ въ 1634 году на корабляхъ Кастрикумъ и Брескасъ); впрочемъ этотъ мореплаватель принялъ гряду острововъ за побережье материка. Русскіе получили первыя свѣдѣнія о Курильскихъ островахъ въ 1710 г. отъ японцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и выброшенныхъ на берегъ Камчатки въ Калигирской губѣ (одинъ изъ этихъ японцевъ, Санима, былъ посланъ въ С.-Пб. въ 1710 г.).

Въ 1711 г. казаки Дан. Анцыфоровъ и Ив. Козыревскій переправились на островъ Шумшу, гдѣ имѣли битву съ камчадалами, обитавшими въ то время на этомъ острову и занявшими, какъ кажется, этотъ островъ послѣ бунта своего въ Камчаткѣ въ 1706 году. На захваченныхъ у жителей Шумшу судахъ казаки переправились и на островъ Итурупъ, но многочисленность встрѣченныхъ тамъ курильцевъ заставила ихъ возвратиться назадъ. Въ 1712 и 1718 гг., по распоряженію Якутскаго воеводы, князя Вас. Ив. Гагарина, были снова посылаемы, подъ начальствомъ того же казака Ив. Козыревскаго, экспедиціи для занятія острововъ Шумшу и Итурупа и обложенія ихъ жителей ясакомъ, что и было исполнено. Въ 1720 г. штурманскіе ученики Ив. Евреиновъ и Фед. Лукинъ съ голландскимъ матросомъ Генрихомъ Бушемъ доходили до острова Онекотана. Въ 1738 г. извѣстная экспедиція Шпанберга и Вальтона, слѣдуя вдоль Курильскихъ острововъ, доходила до Японіи.

Въ 1766—67 г. казацкая экспедиція, высланная для собиранія ясака на Курильскихъ островахъ, собрала первыя о нихъ обстоятельныя извѣстія. Изъ руководителей этой экспедиціи, сотникъ Ив. Черный доходилъ до Итурупа, а подштурманъ Очерединъ до самаго Матсмая. Въ 1775 года якутскій купецъ Ласточкинъ снарядилъ на Курильскіе острова судно, на которомъ двор. Ив. Антипинъ доѣхалъ до острова Урупа, но здѣсь потерпѣлъ крушеніе, хотя впрочемъ, не потерялъ при этомъ ни одного человека. Въ 1777 г. тотъ же Ласточкинъ, вмѣстѣ съ Григ. Шелеховымъ, снарядилъ на Курильскіе острова другое судно, которое, подъ управленіемъ штурмана Михаила Петушкова, зимовало на островѣ Урупѣ и высылало подштурмана Очередина съ тремя байдарами до самаго острова Матсмая. Въ 1778 г. судно возвратилось благополучно въ Охотскъ, но въ томъ же году было снова снаряжено, подъ управленіемъ дворянина Антипина и купца Шебалина, и опять зимовало на Урупѣ. Въ 1779 году Шебалинъ ѣздилъ съ байдарами до Матсмая, но въ 1780 г., при сильномъ подморскомъ изверженіи и землетрясеніи (особенно опустошившемъ Кетой, Симусирь и Чирной), русское судно было выброшено на берегъ Урупа и вся партія обратилась въ Камчатку на байдарахъ. Въ 1779 г. проѣхалъ мимо Курильскихъ острововъ Кингъ, спутникъ Кука, въ 1789 г. кап. Сарычевъ, въ 1796—97 г. англійскій мореплаватель Броутонъ, въ 1802 лейт. Хвостовъ и Давыдовъ, въ 1805 капитанъ Крузенштернъ; въ 1811 г. Курильскіе острова были посѣщены капитаномъ Головинымъ, который былъ взятъ въ плѣнъ обманомъ японцами на островѣ Кунаширѣ. Въ 1795 г. основана факторія русско-американской компаніи на островѣ Урупѣ и компаніи предоставлены права промышленности на всѣхъ Курильскихъ островахъ до Итурупа. Курильскіе острова, всѣ безъ исключенія, весьма гористы, поднимаются весьма круто отъ уровня моря и представляютъ вообще мало удобствъ для высадки на берегъ. Курильскіе острова состоятъ преимущественно изъ вулканическихъ породъ. На островахъ есть еще нѣсколько дѣйствующихъ вулкановъ, какъ напр. на островахъ Алайдѣ, Экармѣ, Мусирѣ, Райкоке, Матуа, Итурупѣ, и погасшихъ, какъ напр. на Онекотанѣ, Харимкотанѣ и Сумусирѣ, также горячіе ключи, какъ напр. на островѣ Ушисирѣ.

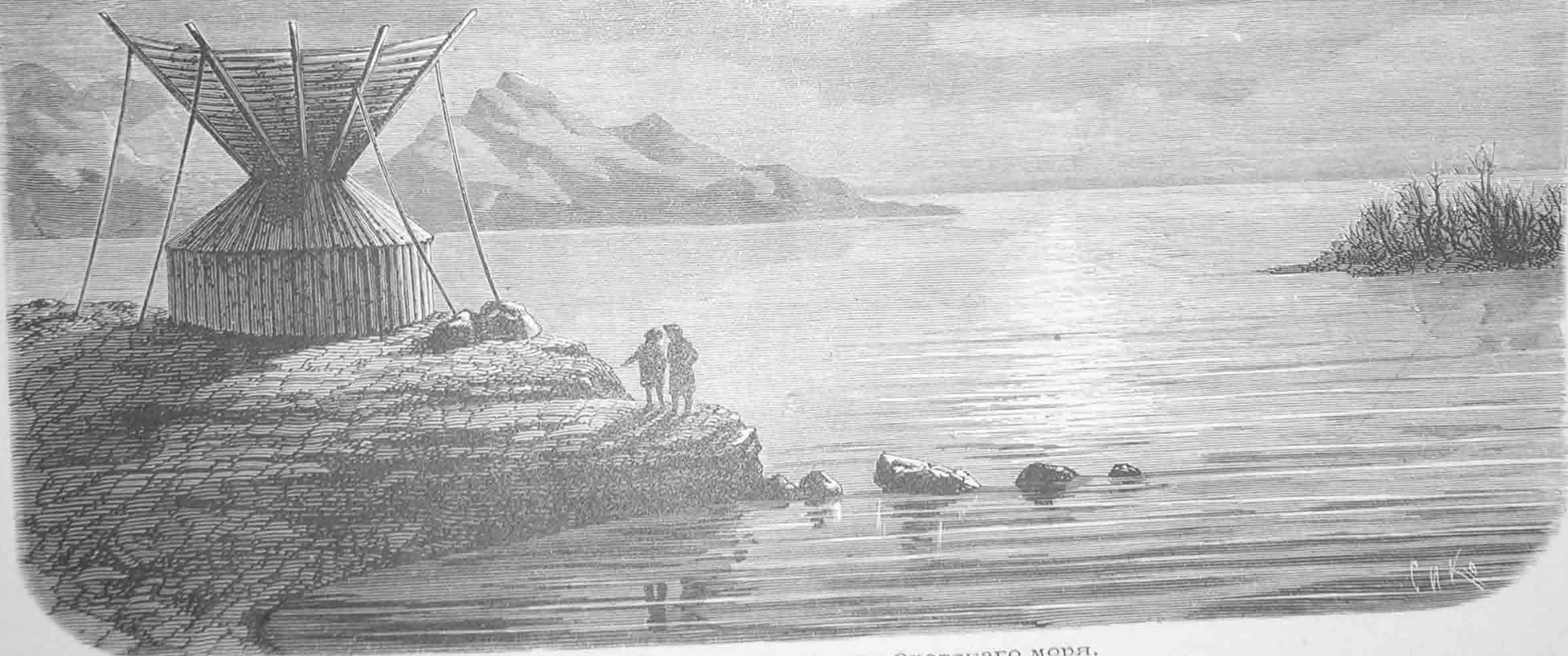
Климатъ Курильскихъ острововъ гораздо холоднѣе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ ихъ географическаго положенія между 51° и 44° сѣверной широты, вслѣдствіе частыхъ тумановъ, препятствующихъ нагрѣвательному дѣйствию солнечныхъ лучей, вслѣдствіе чего, также какъ и вслѣдствіе сырости атмосферы, нѣкоторыя вершины Курильскихъ острововъ постоянно бываютъ покрыты снѣгомъ, хотя вершины эти не превосходятъ, какъ кажется, высоты отъ трехъ до пяти тысячъ фут., за исключеніемъ острова Алайда, который значительно выше. Флора острововъ довольно бѣдна, за исключеніемъ самыхъ южныхъ, на которые переходятъ многія растенія японской флоры. Лѣсной растительности на Курильскихъ островахъ почти нѣтъ, за исключеніемъ острововъ Кунашира, Итурупа и Урупа.

Въ 1860 году во всемъ отдѣлѣ Курильскихъ острововъ, принадлежавшемъ русско-американской компаніи, жителей считалось всего 221 душа обою пола и въ томъ числѣ былъ 1 русскій, 18 креоловъ и 202 курильца. Въ этотъ счетъ не входили жители Японскихъ острововъ. Съ 1857 года по половину 1860 года компанія вывезла съ Курильскихъ острововъ 1078 шкуръ морскихъ бобровъ и 978 лисицъ, которыя количества даютъ понятіе о размѣрѣ промысла, производившагося на островахъ. 26 апрѣля 1875 года между Россіею и Японіею состоялся новый трактатъ о Курильскихъ островахъ, вызванный необходимостью для Россіи имѣть въ своемъ исключительномъ владѣніи островъ Сахалинъ (по японски Крафто), часть котораго принадлежала до того Японіи. Последняя согласилась поэтому обмѣнять принадлежавшую ей часть острова (южную) Сахалина на гряду Курильскихъ острововъ. Цѣль трактата объяснена въ немъ желаніемъ императоровъ всероссійскаго и японскаго положить конецъ многочисленнымъ неудобствамъ, проистекающимъ отъ совмѣстнаго владѣнія островомъ Сахалиномъ и упрочить существующее между ними доброе согласіе. Въ первой статьѣ трактата

постановлено, что отнынѣ границею между Россіею и Японіею будетъ Лаперузовъ проливъ, протекающій между островами Сахалиномъ и Іезо. Во второй статьѣ переименованы все 18 острововъ Курильской группы, уступаемые Японіи. Статьею шестою трактата японскимъ судамъ предоставлено право посѣщать портъ Корсакова (на Сахалинѣ) безъ платежа всякихъ портовыхъ и таможенныхъ пошлинъ въ продолженіе десятилѣтняго срока, и, сверхъ того, японскимъ судамъ и купцамъ, для судоходства и торговли въ портахъ Охотскаго моря и Камчатки, а также для рыбной ловли въ этихъ водахъ и вдоль тамошнихъ береговъ, предоставлены тѣже права и преимущества, которыми пользуются въ Россіи суда и купцы наиболѣе благопріятствуемыхъ націй. Самый обмѣнъ Курильскихъ острововъ на островъ Сахалинъ состоялся между уполномоченными Россіи и Японіи въ 1876 году.

Къ кореннымъ жителямъ Курильскихъ острововъ принадлежатъ курильцы, называющіе себя айно, и обитающіе также на островѣ Сахалинѣ и на островѣ Іезо (Матсмаѣ). Курильцы отличаются небольшимъ ростомъ и очень темнымъ цвѣтомъ кожи, но типъ ихъ не имѣетъ ничего общаго съ монгольскимъ и ближе подходитъ къ европейскому, чѣмъ къ остальнымъ типамъ, населяющимъ сѣверо-восточную часть Азіи. Курильцы отличаются поразительною густотою волосъ на головѣ и длинными бородами. Нерѣдко у нихъ волосы растутъ въ особенномъ обиліи по всему тѣлу, но только въ видѣ исключенія, какое замѣчается у отдельныхъ лицъ и другихъ племенъ. Курильскія женщины очень некрасивы. Зимой курильцы живутъ въ землянкахъ, а лѣтомъ въ камышевыхъ хижинахъ. Главное занятіе ихъ охота, рыболовство, морскіе промыслы. Языкъ курильцевъ совершенно особенный и имѣетъ очень слабое сходство съ языками другихъ народовъ сѣверо-восточной Азіи. Курильцы отличаются кроткимъ нравомъ, великодушіемъ, честностью. Женщины-курильки стыдливы и нравственны и пользуются полною свободою у своихъ мужей. Бѣдные сожигаютъ своихъ мертвыхъ, а богатые балзамируютъ. Курильцы имѣютъ смутное понятіе о верховномъ божествѣ, приносятъ жертвы солнцу, лунѣ, морю, боготворятъ медвѣдя, имѣютъ небольшіе деревянные храмы. Сѣверные курильцы одѣваются въ широкія рубашки изъ тонкой бересты, а сверху въ платья изъ шкуръ морскихъ животныхъ и птицъ. Зимой они носятъ мѣха. Южные курильцы одѣваются въ одежды и ткани, вымѣниваемыя ими у японцевъ. Курильцы совершенно особеннымъ образомъ здороваются и прощаются. Они поднимаютъ пальцы до глазъ, опускаютъ послѣдніе къ землѣ и произносятъ въ полголоса длинную рѣчь, въ продолженіе которой гладятъ свою бороду съ верху къ низу. Глаженіе бороды производится во все продолженіе рѣчи и только по окончаніи ея взглядываетъ курилецъ на того, кого онъ привѣтствовалъ. Если же привѣтствуемый въ этотъ моментъ будетъ смотрѣть по другому направленію, то процедура привѣтствованія возобновляется, пока взоры не встрѣтятся взаимно. Свою благодарность за полученные подарки курильцы выражаютъ подобнымъ же образомъ. Прощаніе ихъ состоитъ въ томъ, что они неоднократно поднимаютъ и опускаютъ руки, подобно тому какъ дѣлаютъ кормилицы, когда заставляютъ ребенка танцевать передъ собою на рукахъ. Если кто-либо уѣзжаетъ отъ нихъ въ лодкѣ, то курильцы бросаютъ къ нему сосновыя лучинки, особеннымъ образомъ нарѣзанныя.

Самихъ себя курильцы всехъ острововъ называютъ айно, что на ихъ языкѣ означаетъ человѣка, а для отличія жителей разныхъ острововъ къ этому названію придаютъ имя острова, напримѣръ Кунаширъ-айно, Итурунъ-айно, т. е., кунаширцы, итурунцы. Русскихъ же называютъ они «руссой», а японцевъ нипонно, какъ будто это другіе люди. Самые южные Курильскіе острова принадлежатъ японцамъ около пяти столѣтій, именно въ началѣ пятнадцатаго вѣка одинъ японскій князь купилъ часть юго-западнаго берега острова Матсмая у природныхъ его жителей. Эта часть Матсмая называлась съ тѣхъ поръ постоянно японскою землею и на всемъ ея пространствѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія между множествомъ японскихъ селеній не было ни одной хижины, принадлежащей кому-либо изъ природныхъ жителей.

Корейская юрта на берегу Охотского моря.

Остальную же часть острова японцы очень долго называли Айно-кфуни, т. е. земля айновъ. Изобиліе рыбы около береговъ Матсмая, которою преимущественно питаются японцы, побудило японское правительство войти въ договоръ съ его природными жителями, чтобы получить согласіе на заведеніе на ихъ берегахъ рыбныхъ для себя промысловъ, съ уплатою за то извѣстнаго количества товаровъ, нужныхъ айнамъ. Такимъ образомъ японцы постепенно распространились по всѣмъ берегамъ Матсмая. Большая прибыль, получавшаяся отъ такого откупа рыбныхъ промысловъ, побудила японцевъ открыть торговлю съ жителями Кунашира, Итуруна, Урупа и другихъ южныхъ Курильскихъ острововъ. Такія, торговые исключительныя, отношенія японцевъ къ айнамъ продолжались до занятія русскими сѣверныхъ Курильскихъ острововъ. Узнавъ о томъ, а равно о движеніи русскихъ по этой группѣ къ югу, японцы рѣшились немедленно занять ея южные острова. Курильцы воспротивились этому намѣренію японцевъ, но были побѣждены и покорены. Айно были прозваны курильцами русскими, которые, увидѣвъ на островахъ дымящіеся вулканы, назвали ихъ курильскими, такъ какъ самыя сопки прозваны были «курилами» отъ слова курящіяся.

По берегамъ Охотскаго моря живутъ тунгусы, коряки, гиляки, сверхъ камчадаловъ на полуостровѣ Камчаткѣ. Къ тунгусскому племени принадлежатъ и ламуты или приморскіе тунгусы, которые лѣтъ тридцать или сорокъ тому назадъ поселились на западномъ склонѣ Камчатскаго хребта, гдѣ число его увеличивается съ каждымъ годомъ. Число всѣхъ ламутовъ неизвѣстно; полагаютъ, что ихъ не болѣе 2,500 или 3000 душъ обоюго пола, изъ которыхъ около тысячи живутъ въ Камчаткѣ, а остальные въ якутской губерніи. Ламуты отличаются отъ другихъ тунгусовъ болѣе узкими глазами, болѣе выдающимися скулами и крайне малымъ носомъ. Ламуты, какъ тунгусы, стройны, имѣютъ прямые, черные волосы, темно-оливковый цвѣтъ кожи, косо-прорѣзанные глаза и безбородые. Одежда ихъ довольно странная. Зимой она состоитъ изъ мѣхового капора, узкихъ мѣховыхъ панталонъ, короткихъ оленьихъ сапоговъ, фартуховъ, сдѣланныхъ изъ мягкой оленьей кожи, старательно украшенныхъ бусами и кусочками металла, и кафтановъ необыкновеннаго покроя изъ оленьей кожи, похожаго на покрое европейскаго платья и отдѣланныхъ длинными шнурками изъ окрашенной лосиной шерсти. Мужчины и женщины очень походятъ другъ на друга наружностью и одеждою, такъ что не мѣстному жителю ихъ трудно бываетъ отличить съ перваго раза. Тунгусы и ламуты владѣютъ оленями и принадлежатъ къ кочующимъ и осѣдлымъ. У кочующихъ юрты менѣе и иначе построены, чѣмъ у коряковъ и они не переносятъ съ собою юртовые шесты, какъ чукчи, но оставляютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ кочевали и срѣзываютъ себѣ новые или пользуются тѣми, которые были оставлены другими кочевниками. Такимъ образомъ шесты юртъ служатъ имъ придорожными столбами или знаками. Стадо въ двѣсти или триста головъ оленей считается у тунгусовъ очень многочисленнымъ и на владѣльца такого стада смотрятъ съ особымъ уваженіемъ, какъ на какого нибудь богача. Стада оленьи, подобныя корякскимъ въ сѣверной Камчаткѣ, заключающія въ себѣ отъ пяти до десяти тысячъ головъ, не встрѣчаются на западѣ отъ Гижиги. Но тунгусы болѣе коряковъ извлекаютъ выгодъ изъ своихъ оленей. Коряки очень рѣдко ѣздятъ верхомъ на оленяхъ или навьючиваютъ на нихъ свои пожитки, между тѣмъ какъ у тунгусовъ это самое обыкновенное дѣло. Первоначальная религія тунгусовъ была шаманство, но теперь они почти всѣ исповѣдуютъ греко-россійскую вѣру. Почти всѣ бѣличьи мѣха, появляющіяся на продажу, покупаются русскими торговцами у тунгусовъ, кочующихъ или живущихъ осѣдло близъ Охотскаго моря. Въ исходѣ 1867 года, по словамъ Кенана, въ Охотскѣ у одного только русскаго купца было болѣе 70,000 бѣличьихъ шкурокъ, а это количество составляло только малую часть того, сколько было навезено туда тунгусами въ продолженіе лѣта. Тунгусы любятъ лакомиться жиромъ. Онъ въ состояніи въ одинъ присѣсть съѣсть 20 фунтовъ топленнаго коровьяго масла. Въ бытность американцевъ въ Аянѣ въ 1855 году къ нимъ привели одного тун-

гуса, который въ ихъ присутствіи, съ 9 часовъ утра до полудня, съѣлъ 40 фунтовъ такого масла и во время этой ѣды только гладилъ себя по животу рукою.

Коряки живутъ преимущественно въ Гижигинскомъ округѣ и только въ небольшомъ числѣ въ Охотскомъ округѣ, гдѣ они совершенно отдѣлились отъ своихъ гижигинскихъ соплеменниковъ. Коряки раздѣляются на осѣдлыхъ (сидячихъ) и кочующихъ (бродячихъ). Всѣхъ осѣдлыхъ коряковъ въ 1853 году насчитывалось около 2,500 душъ обоюго пола. Къ нимъ принадлежатъ роды каменскій и паренскій, изъ которыхъ второй каменскій и второй паренскій отличаются своею особенною необузданностью. Каменскій и паренскій роды живутъ въ восьми селеніяхъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Пенжинской губы, не крещены, платятъ ясакъ и въ 1852 г. ихъ насчитывали всего около 235 душъ обоюго пола. На сѣверо-восточномъ берегу губы живутъ въ 7 селеніяхъ палланскій родъ. На полуостровѣ же Тайганосѣ, между губами Гижигинскою и Пенжинскою живетъ особый родъ кочующихъ коряковъ, въ числѣ 300 душъ. Всѣхъ кочующихъ коряковъ, обложенныхъ ясакомъ, насчитываютъ до 1760 душъ обоюго пола; но около 1000 коряковъ живутъ около чукчей и не платятъ ясака. Хотя коряки и причисляются къ монгольскому племени, но типомъ своимъ они во многомъ отъ него отличаются. Голова у коряковъ нѣсколько сплюснута со сторонъ, лице круглое, скулы выдаются умѣренно, глаза маленькіе, носъ выдающійся, нерѣдко горбатый, ротъ большой. Цвѣтъ лица у коряковъ свѣтло-коричневый; волосы черные и у мужчинъ коротко острижены. Борода у нихъ очень рѣдкая. Женщины заплетаютъ свои волосы въ двѣ косы. Изъ женщинъ татуируются одиѣ замужнія, причемъ ежегодно прибавляютъ на своемъ лицѣ нѣсколько рисунковъ. Тѣлосложеніе коряковъ крѣпкое и стройное; ростъ же умѣренный. Языкъ коряковъ распадается на пять нарѣчій и ближе всего подходитъ къ языку чукотскому. Изъ коряковъ только одни палланцы выучиваются русскому языку; остальные же не въ состояніи съ нимъ совладать. Крещены только палланцы, а также укинцы и олюторцы, живущіе въ Камчаткѣ; остальные кочевые и осѣдлые коряки принадлежатъ къ шаманству. При шаманскихъ ихъ обрядахъ важную роль играетъ волчья шкура, потому что они почитаютъ волка, считая его слугою злаго духа. Многоженство допускается обрядами коряковъ, хотя они рѣдко имѣютъ болѣе одной жены. У коряковъ существуетъ странный обычай закалывать умирающихъ, что дѣлается или самими умирающими или кѣмъ нибудь изъ окружающихъ, и въ такомъ случаѣ съ большею церемоніею среди всего кочевья. Умершихъ не зарываютъ въ землю, по невозможности рыть замерзшую почву, но сожигаютъ и пепелъ разсеваютъ по воздуху. Коряки отличаются гостепримствомъ и изъ нихъ только каменцы и паренцы извѣстны склонностью къ обману и разбою. Они управляются выборными старшинами. Лѣтомъ коряки носятъ одежду изъ оленьей кожи, а зимою мѣховыя рубашки (кухлянки), капюшоны которыхъ покрываютъ голову вмѣсто шапки. У женщинъ праздничное платье бываетъ опушено мѣхомъ выдры и росомахи и вышито бисеромъ. Осѣдлые коряки прежде вели также кочевую жизнь, но во время продолжительныхъ своихъ войнъ съ чукчами лишились своихъ оленей и живутъ въ небольшихъ деревняхъ, причемъ каменцы, паренцы и большая часть олюторцевъ выстраиваютъ для себя землянки, а палланцы и укинцы деревянные дома. Осѣдлые коряки держатъ для ѣды также собакъ. Кочевые коряки строятъ себѣ юрты изъ жердей, которыя покрываютъ оленьими кожами. Домашній олень составляетъ почти единственное ихъ богатство; нѣкоторые роды имѣютъ стада почти въ 20,000 оленей. Осѣдлые преимущественно промышляютъ охотою на звѣрей, именно на дикихъ оленей, дикихъ барановъ (горныхъ овецъ) и медвѣдей. Они отправляются также на промыселъ морскихъ животныхъ въ очень легкихъ байдарахъ, состоящихъ изъ деревяннаго остова, покрытаго тюленьими шкурами. Коряки славятся умѣньемъ выдѣлывать оленьи шкуры и изготовлять изъ нихъ одежду, которую они сбываютъ всему населенію Приморской области. Промышляемые мѣха и шкуры коряки вымѣниваютъ у русскихъ купцовъ на порохъ, табакъ, мѣдные котлы и проч. и для такой мѣновой торговли главнымъ

пунктомъ для коряковъ служить мѣсто на рѣкѣ Пальцовѣ, въ 800 верстахъ на сѣверовосто-
стокъ отъ Гижиги. Коряки доживаютъ до глубокой старости, но часто страдаютъ глазами
болѣзнями отъ постоянного пребыванія въ дымныхъ землянкахъ. Первое знакомство русскихъ
съ коряками произошло въ началѣ семнадцатаго столѣтія и сопровождалось упорною борьбою
и непрерывными битвами, но съ половины семнадцатаго столѣтія они окончательно покор-
ились.

Джоржъ Кенанъ, посѣтившій кочующихъ и осѣдлыхъ коряковъ въ 1865—1866 году,
сообщаетъ много любопытныхъ подробностей объ образѣ жизни этого народа. Въ ноябрѣ,
въ сѣверо-западной части Камчатки, во время зимы, онъ попалъ въ кочевье коряковъ. Передъ
нами, рассказываетъ Кенанъ, въ ясномъ лунномъ свѣтѣ стояли коническія палатки коряковъ,
окруженныя по крайней мѣрѣ четырьмя тысячами сѣверныхъ оленей, вѣтвистые рога кото-
рыхъ походили на настоящую рощу сухихъ кустовъ. Коряки столпились съ любопытствомъ
вокругъ гостей и спросили, чрезъ нашего переводчика казака Мирнова, кто мы были и чего
хотѣли. Они представляли дикую, живописную группу при бѣловатомъ свѣтѣ луны, который
озарялъ ихъ темныя лица и блестѣлъ на ихъ металлическихъ украшеніяхъ и на полирован-
ныхъ клинкахъ ихъ длинныхъ копій. Ихъ скулы, смѣлые живые глаза и прямые черные,
какъ смола, волосы показывали близкое родство съ американскими индѣйцами, но далѣе это
сходство не шло. Это были атлетическіе, хорошо сложенные люди. Толстыя кухлянки, при-
держиваемыя поясомъ и обшитыя въ низу длинною бахрамою изъ черныхъ волчьихъ волосъ,
покрывали ихъ тѣло отъ шеи до колѣнъ и были украшены мѣстами нитями мѣлкаго цвѣтнаго
бисера, красными сафьянными кистями и кусочками полированного металла. Мѣховые панта-
лоны, длинные сапоги изъ тюленей кожи, доходящіе до колѣнъ, и капоры изъ волчьей шкуры
съ волчьими ушами, торчавшими по обѣимъ сторонамъ головы, дополняли костюмъ. Кочевье
коряковъ состояло изъ четырехъ большихъ коническихъ палатокъ, выстроенныхъ изъ дере-
вянныхъ шестовъ и покрытыхъ оленьими шкурами, придерживаемыми на своихъ мѣстахъ
длинными ремнями изъ кожи тюленей или моржей, которые были крѣпко натянуты отъ вер-
хушки конуса до земли. На первый взглядъ строенія эти казались неспособными противостоятъ
бурнымъ вѣтрамъ, дующимъ зимою со стороны Сѣвернаго океана; но послѣдствія доказали,
что сильнѣйшія бури не въ состояніи снести ихъ. Повидимому коряки пришли къ дружескому
соглашенію съ казакомъ, потому что одинъ изъ нихъ, высокій, съ обстриженною головою,
выступилъ изъ толпы и, пройдя къ самой большой палаткѣ, поднялъ занавѣсъ изъ шкуры,
показалъ намъ черное отверстіе, около двухъ футовъ съ половиною въ діаметрѣ, и пригласилъ
насъ движеніемъ руки войти туда. Проползши на рукахъ и ногахъ разстояніе въ двѣнадцать или
пятнадцать футовъ по низкому проходу, мы вошли въ просторный кругъ внутри палатки.
Связки смолистыхъ сосенъ, трещи, ярко горѣли на землѣ по срединѣ, бросая красный отблескъ
на густыя, глянцевитыя жерди и отражаясь на темныхъ шкурахъ, которыми была покрыта крыша,
и на смуглыхъ татуированныхъ лицахъ женщинъ, сидѣвшихъ вокругъ. Большой мѣдный
котель, наполненный какою-то бурдою сомнительнаго запаха и достоинства, висѣлъ надъ
огнемъ; двѣ худошавыя женщины съ голыми руками хлопотали около него; онѣ одною и тою
же палочкою поочередно мѣшали содержимое въ немъ, поправляли уголья и били по головѣ
двухъ или трехъ слишкомъ любознательныхъ собакъ. Дымъ, лѣниво поднимавшійся надъ
огнемъ, висѣлъ голубымъ, прозрачнымъ облакомъ на вышинѣ пяти футовъ отъ пола, раздѣляя
атмосферу палатки на нижній этажъ, сравнительно чистаго воздуха, и на верхній туманный
слой, гдѣ преобладали дымъ и дурныя испаренія. Зимою температура въ корякской юртѣ
рѣдко бываетъ выше—3 град. мороза, а такъ какъ находится постоянно въ такомъ холодѣ
не совсѣмъ пріятно, то коряки устраиваютъ вокругъ внутренней стѣны юрты маленькія,
почти непроницаемыя для воздуха помѣщенія, называемыя пологамъ, которыя раздѣлены
между собою кожаными занавѣсками и обладаютъ двумя преимуществами: замкнутостью и боль-

шимъ тепломъ. Пологи имѣютъ около четырехъ футовъ вышины и пяти или восьми длины и ширины. Они сдѣланы изъ толстыхъ шкуръ, сшитыхъ такъ плотно, что не пропускаютъ воздуха и согреваются и освѣщаются кускомъ моха, который горитъ въ деревянной чашкѣ, наполненной тюленьимъ жиромъ. Но большее количество тепла въ пологѣ вознаграждается душною, дымною атмосферою. Зажженная свѣтильня ночника поглощаетъ кислородъ воздуха въ пологѣ и превращаетъ его въ углекислый газъ, маслянистый чадъ и разныя міазмы. Несмотря, однако, на законы гигиены, этотъ испорченный воздухъ оказывается здоровымъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ очевидныхъ доказательствъ его зловредности. Корякскія женщины, проводящія большую часть своего времени въ этихъ пологихъ, достигаютъ обыкновенно преклонныхъ лѣтъ. Не безъ опасенія задохнуться, Кенанъ проспалъ цѣлую ночь въ юртѣ и его безпокойство оказалось совершенно неосновательнымъ. Коряки подали гостямъ «маніаллу», употребляемую ими какъ суррогатъ хлѣба. Она состоитъ изъ запекшейся крови, сала и полу-перевареннаго мха, добываемаго изъ желудка оленей, гдѣ онъ, по общему мнѣнію, подвергается важному измѣненію, которое его дѣлаетъ годнымъ для вторичнаго потребленія. Эти составныя части варятся вмѣстѣ съ нѣсколькими пригоршнями сухой травы, чтобы придать смѣси нѣкоторую плотность и потомъ изъ этой темной массы дѣлаютъ маленькіе хлѣбцы, которые замораживаютъ въ прокъ для употребленія. Въ Сибири утверждаютъ, что «маніалла» имѣетъ многія гигиеническія качества. Ужинъ у коряковъ составляетъ главную ѣду въ продолженіе всего дня. Вокругъ котла съ «маніаллою» или корытца съ оленьюю собираются всѣ мужчины, бывшіе днемъ въ отсутствіи и разсуждаютъ, между глотками мяса или мха, о разныхъ предметахъ. Во время ужина хозяинъ, въ знакъ особеннаго уваженія, откусилъ нѣсколько кусковъ отъ дичины, которую держалъ въ своей грязной рукѣ, и, вынувъ ихъ изъ рта, предложилъ Кенану.

Кочующіе коряки, составляющіе до сорока отдѣльныхъ кочевковъ, бродятъ между 58 и 63 градусами сѣверной широты. Южная граница ихъ кочевья находится въ селеніи Тигилѣ, на камчатскомъ берегу Охотскаго моря, куда они приходятъ ежегодно для торговыхъ своихъ оборотовъ. Ихъ рѣдко можно встрѣтить сѣвернѣе Пенжины, въ трехъ стахъ верстахъ на сѣверъ отъ Охотскаго моря. Они рѣдко остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе недѣли. Такія частыя перекочевки вызываются сѣверными оленями, главнымъ ихъ богатствомъ. Стадо оленей въ четыре или пять тысячъ головъ въ теченіе нѣсколькихъ дней взроетъ весь снѣгъ и уничтожитъ мохъ на двѣ версты въ окружности и тогда конечно коряки вынуждены переселиться на новое мѣсто. Поэтому коряки должны кочевать, иначе ихъ олени умрутъ съ голода, а затѣмъ настанетъ и ихъ собственная голодная смерть. Нѣкоторыя стада оленей доходятъ до 8.000 и 12.000 головъ, а одинъ корякъ въ большой тундрѣ имѣлъ въ 1886 году три стада въ разныхъ мѣстахъ, всего около 30.000 головъ. Живого оленя коряки не уступали американцамъ даже за 3,000 рублей, а сотню убитыхъ отдали за сто фунтовъ табаку. Американцы пріобрѣли для разъѣздовъ 800 оленей, но отъ тунгусовъ, а не отъ коряковъ. Кочевье одинокое, независимое существованіе развило въ характерѣ коряка смѣлость, независимость и полнѣйшую самонадѣянность, которыми они отличаются отъ камчадаловъ и другихъ осѣдлыхъ жителей Сибири. Каждый корякъ считаетъ себя вольнымъ господиномъ, если онъ владѣетъ дюжиною оленей. Если онъ пожелаетъ, онъ можетъ удалиться отъ остальнаго человѣчества и не заботиться о другихъ интересахъ, кромѣ своего собственнаго и своего оленя. Для общаго удобства они соединяются въ кочевья, состоящія изъ шести или восьми семействъ; но эти кочевья связаны только взаимнымъ соглашеніемъ и не признаютъ никакого начальника. Они имѣютъ предводителя, называемаго «тіономъ», владѣющаго самымъ многочисленнымъ стадомъ во всемъ кочевьѣ, который рѣшаетъ вопросы относительно расположенія кочевья и перекочевковъ на новыя мѣста, но лишень всякой другой власти и во всѣхъ болѣе важныхъ вопросахъ о личныхъ правахъ и

взаимныхъ обязательствахъ долженъ обращаться ко всемъ членамъ кочевья. Въ религиозномъ отношеніи они почитаютъ преимущественно злыхъ духовъ, которые накликаютъ на нихъ разныя бѣдствія и «шамановъ» или жрецовъ, которые служатъ посредниками между этими духами и ихъ жертвами. Къ земнымъ властямъ они относятся съ презрѣніемъ. Вотъ одинъ примѣръ, случившійся въ присутствіи Кенана. Къ американской телеграфной экспедиціи былъ прикомандированъ русской службы майоръ Абаза, для содѣйствія американцамъ получать всякаго рода помощь со стороны мѣстныхъ русскихъ властей. Майоръ почему то вообразилъ, что для полученія отъ коряковъ всего необходимаго, онъ долженъ убѣдить ихъ въ своемъ могуществѣ, богатствѣ и важномъ положеніи въ свѣтѣ и тѣмъ внушить имъ уваженіе къ его приказаніямъ и желаніямъ. Въ слѣдствіе этого онъ призвалъ самаго старшаго и самаго вліятельнаго члена кочевья и началъ рассказывать ему чрезъ переводчика о своемъ богатствѣ, о власти расточать наказанія и награды, которою онъ обладалъ, о важномъ мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ Россіи и о томъ съ какою сыновнею почитательностью и уваженіемъ бѣдные кочующіе лычники должны обращаться къ такой знаменитой личности. Старикъ корякъ, сидя на корточкахъ на землѣ, спокойно слушалъ исчисленіе всехъ качествъ майора и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ, наконецъ, когда переводчикъ кончилъ, корякъ медленно поднялся, подошелъ къ майору съ невозмутимою важною, и съ самымъ добродушнымъ и покровительствующимъ снисхожденіемъ похлопалъ его тихонько по головѣ! Майоръ покраснѣлъ и громко захохоталъ, но никогда болѣе не пытался устрашать чѣмъ нибудь коряка.

Въ одномъ изъ кочевьевъ американцамъ представился корякъ ростомъ въ шесть футовъ, съ темнымъ лицемъ, лѣтъ тридцати отъ роду. Онъ былъ одѣтъ въ красное платье съ гудыми отворотами и мѣдными пуговицами, съ длинными золотыми шнурками, висѣвшими на груди, въ черныхъ сальныхъ штанахъ изъ оленьей шкуры и въ мѣховыхъ сапогахъ. Его волосы были старательно выбриты на макушкѣ и только на вискахъ и за ушами висѣли жидкими, неровными прядями. Нитки мелкихъ цвѣтныхъ бусъ украшали его уши и за однимъ изъ нихъ торчалъ большой пучекъ табаку для употребленія его въ будущемъ времени. Онъ былъ подпоясанъ изорваннымъ ремнемъ изъ тюленьей кожи, на которомъ висѣла великолѣпная шпага съ серебрянымъ эфесомъ въ рѣзныхъ ножнахъ. Все это вмѣстѣ взятое представляло странную смѣсь. По его словамъ «Великій Бѣлый Начальникъ» далъ ему красное платье и серебряную шпагу за убитаго оленя. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, оказалось, и отвѣты были подтверждены принесенными страннымъ человѣкомъ офиціальными бумагами, и шпага были пожалованы отцу настоящаго владѣльца губернаторомъ Камчатки въ царствованіе Александра I въ награду за оленей, пожертвованныхъ во время голода пуждающимся русскимъ въ Камчаткѣ. Отъ отца награда перешла къ сыну и послѣдній представился американцамъ, лишь только услышалъ о ихъ пріѣздѣ. Шпага оказалась дѣйствительно великолѣпной работы.

По безграничной тундрѣ, покрытой зимою сплошнымъ снѣгомъ, не встрѣчая ни малѣйшаго признака, могущаго указать дорогу, коряки съ точностью направляютъ свой путь, обращаясь только съ расположеніемъ снѣга, служащимъ имъ компасомъ. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, господствующій на сѣверномъ побережьи Охотскаго моря въ продолженіе зимы, намѣтаетъ снѣгъ въ длинныя, волнообразныя борозды, называемыя «застругами», которыя лежатъ всегда перпендикулярно къ направленію вѣтра, то есть отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Только что выпавшій снѣгъ иногда засыпаетъ ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней; но опытный корякъ, раскопавъ верхній слой, всегда можетъ сказать гдѣ сѣверъ и идти къ своей цѣли, днемъ и ночью, почти по прямому направленію.

Свадебная церемонія у коряковъ отличается исключительною своеобразностью, съ крайнимъ пренебреженіемъ къ чувствамъ жениха, который подвергается унижительнымъ оскорбле-

нiямъ. Бѣдствiя молодого коряка начинаются съ той самой минуты, какъ онъ влюбляется. Если его намѣренiя серьезны, то онъ является къ отцу своей возлюбленной съ формальнымъ предложенiемъ, удостовѣряется въ количествѣ ея приданого, состоящаго изъ оленей, и узнаетъ назначенную за нее цѣну. По всему вѣроятiю ему предлагаютъ работать за свою жену два или три года. Тогда онъ ищетъ свиданiя съ самою молодою дѣвушкою и исполняетъ обязанность, называемую въ цивилизованныхъ странахъ объясненiемъ. Если чувства молодого человѣка раздѣляются и онъ получаетъ рѣшительное согласiе на бракъ, онъ бодро принимается за работу и въ продолженiе двухъ или трехъ лѣтъ рубитъ и таскаетъ дрова, караулитъ оленей, заготовляетъ сани и вообще всячески способствуетъ благосостоянiю своего будущаго тестя. По истеченiи этого испытательнаго перiода настаетъ главный моментъ, который рѣшаетъ его судьбу и успѣшность или безполезность его продолжительныхъ старанiй. Юрта, въ которой производится послѣднее испытанiе жениха, обыкновенно бываетъ очень просторная и заключаетъ въ себѣ иногда двадцать шесть пологовъ. На срединѣ, у очага, на свободномъ пространствѣ садятся толпа коряковъ, все вниманiе которыхъ, повидимому, раздѣляется между разными котелками и корытцами съ манiаллою, варенымъ мясомъ, мозгомъ, замороженнымъ саломъ и другими коряжскими лакомствами и споромъ относительно какихъ то пунктовъ брачнаго обряда. Ъда и питье окончилось и на всѣхъ лицахъ видно было выраженiе какого то недоумѣнiя и ожиданiя. Вдругъ раздался мѣрный барабанный бой, наполнившiй юрту оглушительными звуками. Въ эту минуту въ юрту вошелъ высокiй корякъ съ охабкою ивовыхъ прутьевъ и ольховыхъ вѣтокъ, которые онъ началъ раздавать по всѣмъ пологамъ палатки. Мѣрный барабанный бой продолжался во время раздачи ивовыхъ прутьевъ и наконецъ барабанщикъ заиѣлъ тихiй речитативъ все болѣе и болѣе возвышая голосъ и одушевляясь, пока онъ не превратился въ дикое пѣнiе подъ тактъ мѣрныхъ звуковъ огромнаго барабана. Затѣмъ послѣдовало маленькое волненiе; передняя занавѣсъ у всѣхъ пологовъ отдернулась, у входа каждаго полога помѣстились по двѣ или по три женщины и взяли въ руки приготовленные заранѣе ивовыя вѣтви. Черезъ минуту почтенный корякъ вышелъ изъ одного изъ пологовъ возлѣ двери, ведя за собою красиваго молодого коряка и темно-лицую невѣсту. При ихъ появленiи общее возбужденiе дошло почти до изступленiя; музыка удвоила свой быстрый темпъ; мужчины по срединѣ палатки присоединили свои голоса къ громкому пѣнiю и по временамъ сопровождали его рѣзкими, дикими вскрикиванiями. При знакѣ, данномъ корякомъ, введшемъ чету, невѣста стремительно бросилась въ первый пологъ и начала быстро бѣгать вокругъ палатки, поднимая послѣдовательно занавѣсы между пологами и пробѣгая черезъ нихъ. Женихъ горячо преслѣдовалъ ее, но женщины, находившiяся у каждаго полога, всячески старались помѣшать его бѣгу, подставляя ему ноги, опускаая занавѣсы, чтобы помѣшать ему пройти, и осыпая его безошадными ударами ивовыхъ и ольховыхъ прутьевъ по самымъ чувствительнымъ частямъ его тѣла, когда онъ останавливался, чтобы поднять занавѣски. Воздухъ былъ наполненъ барабаннымъ боемъ, одобрительными и насмѣшливыми возгласами и звукомъ тяжелыхъ ударовъ, которыми угощала несчастнаго жениха каждая кучка женщинъ, прогоняя его сквозь строй. Но женихъ съ невозмутимымъ рвенiемъ продолжалъ стремиться къ своей цѣли, спотыкаясь о подставленные ему ноги преслѣдовательницъ и постоянно запутываясь въ складки занавѣсокъ изъ оленьей шкуры, которыя онъ бросали ему на голову и на глаза. Черезъ минуту невѣста вошла въ послѣднiй пологъ у дверей, а несчастный женихъ все еще боролся съ безчисленными препятствiями на половинѣ дороги вокругъ юрты. Наконецъ онъ ворвался въ послѣднiй пологъ и тамъ настигъ свою невѣсту. Музыка вдругъ замолкла и толпа начала выходить изъ юрты. Церемонiя свадьбы окончилась. Невѣста ждала жениха въ послѣднемъ пологѣ. Если бы онъ ее не поймалъ, или она не осталась бы ждать его въ пологѣ, то трехлѣтняя работа и цѣязанiе прутьями пропали бы даромъ. Цѣль всего обряда коряковъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить дѣвушкѣ свободу выбора жениха.

Честность коряковъ замѣчательна. Кенанъ сообщаетъ, что неоднократно послѣ его отъѣзда изъ кочевья, коряки нарочно запрягали оленей и догоняли на разстояніи восьми или пятнадцати верстъ отъ него, чтобы отдать ножикъ, трубку или другую бездѣлицу, забытую въ поспѣшности при отъѣздѣ. Сани американской экспедиціи, нагруженные табакомъ, бусами и другими предметами торговли, оставались безъ всякаго караула внѣ юртъ, но никогда ничего не было украдено.

Село осѣдлыхъ или сидячихъ коряковъ Каменное расположено на крутомъ берегу близъ устья рѣки Пенжины, впадающей въ Пенжинскую губу въ сѣверной части Охотскаго моря. Издали ихъ юрты или дома похожи видомъ на букву Х. Все селеніе походитъ на собраніе гигантскихъ деревянныхъ песочныхъ часовъ, сброшенныхъ и разрушенныхъ землетрясеніемъ.

Эти юрты имѣютъ около двадцати футовъ вышины и грубо построены изъ дерева, выброшеннаго моремъ на берегъ. Онѣ не имѣютъ оконъ и дверей и влѣзть въ нихъ можно только по шесту, или столбу съ зарубками, поставленному съ наружной стороны съ тѣмъ, чтобы спуститься внутрь жилья по другому шесту чрезъ трубу, поставленную перпендикулярно по срединѣ. Удобство этого способа выхожденія зависитъ отъ дѣятельности и силы огня, разведеннаго внутри юрты. Внутренность корякской юрты у осѣдлыхъ также непривлекательна и грязна, какъ и у кочевыхъ. Свѣтъ проникаетъ въ нее единственно чрезъ круглое отверстіе, находящееся на двадцать футовъ отъ пола, которое одновременно служитъ окномъ, дверью и трубою. Перекладины, стропила и бревна, изъ которыхъ построена юрта, черны отъ постоянного дыма. Деревянная платформа возвышается на одинъ футъ отъ земли около стѣнъ съ трехъ сторонъ, на шесть футовъ въ ширину, оставляя по срединѣ кругъ въ восемь или десять футовъ въ поперечникѣ для огня и большаго мѣднаго котла. На платформѣ устроены три или четыре четырехугольные полога изъ шкуръ, служащихъ спальнями для хозяевъ и убѣжищами отъ дыма, котораго иногда нѣтъ возможности выносить. Маленькій кругъ изъ каменныхъ плитъ на землѣ, по срединѣ юрты, образуетъ очагъ, надъ которымъ обыкновенно виситъ котелокъ съ рыбою или олениною, составляющими вмѣстѣ съ сушеною семгою, ворванью и прогорклымъ жиромъ всю пищу осѣдлыхъ коряковъ. О чьемънибудь появленіи въ юртѣ можно узнать по совершенному закрытію отверстія на потолокѣ и внезапному мраку, который воцаряется внутри юрты. Когда зимою снѣгъ на столько занесетъ юрту, что собаки могутъ по немъ добраться до юрты, то онѣ съ особеннымъ наслажденіемъ располагаются вокругъ отверстія, заглядывая въ юрту и лакомясь запахомъ рыбы, варящейся въ котлѣ надъ очагомъ. Нерѣдко онѣ начинаютъ драку между собою за лучшее мѣсто у отверстія, и въ ту минуту, когда готовятся снять съ огня обѣдъ изъ вареной семги, борющаяся, лающая собака летитъ въ котелъ. Корякъ вытаскиваетъ полуобваренную собаку за шиворотъ, поднимается съ нею на крышу, бросаетъ ее въ какой нибудь снѣжный сугробъ и возвращается съ нею на землю, ѣсть свою уху. Осѣдлые коряки имѣютъ тупое, дикое, звѣрское выраженіе въ лицѣ, чѣмъ отличаются отъ кочующихъ коряковъ и потому не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Они всегда ходятъ съ большими ножами въ два фута длины, которые привѣшены у нихъ въ ножнахъ къ бедру. Осѣдлые коряки, живущіе въ селеніяхъ вдоль морскаго берега въ Пенжинской губѣ, стоятъ на низшей степени развитія сравнительно съ остальными туземцами сѣверо-восточной Азіи. Они жестоки, грубы, мстительны, безчестны и вѣроломны. Они часто посѣщаются русскими купцами, и отъ нихъ заимствовали большую часть пороковъ цивилизованнаго общества. Къ этому необходимо прибавить развращающее вліяніе американскихъ китолововъ, которые познакомили осѣдлыхъ коряковъ съ ромомъ и внесли къ нимъ страшныя болѣзни, которыя увеличиваются отъ ихъ образа жизни и ихъ бѣдности. Отъ русскихъ торговцевъ они заимствовали ложь, обманъ и воровство, а отъ китолововъ пьянство и распущенность нравовъ. При этихъ порокахъ осѣдлые коряки уничто-

жаютъ въ огромномъ количествѣ опьяняющій сибирскій мухоморъ, продаваемый имъ тайно русскими купцами, такъ какъ торговля имъ запрещена закономъ, а этотъ ядъ можетъ развратить и низвести человѣка до самаго низкаго уровня. Кочующіе коряки, рѣдко видя русскихъ купцовъ и американскихъ китолововъ, не употребляютъ, или очень мало, русскую водку и американскій ромъ, а потому умѣренны, цѣломудренны, человѣчны и стоятъ выше осѣдлыхъ въ нравственномъ, физическомъ и умственномъ отношеніи. Американскіе китоловы простираютъ свое своеволіе въ Пенжинской губѣ до того, что отгоняютъ мѣстныхъ жителей, коряковъ, отъ рыбнаго промысла, хотя рѣка Пенжина отличается обиліемъ рыбы во всякое время года. Американецъ Кенанъ сообщалъ, что американскій торговый домъ В. Г. Бордменъ (изъ Бостона) и другая американская коммерческая фирма въ Китаѣ, Россель и комп., фактически въ 1865—1867 году эксплуатировали всю пушную торговлю въ Камчаткѣ и по берегу Охотскаго моря. Приблизительная цѣна, которую мѣстный житель получалъ въ 1864 году за шкуру соболя, напримѣръ, доходила до 15 р. сер., но плата производилась чаемъ, сахаромъ, табакомъ и разными другими товарами по оцѣнкѣ самого торговца, такъ что туземцы собственно получали немногимъ болѣе половины номинальной цѣны. Такимъ образомъ съ уничтоженіемъ монополюющей русско-американской компаніи, оберегавшей, такъ или иначе, русскіе интересы въ Охотскомъ морѣ, американцы, въ видѣ китолововъ, купцовъ, промышленниковъ, монополююще овладѣли всею краемъ и стали его эксплуатировать въ свою пользу, не щадя ни туземцевъ, ни русскихъ интересовъ.

Въ противоположномъ отъ коряковъ направленіи, въ южной части Охотскаго моря живутъ гиляки, которые къ сѣверу отъ Амура живутъ до деревни Кулли, около $53\frac{3}{4}$ град. сѣв. шир. Словцовъ сообщаетъ, что еще въ 1751 году гиляки, въ числѣ до 40,000 душъ, обитали по берегу Охотскаго моря между устьями Уди и Амура, на что въ то время русское правительство обратило особенное вниманіе, потому что начальнику Охотска поручалось привлечь этотъ народъ въ русское подданство. Но прошло около столѣтія прежде чѣмъ это порученіе было приведено къ осуществленію. Впервые русскіе познакомились съ гиляками въ 1644 году, когда казакъ Поярковъ спустился по Амуру и зимовалъ среди гиляковъ на устьѣ этой рѣки. Гиляки тогда признали надъ собою власть московскаго государя, но неоднократныя кровопролитныя схватки ихъ на Амурѣ съ казаками въ 1652, 1655, 1682 годахъ доказываютъ, что это подчиненіе было непрочное, вызванное страхомъ передъ первымъ появленіемъ невиданныхъ дотоле людей. Въ 1718 году боярскій сынъ Фильцовъ, вышедшій съ Шантарскихъ острововъ съ казаками на побережье Охотскаго моря между рѣками Тугуромъ и Амуромъ, были совершенно разбиты жившими тамъ въ то время гиляками. Это былъ совершенно независимый народъ, никогда не признававшій надъ собою власти китайскаго правительства, которое, впрочемъ, и само не считало ихъ подвластными себѣ. Рабства среди гиляцкаго народа также никогда не существовало. Гиляки раздѣляются на амурскихъ и на тро-гиляковъ, изъ которыхъ послѣдніе живутъ на восточномъ берегу Сахалина и отличаются отъ амурскихъ не только нравомъ и характеромъ, но даже и своимъ нарѣчіемъ. По своему черепу гиляки принадлежатъ къ монгольскому типу. Они имѣютъ выдающіеся скулы, небольшой носъ, узкіе глаза, большой ростъ съ толстыми губами, черные волосы, иногда рыжеватые, они заплетаютъ ихъ часто въ одну косу, бороду (они ее не выдергиваютъ, какъ тунгусы) и усы рѣдкіе, кожу смуглую. Тѣлосложеніе гиляковъ крѣпкое; ростъ довольно высокій. Гиляки суровы, недовѣрчивы, склонны къ обману и воровству (преимущественно жители сѣверной части острова Сахалина), но терпѣливы и храбры. Гиляки одарены умственными способностями и скоро выучиваются русскому языку. Вліяніе русскихъ на гиляковъ мало замѣтно; только матеріальный бытъ ихъ нѣсколько измѣнился подъ этимъ вліяніемъ, именно они стали болѣе употреблять бумажныя матеріи и охотно ѣсть русскій хлѣбъ, хотя всетаки по прежнему предпочитаютъ ему буду (просо) и рисъ. Религія гиляковъ шаманская. Они считаютъ медвѣдя за

священное животное, держать медвѣдей въ своихъ деревняхъ въ нарочно устроенныхъ жилищахъ (срубкахъ) для того, чтобы имѣть ихъ въ готовности когда надобно принести въ жертву, причѣмъ такихъ медвѣдей послѣ жертвоприношенія обыкновенно съѣдаютъ. Среди гиляковъ встрѣчается много хорошихъ, искусныхъ рѣзчиковъ, столяровъ, кузнецовъ; рѣзьба ихъ отличается чистотою, красивыми, оригинальными рисунками. Гиляки управляются старшими въ семьяхъ и рѣдко, развѣ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обращаются къ старшинамъ почетныхъ фамилій, которыхъ называютъ «джангинъ». Къ страннымъ ихъ обычаямъ принадлежатъ запрещеніе выносить огонь изъ юрты и похищеніе невѣсть изъ дома родителей. При первомъ знакомствѣ гиляковъ съ русскими выносъ послѣдними огня изъ юрты давалъ поводъ къ кровопролитнымъ столкновеніямъ. Подобно корякамъ, гиляки жгутъ трупы своихъ умершихъ. Во время траура мужчины обрѣзываютъ часть волосъ на головѣ, а женщины расплетаютъ свои косы. Гиляки принадлежатъ къ отважнымъ, опытнымъ, ловкимъ охотникамъ. Съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ, гилякъ уходитъ въ горы на охоту за соболями. Прибрежные гиляки занимаются главнѣйше рыболовствомъ, боемъ тюленей, бѣлухъ и другихъ морскихъ животныхъ. Въ первое знакомство съ русскими, они носили одежду изъ шкуръ рыбьихъ и морскихъ звѣрей, а на головѣ шапочку изъ бересты. Жилища строятъ изъ бревенъ. Гиляцкія жилища, встрѣченныя Миддендорфомъ на южномъ берегу Охотскаго моря, въ Тутурскомъ заливѣ, поразили его сходствомъ своей постройки съ русскими избами. Лѣтомъ гиляки живутъ преимущественно въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ бересты. Зимой гиляки одѣваются въ собачьи мѣха, шерстью къверху, причѣмъ черныя шубы считаются шегольскими и очень дорога цѣнятся. Гиляки татуируются рѣдко, причѣмъ дѣлаютъ себѣ нѣсколько точекъ на переносѣ. Жилища гиляковъ, какъ и всѣхъ полукочевыхъ народовъ, неопрятны и отвратительны для европейца. Когда Миддендорфъ на южномъ берегу Охотскаго моря вознамѣрился ближе осмотрѣть и описать гиляцкое зимнее жильѣ, которое до зимы оставалось не занятымъ, то блохи положительно заставили обратиться его въ бѣгство и отказаться отъ своего желанія. Какъ густая черная каша, блохи расползлись по Миддендорфу; по немъ разлилась сплошная бродящая масса, подымаясь вверхъ по его одеждѣ. Гиляки извѣстны своею смѣлостью, отвагою въ охотѣ за звѣрями, своимъ единоборствомъ съ медвѣдями; но когда Миддендорфъ со своими спутниками приѣхалъ къ гилякамъ на южномъ берегу Охотскаго моря верхомъ на тунгусскихъ оленяхъ, то гиляки не только съ удивленіемъ смотрѣли на этихъ невиданныхъ до того ими рогатыхъ животныхъ, но разбѣгались самымъ смѣшнымъ образомъ, какъ только олени начинали шевелиться, когда приѣзжіе съ нихъ слѣзли. Такъ новость предмета дѣйствуетъ на умы необразованнаго народа.

Юрты свои гиляки строятъ такъ, что вкапываютъ въ землю столбы, на разстояніи полутора сажени одинъ отъ другого и промежутки между ними забираютъ въ разъ тонкими бревешками безъ мху или другой какой прокладки. На столбахъ утверждаются стропила, которыя связываются такими же тоненькими бревешками, а потомъ забираются вершиннымъ или тонкимъ лѣсомъ и застилаются, на подобіе нашихъ соломенныхъ крышъ, — травой. Затишь все строеніе смазывается глиною. Единственная дверь въ юртѣ довольно низка. По правую и по лѣвую сторону отъ двери дѣлаются очаги, а подъ очагомъ небольшой сводъ, изъ котораго дымъ проходитъ по горизонтальной трубѣ, устроенной подъ нарами. Труба эта деревянная, обмазана глиною и продолжается подъ землю; чрезъ нее дымъ проходитъ въ большую деревянную трубу, иногда единственную для всей деревни, но всегда служащую для двухъ или трехъ юртъ и удаленную отъ строенія на двадцать или на тридцать шаговъ. Нары устилаются циновками изъ рисовой соломы. Балки, соединяющія между собою основные столбы юртъ, служатъ вѣшалками для разныхъ домашнихъ тряпокъ и вещей, а также для привязи собакъ. По срединѣ каждой юрты сдѣланъ помостъ для кормленія собакъ. Собаки вспрыгиваютъ на этотъ помостъ, привязываются къ балкамъ и женщины, поставивъ напо-

мостъ длинныя корыта, уполовинками разносятъ горячій кормъ по корытамъ изъ большихъ чугуныхъ котловъ, вмазанныхъ въ печи. Этотъ кормъ обыкновенно состоитъ изъ вареной юколы. Запахъ юколы, дымъ очаговъ, вой и визгъ собакъ, гиляки, немывшіеся со дня своего рожденія, промерзшія стѣны и горячія нары, смрадъ и грязь—вотъ картина, представляемая внутренностью гиляцкой юрты. Вокругъ юрты и вдоль по берегу устанавливаются сушильни для рыбы и сѣтей, а въ нѣкоторомъ отдаленіи внутрь отъ берега видѣются срубы (сайбы) съ живыми медвѣдями. При каждомъ селеніи гиляковъ имѣются въ большомъ числѣ лодки оригинальной наружности, состоящія изъ трехъ широкихъ досокъ, изъ которыхъ нижняя, замѣняющая дно, нѣсколько выгнута къ оконечностямъ, а боковыя приставлены къ ней на ребро и скрѣплены деревянными гвоздями. Лодки бываютъ двухъ и шестнадцати-весельныя. Весла короткія съ широкими лопастями и для каждаго гребца полагается по два весла. Сверхъ того употребляются челноки изъ бересты, называемые «оморочи», въ которые помѣщается отъ одного до трехъ человѣкъ и на которыхъ гребутъ длинными веслами съ лопастями на обоихъ оконечностяхъ.

Въ мѣстахъ, удобныхъ для охоты на тюленей и бѣлухъ, гиляки пускаютъ на концѣ дѣсню, на которую животное, выходя на поверхность воды, кладетъ свою голову. Невдалекѣ отъ этого мѣста дѣлается засада, обставленная березами. За нею скрывается охотникъ и когда животное покажется, то онъ ловко бросаетъ въ него стрѣлу изъ хорошо вытянутыхъ тюленьихъ ремней; на другомъ концѣ этого ремня укрѣпляется надутый тюлений пузырь, который не позволяетъ животному удалиться далеко и скоро. Измученное животное вытаскиваютъ на берегъ. Для промысла звѣринаго, рыбнаго, для заготовленія рыбъ, ягодъ, гилякъ оставляетъ мѣсто постоянного своего жительства и иногда даже со всѣмъ своимъ семействомъ переселяется въ угодыя, соотвѣтственныя его занятію въ извѣстное время года. Шалашъ, прилѣпленный гдѣ нибудь около скалы, становится тогда жилищемъ гиляка и всего его семейства. Число женщинъ превышаетъ у гиляковъ число мужчинъ, послѣдствіемъ чего оказывается многоженство, впрочемъ, не особенно сильно развитое, такъ какъ большинство гиляковъ имѣетъ только по одной женѣ. Обрядъ супружества, какъ у всѣхъ дикарей, основанъ на калымѣ или покупкѣ. Отцы смотрятъ на своихъ дочерей, какъ на капиталъ. Обыкновенная принадлежность калыма есть лодка, болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, копье, оправленное серебромъ, лукъ со стрѣлами, шелковыя матеріи, халаты, пушные товары и нарта собакъ, число которыхъ, равно какъ и цѣнность прочихъ вещей, опредѣляется по предварительному соглашенію отца съ женихомъ. По уплатѣ калыма, что иногда продолжается нѣсколько мѣсяцевъ и лѣтъ, женихъ увозитъ невѣсту къ себѣ въ юрту и дѣло кончается тѣмъ, безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ. Иногда молодой гилякъ, увлеченный страстью и будучи не въ состояніи заплатить калыма, воруетъ невѣсту и тогда долженъ быть готовымъ или внести выкупъ или быть зарѣзаннымъ при первомъ удобномъ случаѣ. Такъ, однажды, молодой гилякъ, имѣвшій въ виду дочь одного изъ самыхъ зажиточныхъ и вліятельныхъ гиляковъ другого селенія, услышалъ о намѣреніи выдать ее за другого, а потому въ отсутствіе ея отца, нагрянулъ въ его деревню съ двумя или тремя нартами своихъ пріятелей. Въ юртѣ оставались только мать съ дочерью. Гиляки по обыкновенію вошли въ юрту и, усѣвшись около молодой, закурили трубки. Кончивъ курить, гиляки выбили трубки и моментально подхватили восемнадцатилѣтнюю дѣвушку. Вынеся ее на улицу, они растянули ее на нартѣ и мертвыми петлями, приготовленными заранѣе, привязали къ нартѣ. Это было дѣломъ одной минуты. Собаки мигомъ перенесли удалцовъ на такое разстояніе, что никакой крикъ не могъ быть слышенъ въ деревнѣ. Старикъ отецъ, по возвращеніи домой, узнавъ о похищеніи, грозился зарѣзать похитителя, но уплоченный калымъ уничтожилъ распрю. На другой день послѣ похищенія гилячка была законною женою и исполняла всѣ работы по хозяйству своего мужа. Семейныя отношенія гиляковъ отличаются дикостью, равнодушіемъ и холодностью. Только

къ маленькимъ дѣтямъ оказывается нѣкоторое вниманіе и состраданіе. Придя въ возрастъ, сынъ не почитаетъ своего отца и живетъ, какъ ему вздумается. Объ матери нечего и говорить, она не имѣетъ никакого вліянія и считается какъ-бы работницею. Сынъ колотитъ и выгоняетъ изъ дома мать и всѣ окружающіе смотрятъ на такой поступокъ, какъ на самое обыкновенное дѣло. Между мужемъ и женою, даже въ первый мѣсяцъ ихъ супружества, не замѣтно никакого особаго расположенія.

Жертвоприношеніе медвѣдя совершается особымъ образомъ. Предназначенное на убой животное водится по всѣмъ окружнымъ деревнямъ, гдѣ его подчуютъ, дразнятъ и оставляютъ ночевать въ юртахъ. Помость по срединѣ юрты снимается; стукъ палокъ о висячее бревно возбуждаетъ приближеніе медвѣдя, сопровождаемаго множествомъ гиляковъ. Одинъ изъ нихъ, вооруженный заостреннымъ коломъ, скачетъ предъ самою пастью медвѣдя и колетъ его въ разныя части тѣла, преимущественно въ шею и между ушами, а медвѣдь реветъ и старается передними лапами схватить своего противника, но осаживается немедленно назадъ посредствомъ цѣпи, которую иногда держатъ до 15 человекъ. Въ юртѣ къ столбу медвѣдь привязывается четырьмя цѣпями. Начинается угощеніе; медвѣдю подносятъ вареную рыбу, юколу, пшено, ягоды. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ медвѣдя выводятъ изъ юрты и сажаютъ въ сайбу. Передъ какимъ-нибудь праздникомъ медвѣдя убиваютъ стрѣлою. Передъ тѣмъ старики и дѣти ходятъ къ хозяину медвѣдя и плачутъ. По убіеніи всѣ собираются къ медвѣдю и снова плачутъ, послѣ чего его варятъ и съѣдаютъ, причемъ наряжаются въ лучшія платья, катаются въ лодкахъ и нартахъ.

Переѣзды по отдаленнымъ мѣстамъ Сибири представляютъ собою еще и теперь рядъ затрудненій, препятствій и опасностей. Еще болѣе лишеній приходилось претерпѣвать путешественникамъ лѣтъ 50 назадъ, когда почти не было въ этихъ пустынныхъ пространствахъ правильно устроенныхъ дорогъ, и когда путешественнику на каждомъ шагу грозила смерть и отъ голода, и отъ холода и отъ дикихъ звѣрей...

Такой опасности подвергался во время своего путешествія протоіерей Громовъ, переѣзжавшій въ 1834 году на службу со всѣмъ своимъ семействомъ изъ Якутска въ Петропавловскъ, на Камчаткѣ. Описаніе путешествія Громова мало кому извѣстно, а между тѣмъ по богатству приключеній оно едва уступаетъ Робинзону Крузоэ...

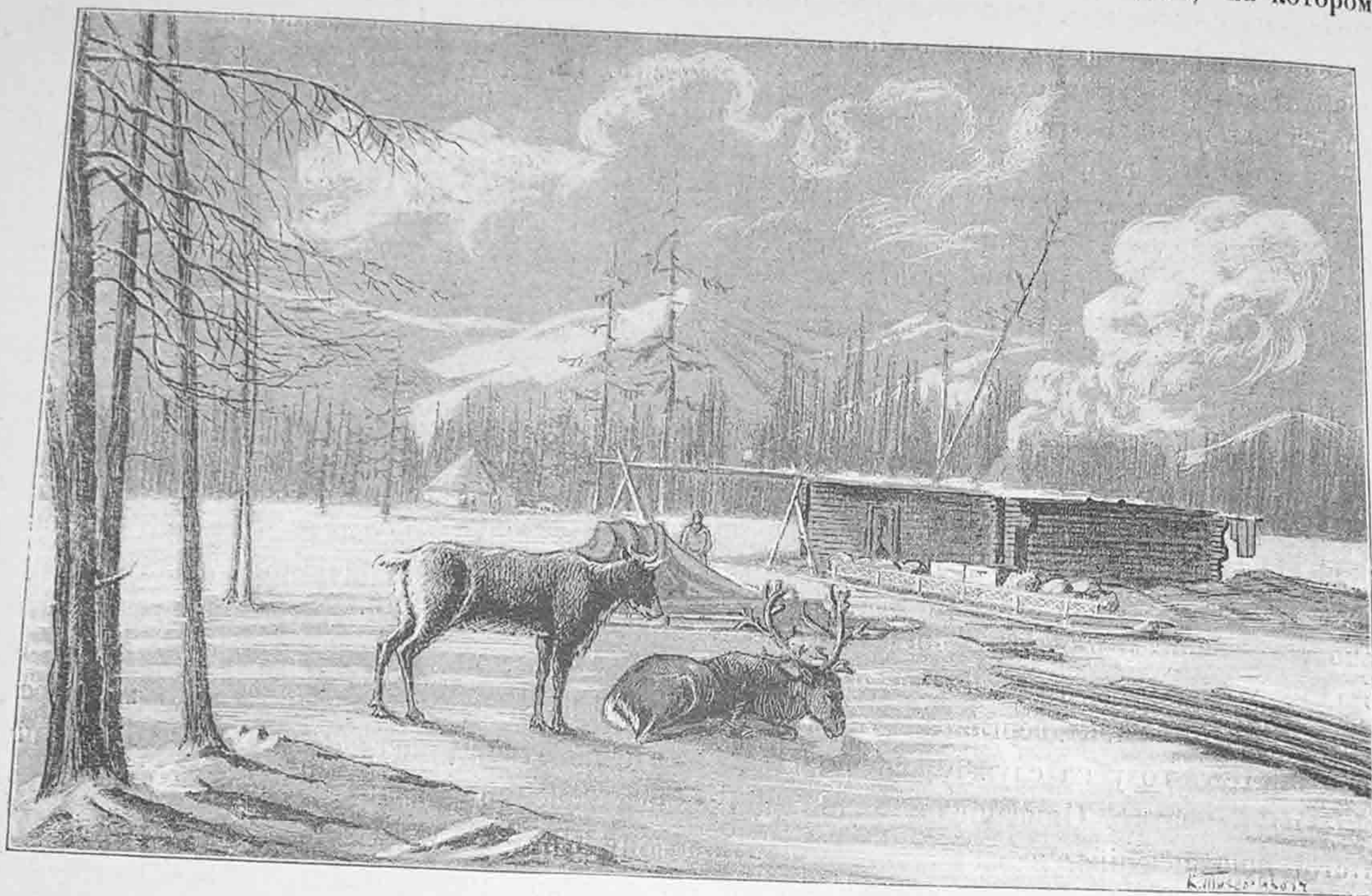
Громовъ отправился въ Камчатку на неопредѣленное время, а потому взялъ съ собою все семейство, жену и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей и съ ними няньку. 5-го іюня переправился изъ Якутска за Лену въ то мѣсто, откуда долженъ былъ начать свой путь верхомъ на лоша-дяхъ. Дѣтей назначено было везти въ люлькахъ, то-есть корзинахъ, обшитыхъ кожею. Люлька виситъ на одномъ боку лошади, связанною съ другою корзиною, висящею на другомъ боку лошади, съ другимъ ребенкомъ или какою либо кладью для равновѣсія. Непривычныя къ такому выюку лошади скачутъ, становатся на дыбы и часто падаютъ. Поэтому, 6-го іюня проводники обучали лошадей, которыя назначены были везти дѣтей въ люлькахъ. Больныхъ или не могущихъ ѣхать верхомъ, сажаютъ въ качку иликрытыя носилки съ оглоблями спереди и сзади, въ которыя впрягаются лошади. 7-го іюня караванъ выступилъ въ путь. Караванъ состоялъ всего изъ 22 человекъ, въ томъ числѣ семейства Громова, семейства другого священника и дьячка и двухъ не женатыхъ причетниковъ. Подъ семействомъ Громова было всего 16 лошадей; на первой находился проводникъ и вель въ поводу вторую, на которую усадили сына Громова. Къ хвосту этой лошади привязана была третья лошадь, навьюченная двумя люльками, въ которыхъ сидѣли два другіе его сына. На четвертой лошади ѣхала нянька,

причемъ къ сѣдлу ея была прикрѣплена люлька съ 18-ти мѣсячнымъ ребенкомъ. На пятой лошади жена Громова, на шестой лошади онъ самъ.

Кладь его везли девять лошадей, связанныхъ хвостами одна съ другой; при нихъ былъ проводникъ на десятой лошади.

Дорога сначала шла въ гору и пролегла чрезъ ущелье въ дремучемъ лѣсу; она дѣлится на нѣсколько вѣтвей и узкихъ тропинокъ, по которымъ двѣ лошади не могутъ слѣдовать рядомъ, но идутъ произвольно отдѣляясь одна отъ другой.

При закатѣ солнца проводники останавливаются для ночлега, причемъ не дошедшихъ, оставшихъ путешественниковъ проводники отправляются отыскивать. Вскорѣ по дорогѣ начались топи; лошадей пришлось развязать, и каждая пошла, какъ умѣла. На ночлегѣ 10-го іюня проводники украли у спутниковъ сухари, и пришли якуты, хозяева того мѣста, на которомъ

Зимняя станція по Охотскому тракту

они провели ночь, требуя настоятельно плату за траву, съѣденную лошадьми. Долго продолжались объясненія, пока Громовъ не сказалъ имъ.

— Богъ наградить васъ за то, что два священника покормили лошадей своихъ на землѣ вашей.

— Правда, батъка, — сказали якуты и затѣмъ ушли съ низкими поклонами.

Далѣе на всемъ пространствѣ шли жидкія болота и тундры, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрытыя хворостомъ и жердями, что называется въ томъ краѣ мостомъ. Лошади не только вязли безпрестанно, но и утопали въ бездонныхъ болотахъ и на каждомъ шагу требовали у людей помощи; ихъ вытягивали изъ грязи на нарахъ. Въ одномъ изъ такихъ мѣстъ лошадь, на которой сидѣла нянька, увязла и упала въ ту сторону, на которой была привѣшена люлька съ самымъ меньшимъ ребенкомъ. Нянька не потеряла присутствія духа; она выхватила ребенка изъ люльки до паденія лошади. 15 іюня протоіерей Громовъ прибылъ на рѣку Амчу, гдѣ узналъ, что проѣхалъ лучшую часть всего пути, и что далѣе дорога будетъ хуже. Люди пере-

правлены были на лодкахъ, а лошади вплавь. Ночью шелъ проливной дождь, и 16-го іюня грязь была поэтому непроходимая. Носилки, въ которыхъ ѣхала, только недавно вставшая съ постели, жена другого священника, пришлось оставить, и бѣдную женщину посадили на лошадь. На пути лошадямъ пришлось идти по долинь, покрытой водою; онѣ вязли, тонули и опускались на каждомъ шагу вглубь. Во многихъ топкихъ мѣстахъ путешественники сходили съ лошадей, брали на руки дѣтей и, только придя въ совершенное изнеможеніе, клали ихъ опять въ люльки. Такъ они дошли до рѣки Алдана, на берегу которой провели ночь въ палаткахъ. На другое утро путники переправились на правый берегъ въ селеніе, состоящее изъ трехъ или четырехъ якутскихъ юртъ и хлѣбнаго магазина. За селеніемъ пошелъ опять проливной дождь. Топи опять растворились. Лошади вмѣстѣ идти не могли и потому разбрелись. Въ одиннадцатомъ часу ночи, въ дикомъ мѣстѣ подлѣ утеса, подъ проливнымъ дождемъ, они остановились около разрушеннаго моста и скликались въ темнотѣ ночи. Вблизи ихъ ночлега лежалъ еще не растаявшій снѣгъ, который началъ размываться дождемъ, такъ что сырой холодъ приводилъ путешественниковъ въ изнеможеніе. Дождь шелъ всю ночь и пробилъ насквозь палатки. Караванъ провелъ двое сутокъ подъ постояннымъ дождемъ. 22-го іюня караванъ рѣшился двинуться впередъ. Черезъ рѣку Бѣлую переправились на лодкахъ на лѣвый берегъ, гдѣ раскинули палатки. 23-го числа дождь продолжалъ идти постоянно. Якуты, не желая слѣдовать далѣе, распустили лошадей и стали увѣрять, что онѣ разбрелись, и что ихъ надобно собирать. Между тѣмъ вода въ рѣкѣ замѣтно прибывала и грозила затопить даже возвышенное мѣсто, которое занимало семейство священника. Опасность возрастала ежеминутно, но ѣхать было невозможно, потому что якуты не приводили лошадей. На другой день караванъ, наконецъ, пустился въ путь. Онъ девять разъ переѣзжалъ довольно возвышенные хребты горъ, но и тамъ не прекращались топи и болота. Приходилось подниматься и спускаться по топкимъ, пологимъ мѣстамъ. 26-го іюня путники двѣнадцать разъ переѣхали черезъ рѣку Тюнкюй. Въ этотъ день они ночевали на половинѣ дороги отъ Якутска и Охотска. 27-го и 28-го іюня шелъ сильный дождь. Путники шли пѣшкомъ по крупнымъ камнямъ, по которымъ лошади не могли твердо ступать. Всю ночь проискали пропавшаго съ тюками проводника, который завязъ въ топи. Шестъ разъ путники, промокишіе до костей, переѣзжали вбродъ разныя рѣчки и, между прочимъ, ѣхали также по твердому сольгу. 29-го числа они шли по льду. 30-го видѣли столбъ, на которомъ прочли: «отъ Якутска 525, отъ Охотска 489». Въ лѣсахъ часто находили завязшихъ, утопающихъ лошадей, которыхъ спасти было невозможно. 1-го іюля караванъ ѣхалъ сперва мрачными ущельями, потомъ каменистымъ и гористымъ пространствомъ по сухой песчаной дорогѣ. На станціи пали двѣ лошади, на которыхъ ѣхали трое меньшихъ дѣтей Громова, потому что люльки до крайности изнуряютъ лошадей. На другой день, переправясь черезъ рѣку Аллахъ-Юну, весь караванъ, по просьбѣ якутовъ, рѣшился днество не обративъ вниманія на прибыль воды. Скоро, однако, вода вышла изъ береговъ и наводнила мѣсто, на которомъ были расположены путники. Окруженные водою, они очутились на островѣ, но и тамъ угрожала имъ гибель. Они сложили ящики одинъ на другой и на нихъ взлѣзали сколько можно было выше. Такъ прошла ночь. Вода прибывала до утра; по рѣкѣ быстро неслись деревья, бревна, и потому на лодкахъ не было возможности подать помощь путникамъ ночью. Только 3-го іюля перевезли ихъ на станцію. Если-бы вода продолжала прибывать, то имъ оставалось спастись на деревьяхъ, на которыхъ они могли, однако, умереть съ голода, но вода скоро убыла. Отдѣлявшее ихъ отъ дороги низменное пространство было, однако, еще покрыто водою, такъ что 4-го іюля нельзя было еще пуститься въ путь. Якуты провели весь день въ мѣстѣ и покупкѣ лошадей. 7-го іюля на переходѣ переправились десять разъ въ бродъ. Въ тотъ день часть пути караванъ вновь прошелъ по льду. Во все эти дни путники видѣли слѣды медвѣдей. На ночлегѣ лошади наѣлись «сыяной травы» и оправались, только вспотѣвъ на перегонѣ. 11-го іюля караванъ пришелъ къ правому берегу

свирѣпствовалъ скотскій падежь. Подрядчикъ-якутъ, взявшійся доставить путниковъ въ Охотскъ, упростилъ протоіерея Громова отпустить его, въ виду падежа. Громовъ, рассчитывая нанять лошадей на станціи, согласился на его просьбу. 12-го іюля, въ первый разъ по выѣздѣ изъ Якутска, караванъ прошелъ 35 верстъ, несмотря на одинаковья съ прежними препятствія. Опасеніе встрѣтить бѣглыхъ людей съ Охотскаго солевареннаго завода и медвѣдей заставило путниковъ не разлучаться. 14-го числа, во время дождя, въ холодную погоду, поднимаясь на гору, двѣ почтовые лошади упали и издохли. Лошадь, на которой сидѣли въ люлькахъ среднія дѣти Громова, вдругъ стала бѣситься. Одна люлька съ нея сорвалась съ ребенкомъ и попала ей подъ ноги; лошадь наступила на люльку; прочія лошади также разыгрались, но проводникъ ихъ усмирилъ; упавшую люльку подняли, ребенокъ найденъ неповрежденнымъ.

Протоіерей Громовъ ѣхалъ на смирной, послушной лошади. Вдругъ она замотала головою, быстро поскакала и со стономъ свалилась на землю. Оказалось, что въ лѣсистыхъ мѣстахъ этого края, около гнилыхъ деревьевъ, лѣтають рои «строкъ», въ родѣ осы, съ сильнымъ жаломъ, производящимъ весьма широкое отверстіе, изъ котораго и струилась кровь павшей лошади. Якуты предварили путниковъ, что, при появленіи такого роя, необходимо всѣмъ разбѣжаться. Эти насѣкомья появляются только въ сырую погоду и рѣдко жалятъ людей; ужаленіе ихъ производитъ мгновенно сильную боль и опухоль. Бѣдствія каравана не прекращались. Съ пяти палыхъ лошадей кладъ была навьючена на здоровыхъ лошадей, до крайности изнуренныхъ. Скоро пали еще четыре лошади. У нѣкоторыхъ лошадей показались признаки заразы. Жаръ былъ нестерпимый; на каждомъ шагу сотнями встрѣчались дохлыя лошади; смрадъ былъ невыносимый. Весь воздухъ былъ проникнутъ этимъ смрадомъ, даже сѣдла, вьюки, припасы. Идти пѣшкомъ было невозможно по повсемѣстной топи. На каждой лошади, кромѣ собственнаго ея вьюка, навьючена была кладъ съ павшихъ лошадей и, сверхъ того, помѣщались два человѣка. Встрѣча съ ямщикомъ, у котораго проводникъ каравана взялъ трехъ лошадей, облегчила прочихъ. Вечеромъ ямщикъ разложилъ огни для защиты отъ медвѣдей. 18-го іюля, на закатѣ солнца, подъѣхали къ броду. Спутники протоіерея Громова, отъ изнеможенія, не могли ѣхать далѣе и остановились; но почтовый ямщикъ Громова, не внимая его убѣжденіямъ, переѣхалъ бродъ и разбилъ палатки. Проливной дождь не дозволилъ развести огней. Утромъ нашли издохшую лучшую лошадь. Подъѣхавъ къ новому броду, за нѣсколько верстъ отъ ночлега, проводникъ объявилъ, что переправиться можно только «заводомъ», т. е. часть клады навьючить на нѣсколькихъ лошадей, отвезти ее далѣе, въ извѣстное мѣсто, потомъ пріѣхать на тѣхъ же лошадяхъ за остальною частью поклажи и, наконецъ, въ третій разъ за людьми, которые сидѣли между тѣмъ въ грязи. Подъѣхавъ къ Уралу, они нашли рѣку, выступившую изъ береговъ. Не было возможности переправиться чрезъ нее, надлежало ждать, а между тѣмъ съѣстные припасы всѣ вышли. Семейство Громова было спасено отъ голода станціоннымъ смотрителемъ, возвращавшимся изъ Охотска. Онъ съ большою опасностію переправился чрезъ рѣку и привезъ имъ хлѣба, масла, рыбы, соли и даже водки. На этомъ мѣстѣ съѣхались опять спутники Громова, оставленные самовольнымъ распоряженіемъ ямщика. Здѣсь узнали причину, почему ямщикъ не хотѣлъ тогда тамъ остановиться. Станціонныхъ проводниковъ обязываютъ подпискою не останавливаться на томъ мѣстѣ по множеству медвѣдей. Спутники Громова испытали на опытѣ основательность такого предупрежденія. Въ виду всѣхъ, медвѣдь напалъ на одну изъ ихъ лошадей и сталъ ее пожирать. Путешественники принуждены были изъ вьюковъ достать свою мѣдную посуду и только звукомъ ея испугали и отогнали звѣря.

Только 23-го іюля путники съ опасностію переправились на другой берегъ рѣки. Между тѣмъ язва усиливалась; путешественники были принуждены на каждомъ шагу поднимать изнемогавшихъ лошадей и помогать имъ дойти до станціи. Въ пять часовъ они достигли Меты, откуда до Охотска оставалось только 50 верстъ. Изъ десяти лошадей, взятыхъ протоіереемъ Громовымъ, пришли на Мету только три; на другой день изъ трехъ пали двѣ. Изъ юдом-

Ночлегъ на дорогѣ въ Камчаткѣ.

свихъ почтовыхъ лошадей не дошла ни одна. На Метанской станціи пали всѣ почтовые лошади.

Рѣка Охота выступила изъ береговъ. Пробывъ три дня на станціи, протоіерей Громовъ, несмотря на опасность плаванія, рѣшился всетаки отправиться въ Охотскъ, чтобы не опоздать къ отплытію судна, назначеннаго въ Камчатку. Привели четыре лодки, которыя были связаны въ видѣ парома. Полу-слѣпой кормчій громко объявилъ, что не отвѣчаетъ за путешественниковъ, потому что рѣка разлилась, опасныя мѣста покрыты водою, а лодки плохи, глаза же его худо видятъ. Паромъ поплылъ съ чрезвычайною быстротою. Половину пути, т. е. верстъ пятьдесятъ по извилинамъ Охоты они проплыли удачно, но затѣмъ противный вѣтеръ и приливы съ моря заставили ихъ пристать къ острову, на которомъ разбили палатки и переночевали. Кормчій со своими помощниками наловилъ плестомъ рыбы въ такомъ количествѣ, что всѣ питались ею цѣлыя сутки. Снова пошелъ проливной дождь, но путники уже не обращали на него вниманія и послѣ 50-ти дневнаго странствованія прибыли наконецъ въ Охотскъ.

Двадцать лѣтъ спустя, въ 1854 году, проѣхалъ отъ Охотскаго моря къ Якутску, по направлению отъ Аяна, по проложенному передъ тѣмъ новому почтовому тракту, И. А. Гончаровъ и повѣствованіе его объ этомъ переѣздѣ рисуетъ тѣ же картины бѣдствій и лишеній, какія начертаны были передъ нимъ простымъ, безыскусственнымъ перомъ протоіерея Громова. Изъ Аяна надобно было лѣтомъ ѣхать верхомъ верстъ двѣсти, при чемъ багажъ также везли на лошадяхъ выюками. Затѣмъ, по рѣкамъ Маѣ и Алдану спускались верстъ шестьсотъ въ лодкахъ, а потомъ сто восемьдесятъ верстъ опять верхомъ по болотамъ и, наконецъ, остальные двѣсти пятьдесятъ верстъ до Якутска на телѣгахъ. Отъ Алдана ѣдутъ по ложбинамъ между горъ, по руслу рѣчекъ и горныхъ ручьевъ, которые въ дожди бурлятъ такъ, что лошади едва переходятъ въ бродъ, уходя по уши. Въ сухую погоду сѣдоки мочатъ только подошвы; но при переправѣ чрезъ Алдамы должны поднимать ноги къ сѣдлу. По дорогѣ идетъ густой лиственный лѣсъ; ѣдутъ по узенькой, усѣянной пнями, тропинкѣ. Потомъ лѣсъ раздвигается и глазамъ является обширное, забросанное камнями, болото, которое въ дожди, должно быть, непроходимо. Щебень составляетъ природное дно рѣчекъ, а крупные камни набросаны, будто въ видѣ украшеній, съ утесовъ, которые стоятъ стѣною и мѣстами поросли лѣсомъ, мѣстами голы и дики. Нигдѣ нѣтъ ни признака жилья, ни встрѣчи съ кѣмъ нибудь. Путники ѣхали горными тропинками, мимо овраговъ, къ счастью окаймленныхъ лѣсомъ, проѣхали въ бродъ множество рѣчекъ, горныхъ ручьевъ и нѣсколько разъ рѣку Алдаму, потомъ углубились въ глушь лѣсовъ и подолгу ѣхали узенькими дорожками, пересѣкаемыми, или горизонтально растущими сучьями или до того грязными ямами, что и лошадь и сѣдокъ останавливаются въ недоумѣніи, какъ переѣхать или перескочить то или другое мѣсто. И это еще бездѣлица въ сравненіи съ предстоящими грязями, гдѣ лошадь уходитъ совсѣмъ. Лошадямъ здѣсь овса не положено давать, за неимѣніемъ его; за то травы изъ подъ ногъ—сколько хочешь. По пріѣздѣ на станцію, ихъ отводятъ въ лѣсъ и тамъ оставляютъ до утра. Лѣсъ по дорогѣ былъ лиственный, потомъ стали появляться ель, сосна шиповникъ. Много росло по пути брусники и рябины. Тишина и молчаніе сопровождали караванъ г. Гончарова. На пути имъ показалось кочевье оленныхъ тунгусовъ со стадомъ оленей. Только однажды засвистала какая-то птичка, да, кажется, сама испугалась и замолкла, или иногда изъ болота вдругъ выскочивалъ куликъ, мѣстами въ вышинѣ неслись гуси или утки,—все это пролетные гости въ этой мѣстности. Не слышать было и насѣкомыхъ. Наконецъ, совершилось восхожденіе каравана на Джукжуръ, какъ называется якутами часть Становаго хребта, который имъ приходится перелезть. Караванъ выѣхалъ со станціи часовъ въ семь утра и ѣхалъ незамѣтно по горѣ, буквально по океану камней. Рѣдко, рѣдко гдѣ на полъ версты появлялась земляная тропинка и затѣмъ исчезала. Якутскія лошади малорослы, но сильны, крѣпки, ступаютъ мѣрно и увѣренно. Джукжуръ отстоятъ въ восьми верстахъ отъ станціи, гдѣ ночевалъ караванъ. Вскорѣ по сто-

ронамъ пошли горы, одна другой круче, сѣрѣе и недоступнѣе. Это какъ будто искусственно насыпанныя пирамидальныя кучи камней. По виду ни на одну нельзя влѣзть; одиѣ горы сѣроватыя, другія зеленоватыя, все вообще непривѣтливы, гордо поднимаются къ верху и сбраиваются съ себя каменя. Джукжуръ явился издали въ видѣ прямой стѣны съ обледѣвшею снѣжною глыбою, будто вставленнымъ въ персти алмазомъ, на самой крутизнѣ. Между тѣмъ было замѣтно, что караванъ уже давно поднимается, что стало холоднѣе и что осталось только подняться на самую «выпуклость», которая висѣла надъ головами путниковъ. Гончаровъ все еще не вѣрилъ въ возможность вѣхаться и войти, а между тѣмъ караванъ уже тронулся при крикахъ якутовъ. Камни заговорили подъ ногами. Вереницею, зигзагами потянулся караванъ по тропинкѣ. Двѣ выючныя лошади перевернулись черезъ голову, одна съ чемоданами Гончарова. Ее бросили на горѣ и пошли дальше. Гончаровъ шелъ съ двумя якутами; одинъ велъ его на кушакѣ, другой поддерживалъ сзади. Гончаровъ садился разъ семь отдыхать, выбирая для того камни по—мшистѣе, иногда же клалъ голову на плечо якута. Каменья катились подъ ногами; якуты дали путникамъ по палкѣ. Наконецъ дошли до вершины. У одного якута, который велъ Гончарова, пошла изъ носа кровь. Остальная дорога до станціи была отличная, ѣхали почти по шоссе, по прекрасной сосновой, березовой и еловой аллеѣ. Встрѣтилъ караванъ на дорогѣ красивый каскадъ и груды причудливо-разбросанныхъ какъ будто взрывомъ зеленоватыхъ камней.

На большой части побережья Охотскаго моря зимою переѣзды возможны только на собакахъ. Для этой ѣзды употребляются повозки двухъ родовъ: нарты и санки. На нартахъ возятъ тяжести или тѣхъ кто хочетъ ѣхать спокойно, потому что въ нихъ можно даже и лежать одному человѣку, а наверху задней части нартъ иногда накидывается круглая крышка, какъ въ обыкновенныхъ кибиткахъ. На санкахъ же рѣдко возятъ кладъ и ѣзда на нихъ безпокойна. Нарты бываютъ гораздо болѣе санокъ. Устройствомъ своимъ онѣ походятъ на обыкновенныя салазки; но только полозья у нихъ несравненно длиннѣе и загибы гораздо отложе. Копылья не вколочены въ полозья, а привязываются ремнями, какъ и у санокъ. Кибитка, или волочекъ, дѣлается изъ весьма тонкихъ прутиковъ или драничекъ и обыкновенно обтягивается выдѣланною оленьюю кожею. У богатыхъ нартъ кибитку снаружи обтягиваютъ тюленьими кожами и внутри сукнами или байкою. Въ нартѣ подлѣ головяшки кладется поперекъ доска, на которой садится каюрщикъ или кучеръ. Подъ доскою иногда дѣлается ящикъ для поклажи. Сѣдокъ сидитъ или лежитъ въ нартѣ. Кто же ѣдетъ на саняхъ съ каюрщикомъ, тотъ долженъ сидѣть или верхомъ на санкахъ или со стороны санокъ; кто же самъ правитъ собаками, тотъ сидитъ съ правой стороны, поставя лѣвую ногу на полозокъ, а лѣвою рукою держитъ за ремень, привязанный къ головяшкѣ, которою онъ и отводитъ санки отъ деревьевъ и направляетъ ихъ по прямому пути. Охотники до собачьей ѣзды никогда не ѣздятъ въ нартахъ, но постоянно на санкахъ, которыя украшаютъ роскошнымъ, щегольскимъ образомъ до мотовства. Собаки, употребляемыя для ѣзды, на людей никогда не бросаются; рѣдкія изъ нихъ кусаются и то если ихъ трогаютъ; посторонній человѣкъ можетъ ихъ поймать и заперчь; но для звѣрей и для всякаго рода домашней скотины и птицы онѣ очень опасны.

Ѣзда на собакахъ не только крайне трудна и безпокойна, но даже и опасна. Дороги зимою весьма узки и почти все лежатъ чрезъ горы и утесы, на которыхъ часто бываютъ къ деревьямъ раскаты, особенно на косогорахъ. На спускахъ съ горъ или по гладкой дорогѣ собакъ очень трудно удержатъ, а потому нужно имѣть большую привычку и сноровку, чтобы умѣть на всемъ скаку отводить отъ деревьевъ. Много было случаевъ, что люди на раскатахъ ушибались о деревья до смерти. Сверхъ того, если по дорогѣ собаки увидятъ звѣря или усмотрятъ слѣдъ его (напримѣръ дикаго оленя), то вмгъ бросаются въ ту сторону съ дороги, гдѣ полагаютъ найти звѣря. Тогда съ собаками очень трудно справиться и нужно бываетъ употребить не мало времени, чтобы ихъ вновь направить на настоящій путь, если не успеютъ удержатъ

во время. Не рѣдко случается, что собаки совсѣмъ уходятъ при такой погонѣ за звѣремъ отъ ѣздока и бѣгутъ, сломя голову, пока не запутаются въ лѣсу или не зацѣпятся санками за дерево. Иногда, отъѣхавъ нѣсколько сажень отъ дома, собаки вдругъ сами собою поворачиваютъ назадъ и, не взирая на все усилія проводника и на побой, его не слушаютъ. Даже самые искусные ѣздоки съ трудомъ заставляютъ ихъ тогда ѣхать настоящею дорогою, чаще же бываетъ, что даютъ имъ волю везти себя домой и тамъ, побивъ ихъ порядочно, пускаются уже вторично въ путь.

Кенанъ выѣхалъ изъ Гижиги 13-го декабря на собакахъ. Между Пенжинскою губою и рѣкою Мальмовкою мѣстность была настоящею пустынею, обширною, ровною, утомительною для взора. Нигдѣ не было видно слѣда животной или растительной жизни; снѣжный океанъ, бѣлый холодный, молчаливый, слабо освѣщался съ восточной стороны луною уже на ущербѣ и зловѣщими голубыми лучами сѣвернаго сіянія, то исчезающими, то снова появившимися на полярномъ горизонтѣ. Даже, когда солнце всходило огромнымъ, огненнымъ шаромъ въ морозномъ туманѣ на южной сторонѣ, оно, казалось, не вдыхало ни теплоты, ни жизни въ мрачный зимній пейзажъ. Оно поглощало только своимъ густымъ краснымъ свѣтомъ голубые дрожащія лучи сѣвернаго сіянія, между тѣмъ какъ бѣловатый свѣтъ мѣсяца и звѣздъ, окрашивая снѣгъ бѣлыми тѣнями, напоминающими солнечный закатъ, представлялъ на сѣверозападѣ какой то чудный миражъ. Пустынная снѣжная степь превратилась внезапно въ голубое тропическое озеро, на далекомъ берегѣ котораго поднимались стѣны, куполы и стройные минареты большого восточнаго города. Массы роскошной зелени наклонялись надъ прозрачною, голубою водою и отражались въ ея глубинѣ, между тѣмъ какъ высокія стѣны только что окрашивались первыми лучами восходящаго солнца. Обманъ не могъ быть полнѣе и совершеннѣе. Лучезарное явленіе блѣднѣло, снова оживало и, наконецъ, исчезло, а изъ его развалинъ поднялись два колоссальные столба, высѣченные изъ розоваго кварца, верхушки которыхъ постоянно сближались и образовали наконецъ арку, подобную огромному входу въ небо. Свѣтъ и воздухъ въ высшей степени благоприятствуютъ въ этихъ мѣстностяхъ преломленію лучей.

Термометръ въ полдень показывалъ 35 град. холода, а послѣ солнечнаго заката 38 град. и все еще понижался. Не встрѣчая лѣса съ рѣки Мальмовки и, не отваживаясь остановиться на ночлегъ безъ огня, американцы ѣхали еще въ продолженіе пяти часовъ послѣ наступленія ночи, руководствуясь только звѣздами и блескомъ сѣвернаго сіянія. Отъ сильнаго холода бороды походили на перепутанныя нити желѣзной проволоки; рѣсницы превратились въ ледяную бахрому и вѣки примерзали другъ къ другу, когда глаза мигали, а собаки, обернувшись въ густое облако пара, походили на полярныхъ волковъ. Американцы должны были часто бѣжать возлѣ саней, чтобы сохранить какую нибудь чувствительность въ ногахъ. Около восьми часовъ нѣсколько деревьевъ зачернѣли на восточномъ горизонтѣ и радостный крикъ съ передовыхъ саней извѣстилъ о близости лѣса. Американцы достигли до небольшой рѣчки Узинова, въ семидесяти пяти верстахъ къ востоку отъ Гижиги. Собаки остановились и свернулись клубками на снѣгу, между тѣмъ какъ проводники начали быстро и систематично соорудить лагерь по сибирскому способу. Трое саней были сдвинуты вмѣстѣ такъ, чтобы составить изгородь около десяти футовъ въ квадратѣ; весь снѣгъ былъ выгребенъ изнутри и изъ него былъ сдѣланъ валъ вокругъ трехъ загороженныхъ сторонъ, какъ у крѣпости, и большой огонь изъ еловыхъ сучьевъ разведенъ у четвертой открытой стороны. Дно этого маленькаго погреба усыпали слоемъ ивовыхъ и ольховыхъ вѣтокъ на три или четыре дюйма толщины, разостлали сверху мохнатая медвѣжья шкура и приготовили путникамъ мѣховые мѣшки на ночь. Послѣ ужина проводники набросали цѣлую кучу сухихъ сосновыхъ сучьевъ на костеръ, пока пламя не поднялось краснымъ столбомъ на десять футовъ въ вышину, и, собравшись живописною группою вокругъ огня, они въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ пѣли свои дикія заунывные пѣсни и рассказывали безконечныя исторіи объ опасностяхъ и приключеніяхъ, случившихся на обширныхъ тундрахъ и у береговъ моря...

Хотя на Охотское море, со времени первых поселеній на немъ русскихъ, китайское правительство никогда не заявляло какихъ либо притязаній, однако, опасеніе ихъ возникновенія постоянно удерживало наше правительство отъ перенесенія административныхъ пунктовъ и портовъ съ сѣверной части моря на южную. Крузенштернъ, во время своего извѣстнаго кругосвѣтнаго плаванія, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія изслѣдовать южные берега Охотскаго моря, потому что ему было запрещено «приближаться къ китайскимъ берегамъ». Россійско-американская компанія, несмотря на всѣ претерпѣваемыя ею невзгоды отъ гибельнаго Охотска, не могла получить отъ нашего правительства разрѣшенія основать гавань на южномъ берегу Охотскаго моря далѣе устья рѣки Уди, хотя бы тамъ и находилось удобное для того мѣсто несмотря на то, что и по картамъ и на надѣлѣ тотъ берегъ до Тугура безспорно принадлежалъ Россіи. Съёмка штурманскаго офицера Козьмина, въ 1830—1832 годахъ, вѣроятно, обняла-бы собою весь южный берегъ Охотскаго моря, если бы наше правительство не считало необходимымъ въ то время соблюдать чрезвычайную осторожность въ своихъ соприкосновеніяхъ съ Китаемъ. Всѣ поселенія русско-американской компаніи въ окрестностяхъ Тугура приказано было Козьмину закрыть и возвратить назадъ всѣхъ посельщиковъ съ ихъ семьями, которые были даны ему подъ команду.

Поѣздка Миддендорфа на южный берегъ Охотскаго моря и возвращеніе его въ Иркутскъ по области Амура, чрезъ дѣйствительно китайскія владѣнія, была поворотною точкою, поведшею къ занятію Амура. Такъ въ 1846 году, когда донесенія Миддендорфа правительству о его путешествіи были уже извѣстны, по приглашенію правительства «на казенный счетъ, главный правитель сѣверо-американскихъ колоній, Тебеньковъ, отправилъ изъ Ново-Архангельска къ устью Амура бригъ «Константинъ», подъ командою штурманскаго поручика Гаврилова, для изслѣдованія этой рѣки. Гавриловъ пришелъ къ заключенію о невозможности плаванія по лиману Амура, и что отъ устья рѣки къ сѣверу въ Охотское море, можно надѣяться найти узкій извилистый протокъ, но по этому протоку ни въ какомъ случаѣ не возможно проходить судамъ даже и мелководнымъ». Въ 1847 году капитанъ-лейтенантъ Поклонскій на бригъ «Охотскъ» изслѣдовалъ уже весь южный берегъ Охотскаго моря, а въ 1849 году транспортъ «Байкалъ», подъ начальствомъ капитана Невельскаго, вошелъ въ Амуръ и уничтожилъ всѣ сомнѣнія относительно входа въ эту рѣку и относительно свободнаго выхода изъ Татарскаго пролива въ Охотское море. Въ іюнѣ 1850 года, въ заливѣ Счастіе, сѣвернѣе Амурскаго лимана, было основано Петровское зимовье или укрѣпленіе, а въ августѣ 1851 года заложенъ былъ Николаевскій постъ на Амурѣ. Петровское зимовье, нынѣ не существующее, было началомъ присоединенія Амурскаго бассейна и побережья Татарскаго пролива къ Россіи. Много перенесли невзгодъ и лишеній капитанъ Невельской, прапорщикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Орловъ и ихъ жены, а равно и мичманъ—Бомнякъ, бывшіе первыми жителями Петровскаго зимовья, когда во время страшно холодной зимы въ комнатахъ начальника этого порта было всего 5 град. тепла, когда неприсылка судовъ изъ Камчатки сопровождалась неимѣніемъ молока для грудныхъ дѣтей, не было свѣжей пищи для больныхъ и нѣкоторые изъ нихъ пали жертвою цынги. Нужно было ладить и съ гиляками и съ тунгусами и постепенно изслѣдованіемъ, изученіемъ края готовить приобрѣтеніе Амура и всего сосѣдняго съ нимъ края, смѣнившаго собою Охотское море и его побережье и давшаго Россіи возможность стать уже болѣе твердою ногою на берегахъ Великаго Океана.

П. Усовъ.

